UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324609 7

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/rasskazy00remi

354151
44
1/75
I
Remizov, Aleksei Mikhailovich 617
2485
LIBRARY OF CONGRESS
SEP 1927
SLAVIC SECTION
Rasskazy
143c

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

РАЗСКАЗЫ

С-ПЕТЕРБУРГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОГРЕССЪ"
1910

Remizov, Alexeï Mikhaïlovich 2

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

Razskazy

РАЗСКАЗЫ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство „ПРОГРЕССЪ“, Невскій, № 34.
1910.

PG
3470
R4A15
1910a

LIBRARY
FEB 28 1966
UNIVERSITY OF TORONTO

1053101

PG3470
.R4A15
1910

357151
26

Типографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина. Екатеринин. кан. 71—6.

I.

Судъ Божій.

1.

О. Иларіонъ—монахъ угодный, уменъ и вѣрою крѣпокъ—старецъ. Какъ казначей и духовникъ—на виду и самъ всякаго видитъ. Бдительный—не пропуститъ ни одной службы; много лѣтъ безсмѣнно и въ безмолвіи у мощей стоялъ. Говорятъ, прозорливый; оттого, должно быть, въ монастырь народъ идетъ побывать на духу у старца. Строгій и взыскательный, потачки не дастъ, а глаза хорошіе—всю душу выложишь. Высокій, прямой, борода сѣдая, длиной въ мѣру—не песья. Быстрый, не побѣжитъ, а всюду поспѣетъ. И узнаешь, не глядя: мантія, какъ у прочихъ, а шуршитъ, словно гофреная; въ этомъ шуршаньѣ богомольцы и братія особую благодать видѣли. Въ монастырѣ давно, а когда и почему—неизвѣстно. Одни говорили, что отъ несчастной любви, а другіе—что съ юности возлюбилъ пустыню, а третьи—ничего не говорили, во все вѣруя. А было во что: много разнаго складывали. Показывали, напримѣръ, въ монастырской оградѣ кедры, будто бы вывезенные старцемъ въ Москву съ Вычегды изъ пустыни, а кедры были такіи огромные—вѣкъ, а то и болѣ. Показывали вериги, съ отроческихъ лѣтъ носимыя будто бы старцемъ, и эти вериги—тяжести непомѣрной—надѣвали обыкновенно на бѣсноватыхъ: шибко помогаетъ. И все въ такомъ родѣ. Впрочемъ, что же?—по заслугамъ и честь, такъ изъ головы не выдумаешь.

Всякій разъ, когда въ монастырѣ подымался трудный вопросъ или требовалось уладить какое-нибудь запутанное дѣло, на совѣтъ къ настоятелю призывался о. Иларіонъ. И не безъ проку: старецъ, обсудивъ вопросъ, удалялся въ церковь и, промолившись ночь, выносилъ на утро рѣшеніе, и было оно мудро и всегда на великую пользу. Живи, не бойся!

Случилось однажды, кіевскій владыко, гостя въ Москвѣ, посѣтилъ монастырь и, проживъ въ немъ нѣкоторое время, уѣхалъ, тронутый и довольный строгимъ уставомъ и образцовымъ порядкомъ. Въ благодарность за такое вниманіе рѣшено было послать владыкѣ подарокъ. А такъ какъ слылъ онъ за большого молебника, то изо всѣхъ монастырскихъ сокровищъ выбрана была чудотворная и издавна чтимая икона Божіей Матери, именуемая Скорбной.

Составляя часть сложной иконы Деисиса, разсказываютъ, что во время пожара, случившагося однажды въ монастырѣ, когда другія двѣ части, изображавшія Исуса и Предтечу, погорѣли до-тла, она одна уцѣлѣла въ огнѣ нетронутой; на ней представлена была Божія Матерь, какъ стояла Она у Распятія. Икона была древняя, ликъ теменъ, но изъ теми явственно видѣлись и скорбь и мука душевная—вся горечь и вмѣстѣ глубокое покорство святого сердца, черезъ которое судимо было, чтобы прошелъ мечъ. Украшенная богатой ризой и цвѣтными камнями, она по размѣрамъ небольшая—подъ силу одному унесть.

Отвезти эту драгоцѣнную святыню въ Кіевъ поручено было о. Иларіону.

2.

Съ перваго шага пошли неудачи.

Купэ второго класса, въ которомъ помѣстился о. Иларіонъ, заняли еще три пассажира. И это было бы куда

ни шло. Вскорѣ же оказалось, что всѣ они хоть и очень пріятные и услужливые спутники, но курильщики самые отчаянные. И это было совсѣмъ некстати: ѣхать до Кіева приходилось цѣлыя сутки, а отъ табачнаго дыма у о. Иларіона кружилась голова и болѣло сердце. Что было дѣлать? Просить не курить—совѣстно, перейти въ другой вагонъ—мѣста нѣтъ. И вотъ, чтобы какъ-нибудь уберечься и въ то же время не стѣснять своихъ сосѣдей, о. Иларіонъ, выждавъ контроль, вышелъ на площадку и рѣшилъ оставаться такъ весь путь до Кіева.

Погода выдалась теплая и продувавшій вѣтерокъ не мѣшалъ: легко обвѣвая лицо, подымалъ онъ вскрылія клобука и, играя въ нихъ, шелестѣлъ ими, какъ крыльями.

А любо и хорошо!—весеннія поля, лѣсъ и рѣка шли чередомъ: дружная широко полегла зель и туда и сюда и благодатная укрывала душистымъ ковромъ необъятный край земли до самой сини неба и словно все кликала кликомъ рѣющей пѣсни своего жаворонка, а лѣсъ, зеленѣя молодой клейкой листвой, что-то все говорилъ шумя, а пробѣгавшія рѣки и рѣчки, вырастая подъ половодьемъ, полноводныя, гудѣли, куда колоколъ.

И оттого ли, что столько лѣтъ проведено было однообразно и на одномъ мѣстѣ въ стѣнахъ городского монастыря среди свѣчей, лампадокъ и ладана, или еще отъ чего, что доносилось вѣтромъ и касалось глазъ съ этой шири и дали, почувствовалъ о. Иларіонъ, какъ стало ему весело и странно какъ-то.

Пускай одежда на немъ темная и голова его—сѣдая и душа, принявшая многое множество и самыхъ отчаянныхъ и самыхъ горькихъ признаній, отягчена и утомлена чужими грѣхами и тайнами, а тамъ—все молодо, а тамъ—все свято и полно невѣдѣнія, онъ нисколько не представляется чужимъ, ни одинокимъ и видъ его не рѣжетъ глазъ.

Была ли это молитва—и старецъ молился безъ словъ и мысли единымъ духомъ, какъ преподобный Коряжемскій Логгинъ молился среди печальныхъ кедровъ вмѣстѣ съ бѣлой ночью и колокольнымъ звономъ, плывшимъ по рѣкѣ изъ Соли Вычегодской; или проходили въ немъ воспоминанія, но какія?—не тѣхъ же дней, которые съ болью прожиты и лишь теперь благословены?—нѣтъ, не этихъ дней; и что за голосъ онъ слышитъ и куда зоветъ этотъ голосъ?... или видѣлъ онъ руку, показывающую ему дорогу, но не назадъ, а куда-то въ эту ширь и даль: тамъ ложе—земля, а покровъ—небо.

Онъ стоялъ и, не отрываясь, глядѣлъ вокругъ. И если бы захотѣлъ въ тѣ минуты собрать свои мысли, онѣ не сказались бы. И было такъ весело и странно какъ-то. Слезы сами собой подступали и крупныя катились изъ засвѣтившихся, словно у ребенка, веселыхъ и кроткихъ глазъ. И время неслышно шло.

„А не искушеніе ли это?"—шевельнулась чуть внятная мысль, и тотчасъ онъ перевелъ глаза и, вздрогнувъ, потупился: какой-то господинъ, стоя у двери, выходящей на площадку противоположнаго вагона—перваго класса упорно смотрѣлъ на него.

— Искушеніе,—сказалъ самъ себѣ о. Иларіонъ и, подтвердивъ словомъ свою предательскую мысль, всполошилъ мысли: онѣ полѣзли въ голову всякія и подонки ихъ.

Чувствуя на себѣ неспускаемый взглядъ, онъ схватился за четки и съ какимъ-то остервенѣніемъ принялся читать положенную молитву и, читая ее, затверженную, потерявшую всякій смыслъ—пустую, сталъ убѣждаться, что все только что бывшее съ нимъ нечисто.

„Дьяволъ,—распалялся монахъ,—Сатана, радующійся, когда удается, какъ сейчасъ, обойти человѣка: заставить размякнуть и разнюниться,—все его рукъ дѣло. Скверную шутку сыгралъ, нечего сказать! Замутилъ память...

Да развѣ онъ, столько лѣтъ проведшій въ монастырѣ и столь много потрудившійся для своего и чужого спасенія, могъ самъ собой забыть примѣръ старца, имя котораго принялъ и житію котораго слѣдовалъ? А какъ поступилъ троекуровскій старецъ, попавъ однажды въ такое же положеніе? Выведенный по веснѣ въ садикъ, онъ сказалъ: „Хорошо, очень хорошо, пожалуй захочешь и еще!“ и велѣлъ вести себя обратно въ келью...“

И, подводя итогъ пережитому, о. Иларіонъ укорялъ и превозносилъ себя. Онъ допытывалъ: какой это иной путь указанъ ему? и развѣ мыслимо оставить ему монастырь?—онъ его устроилъ, одинъ онъ—вотъ этими руками, и безъ него пропадетъ монастырь; а всѣ эти люди?—вѣдь только изъ-за него они идутъ, отъ него ищутъ себѣ утѣшенія,—что безъ него будутъ дѣлать? куда дѣнутся?—очумѣютъ въ своей темной и жалкой жизни какъ псы, подохнутъ безъ покаянія. А! онъ догадался, онъ знаетъ этотъ путь, знаетъ, куда ведетъ эта дорожка,—въ міръ звалъ его Сатана, красотой, полями соблазнялъ его. Нѣтъ, ужъ, ошибся, не будетъ этого, какъ не можетъ быть снѣгъ черенъ, соль прѣсна! Онъ оставилъ міръ, чтобы спасти его. Это единственное, чѣмъ жилъ, живетъ и будетъ жить. И знаетъ, какъ спасти его, и кто виновникъ страданія. Еще въ молодости, какъ извѣдывалъ и пробовалъ жизнь, ходя среди людей послѣднимъ блудникомъ, воромъ и пьяницей, еще въ тѣ годы, когда, чувствуя силы, искалъ себѣ дѣла, эта мысль о спасеніи—а онъ давно это понялъ,—не покидала его: онъ ею только и мучился.

— Господи, помилуй мя!—произнесъ о. Иларіонъ глухо и съ какой-то обидой, что вотъ Господь попустилъ искушать его; и, поднявъ глаза, онъ снова встрѣтился съ упорно направленнымъ на него взглядомъ: наблюдавшій за нимъ господинъ, выйдя на площадку, стоялъ теперь прямо противъ него.

Коробило отъ этого взгляда.

О. Иларіонъ, бросивъ молитву, сталъ оправляться: поправилъ клобукъ, поправилъ наперсный крестъ, поправилъ рясу. Но одежда все какъ-то лѣзетъ на немъ и стоять становится трудно: воды бы попить! и въ ушахъ звонъ: назойливо стучатъ колеса и гдѣ-то непріятно лязгаютъ цѣпи,—какое-то утомленіе клонитъ его, и ему хочется опуститься тутъ же на площадкѣ, вытянуть ноги и заснуть.

Онъ долго боролся, брался за четки, таращилъ глаза, переминался, но силы оставили его, и, не замѣтивъ, стоя, онъ заснулъ. И хотя спалъ онъ всего какихъ-нибудь нѣсколько секундъ, тягучій и безобразный сонъ довершилъ весь его страхъ и безпокойство.

Представилось ему, будто онъ въ монастырѣ, сидитъ въ трапезной за столомъ и ѣстъ котлеты. Передъ нимъ стоитъ его ученикъ, любимый братъ, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ еще юнымъ, и служитъ ему. И вотъ ѣстъ онъ эти котлеты и по мѣрѣ того, какъ входитъ во вкусъ, начинаетъ соображать, что онѣ не говяжьи, а сдѣланы изъ мяса, вырѣзаннаго изъ ногъ этого брата, и ясно видитъ тѣ мѣста, откуда вырѣзано...

Очнувшись, о. Иларіонъ вошелъ въ вагонъ.

Несмотря на раскрытое окно, купэ дымилось, а спутники, примостившись, рѣзались въ карты. Тутъ же стояло угощеніе. Замѣтно было, что они не безъ усердія прикладывались къ рюмкамъ. И было очень весело. Наперерывъ другъ передъ другомъ бросились они потчевать о. Иларіона, но онъ, отъ всего отказавшись, попросилъ себѣ воды. Воду скоро ему доставили. Не выпивъ и нѣсколькихъ глотковъ, онъ почувствовалъ утоленіе. Присѣлъ къ нимъ и, насколько позволяли силы остаться, оставался въ купэ. Беззаботность ли и веселье компаніи, перемѣна ли мѣста, но что-то отрезвило его, и онъ снова вышелъ на площадку.

Былъ уже вечеръ. Сѣло солнце. Попадавшіяся поля, лѣсъ и рѣки ложились по сторонамъ затуманенныя и затихнувшія, и лишь вечернія птицы робко начинали свои позднія пѣсни. А Вечерница—первая звѣзда, восходя по небу, зажигала свѣтъ свой.

Тихій свѣтъ тихо входилъ въ его душу и наполнялъ ее смиреніемъ и покорностью. Ожесточенности не было, а съ нею улеглась гордыня. Онъ уже не думалъ о своихъ заслугахъ и трудахъ, ни о томъ, какъ спасаетъ себя и другихъ, не поминалъ дьявола, который будто бы только и ищетъ, чтобы смущать его, не ропталъ. Это былъ простой монахъ, къ которому тянуло и котораго любилъ народъ.

Между тѣмъ все тотъ же господинъ, слѣдившій за нимъ, перешелъ на его площадку и сталъ съ нимъ рядомъ.

И опять страхъ еще пуще овладѣлъ о. Иларіономъ, но онъ не пошевельнулся и продолжалъ стоять смиренно и покорно, готовый все вынести, что бы ни случилось. А что могло случиться, ясно не представлялось, онъ чувствовалъ только недоброе что-то въ сосѣдѣ и въ томъ, что тотъ неотступно преслѣдуетъ его. Такъ стояли они плечо въ плечо.

Погаснулъ вечеръ. Темная протянулась ночь. Безвѣтріе и тишина: слышны были лишь стуки сердца.

— Батюшка,—сказалъ незнакомецъ.

О. Иларіонъ повернулся къ нему и, смиренно наклонивъ голову, далъ понять, что готовъ на все отвѣтить, что бы ни спросили его.

— Вотъ я все смотрю на васъ,—продолжалъ незнакомецъ,—и никакъ понять не могу, скажите, пожалуйста, почему это вы стоите тутъ: и днемъ стояли, и вечеромъ, и сейчасъ?

— Въ нашемъ вагонѣ курятъ, а я не могу выносить дыма: у меня голова разбаливается и сердце. Такъ вотъ я и вышелъ сюда.

— А вы далеко ѣдете?—полюбопытствовалъ незнакомецъ.

— Въ Кіевъ, по порученію настоятеля,—сказалъ о. Иларіонъ.

— Такъ знаете, батюшка, переходите ко мнѣ: у меня свободно, я отдѣльное купэ занимаю и во всемъ вагонѣ, кромѣ меня, никого нѣтъ—вагонъ пустой, мы бы вмѣстѣ и размѣстились, а то одному очень скучно.

Голосъ незнакомца пресѣкался, какая-то затаенная мысль, которую онъ ужъ не могъ удержать въ себѣ, а съ ней и тревога прозвучали въ его словахъ,—и это не внушало довѣрія. И видъ его: это былъ молодой человѣкъ самый обыкновенный, какихъ часто встрѣчаешь, безъ всякихъ примѣтинъ, — все было на своемъ мѣстѣ, правильно и даже красиво, но почему-то тоже не внушало довѣрія.

О. Иларіонъ хотѣлъ отказаться, но, не сдѣлавъ даже попытки, какъ-то помимо воли далъ согласіе. Сказавъ, что хочетъ взять вещи, онъ пошелъ въ свой вагонъ.

Страхъ не отпускалъ его, что-то предостерегало не возвращаться. И это теперь сдѣлать было легко: въ купэ всѣ спали и онъ, въ свою очередь, тоже могъ бы лечь и хорошо выспаться,—курить не будутъ.

Присѣлъ было на диванъ, сталъ успокаиваться, но, не прошло и минуты, поднялся: совѣсть заговорила въ немъ, она укоряла его въ малодушіи и повелѣвала немедля идти и не бояться, потому что онъ—монахъ, а монахъ ничего не долженъ бояться.

Забравъ съ собой чемоданъ, гдѣ хранилась икона, о. Иларіонъ тотчасъ же вышелъ.

Молодой человѣкъ, поджидавшій его на площадкѣ, помогъ ему перейти въ вагонъ, потомъ, введя въ свое купэ, затворилъ за собой дверь. И снова одни глазъ-на-глазъ они остались въ пустомъ вагонѣ, сидя другъ противъ друга.

Впрочемъ, молодой человѣкъ не заставилъ себя ждать.

— Я такъ измучился, — заговорилъ онъ, волнуясь,— просто нигдѣ себѣ мѣста не найду, пробовалъ читать,— не читается, и спать не могу, вышелъ на площадку— одному тутъ жутко, а вижу, вы стоите, и сталъ я наблюдать за вами и чѣмъ больше вглядывался въ васъ, тѣмъ больше вы мнѣ нравились, и рѣшилъ я: спрошука у васъ—и какъ вы скажете, такъ я и сдѣлаю.

— Говорите, — тихо произнесъ о. Иларіонъ,—что въ моихъ силахъ, помогу вамъ, — и привычно готовъ былъ выслушать и принять все, что только можетъ открыть человѣкъ отъ перваго преступленія до послѣдняго злодѣйства.

— Я единственный сынъ,—началъ спутникъ,—родители мои очень богатые купцы въ Кіевѣ. Когда я былъ еще мальчикомъ гимназистомъ, они выбрали мнѣ невѣсту и сказали мнѣ, что, когда я кончу университетъ, женюсь на ней. Она—моя сверстница и мы часто вмѣстѣ проводили время: сначала, какъ дѣти, играли, потомъ стали вмѣстѣ читать и мечтать. Отношенія у насъ были самыя лучшія: я къ ней какъ къ сестрѣ относился, она ко мнѣ—какъ къ брату. Кончивъ гимназію, я поѣхалъ въ Москву въ университетъ. Первое время между нами завязалась горячая переписка: я скучалъ одинъ. Но потомъ, вотъ ужъ два года, какъ я встрѣтилъ одну дѣвушку, полюбилъ ее, и мы сошлись; родился у насъ ребенокъ. Въ Кіевъ родителямъ, не желая огорчать ихъ, я ни слова не написалъ, такъ какъ для нихъ это было бы настоящимъ горемъ; а ее я какъ-то упустилъ изъ виду и даже сталъ забывать, что у меня есть нареченная мнѣ невѣста и что я только на ней и могу жениться. За все это время, отговариваясь разными дѣлами, я ни разу не былъ въ Кіевѣ. Наконецъ, я кончилъ университетъ, жили мы хорошо, я начиналъ подумывать, какъ намъ устроиться, и вдругъ получаю отъ отца те-

леграмму, въ которой онъ требуетъ, чтобы я немедленно пріѣзжалъ въ Кіевъ, и что день моей свадьбы назначенъ. Сперва я не хотѣлъ ѣхать, мнѣ казалось невозможнымъ и дикимъ такое требованіе, но потомъ что-то заколебалось во мнѣ, сталъ я думать и въ концѣ-концовъ, даже не сказавши дома настоящей причины, взялъ и уѣхалъ. А какъ сѣлъ въ вагонъ, такъ опять все сызнова и пошло: и ни въ чемъ ужъ теперь разобраться не могу, все у меня перепуталось. Вотъ я и рѣшилъ спросить у васъ, и какъ скажете, такъ я и сдѣлаю: ѣхать ли мнѣ въ Кіевъ или въ Москву обратно?

— Какіе пустяки! — сказалъ о. Иларіонъ,—прямое дѣло ѣхать вамъ въ Москву.

— Въ Москву?—и спутникъ при этихъ словахъ такъ подпрыгнулъ отъ радости, что чуть въ окно не выскочилъ.

— Конечно, въ Москву: разъ вы полюбили, то надо и быть вамъ съ тѣми, кого вы любите.

Сказавъ это, о. Иларіонъ почувствовалъ, какъ что-то тяжелое отлегло отъ сердца. Откинувшись на диванъ поудобнѣе, совершенно спокойный, онъ просто руками разводилъ, вспоминая пережитое за день и всего какой-нибудь часъ назадъ: откуда у него страхъ явился передъ этимъ несуразнымъ человѣкомъ, который самъ себя опуталъ кругомъ, и исторія котораго, впрочемъ, какъ и большинство исторій, выѣденнаго яйца не стоитъ?

А несуразный человѣкъ тѣмъ временемъ думалъ: какъ же это онъ такъ поступилъ необдуманно и, Богъ знаетъ, изъ-за чего,—изъ-за какихъ-то капризовъ родителей поѣхалъ въ Кіевъ, чтобы связать свою жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ, оставивъ жену и ребенка, которыхъ онъ любитъ; да вѣдь онъ своимъ глупымъ поступкомъ могъ бы всю жизнь себѣ искалѣчить и не только себѣ, вѣдь онъ даже не сказалъ ей, зачѣмъ ѣдетъ, и узнай она настоящую причину, возможно, не перенесла бы этого...

И, будто очнувшись отъ какого-то глубокаго обморока, въ которомъ все время находился, онъ бросился собирать свои вещи, чтобы на первой же станціи, ни минуты не медля, слѣзть и, пересѣвъ въ другой поѣздъ, ѣхать обратно въ Москву.

Въ ожиданіи счастливой остановки, болтая всякій вздоръ, сколько любопытнаго успѣлъ передать онъ и про своего маленькаго сынишку и о всѣхъ своихъ планахъ и какъ его встрѣтятъ, и какъ они заживутъ спокойно, и какъ онъ когда-нибудь про все разскажетъ, и сколько будетъ смѣха, а какіе зимой вечера у нихъ будутъ! и куда на будущій годъ они поѣдутъ, и какія игрушки онъ купитъ, затѣмъ началъ разсказывать какой-то анекдотъ и на самой соли его, не кончивъ, самъ первый же сталъ смѣяться и смѣялся на весь вагонъ раскатисто и молодо,—словомъ, переродился: не узнаешь.

Поѣздъ приближался къ станціи, съ которой надо было слѣзать, и оставалось всего какихъ-нибудь двѣ-три минуты, какъ вдругъ страхъ большій, чѣмъ всѣ бывшіе за этотъ путь, охватилъ о. Иларіона.

— Постойте,—сказалъ онъ своему счастливому спутнику, который одной ногой ужъ былъ за дверью,—обождите немного... я только что сказалъ, что надо вамъ ѣхать въ Москву и считаю, что по-моему разумѣнію другого выхода для васъ нѣтъ, но я человѣкъ, и, какъ человѣкъ, могу ошибаться. Признаюсь, сегодня, какъ мы тамъ стояли, я подумалъ, что вы замышляете что-то недоброе, что вы, можетъ быть, убить хотите меня, а на самомъ дѣлѣ вы оказались простымъ и добрымъ человѣкомъ и зла мнѣ никакого не сдѣлали. Вотъ я и хочу предложить вамъ: сдѣлаемте такъ, какъ дѣлаемъ мы въ монастырѣ. Обыкновенно въ трудныхъ вопросахъ, когда представляются нѣсколько рѣшеній, мы пишемъ ихъ на записки и кладемъ у иконы. Потомъ, помолившись, вынимаемъ одну записку и, какъ въ ней говорит-

ся, такъ и поступаемъ. За всю мою жизнь не было случая, чтобы указанное такимъ образомъ рѣшеніе приводило къ чему-нибудь дурному, ибо рѣшеніе это божеское и ошибаться не можетъ. Согласны ли вы поступить такъ?

— Согласенъ.

— И что вынется, то и будетъ,—повторилъ о. Иларіонъ.

— Разъ вы говорите, батюшка, я согласенъ.

Въ это время подъѣхали къ станціи, и молодой человѣкъ, видимо, загрустилъ, но когда снова тронулся поѣздъ, онъ понемногу вошелъ въ колею и, хотя смѣха не было слышно, видъ у него былъ веселый. Помогая о. Иларіону распаковывать чемоданъ, онъ заранѣе вполнѣ былъ увѣренъ, что божеское рѣшеніе, которое сейчасъ скажется, не можетъ не совпадать ни съ здравымъ смысломъ, ни съ мнѣніемъ старца.

Взяли они икону, поставили на столикъ, написали двѣ записки, свернули ихъ въ трубочки и, положивъ передъ иконой, сами стали на молитву. И молились горячо и долго, не слыша ни звонковъ, ни остановокъ. Не замѣтили, какъ ночь прошла и свѣтать стало.

Только когда поднялось солнце, о. Иларіонъ, положивъ послѣдніе три поклона, вынулъ записку. Молча прочиталъ, молча передалъ ее. И когда оба они узнали судъ свой, онъ сказалъ твердо, но съ упавшимъ сердцемъ:

— Такова воля Божья.

— Воля Божья,—повторилъ за нимъ сухими губами его убитый, опечаленный спутникъ.

И больше они не проронили ни слова.

Въ вагонѣ было душно и неуютно. И хоть бы окно раскрыть, а тамъ вмѣстѣ съ солнцемъ проснувшаяся и цвѣла, и ворковала лебединая степь, такая широкая—до самаго моря.

Незадолго до Кіева, когда отобрали билеты и о. Иларіонъ поднялся, чтобы идти въ свой вагонъ, молодой

человѣкъ остановилъ его, прося исполнить просьбу: придти къ нему на свадьбу.

— Это послѣдняя къ вамъ просьба, батюшка,—сказалъ онъ,—непремѣнно приходите,—и при этомъ назвалъ день, часъ и церковь.

Къ счастью оказалось, что этотъ день о. Иларіонъ проведетъ еще въ Кіевѣ, и онъ обѣщалъ. Такъ они и разстались.

Ужъ навстрѣчу съ холмовъ выходили старые храмы, и поѣздъ, перейдя Днѣпръ, приближался къ вокзалу. О. Иларіонъ, простившись со своими спутниками, вышелъ съ вещами на площадку. Среди встрѣчающихъ, которыхъ онъ могъ свободно разглядѣть, ему бросился въ глаза старикъ съ пожилой дамой, а съ ними барышня, направлявшіеся всѣ трое къ вагону перваго класса. И онъ сразу догадался, что это—отецъ, мать и невѣста его несчастнаго спутника. Барышня ему страшно не понравилась...

И снова упало сердце.

— Такова воля Божья.

3.

Владыко милостиво принялъ о. Иларіона, а подарку просто не зналъ благодарности. Онъ обѣщалъ, будучи въ Москвѣ, непремѣнно еще разъ побывать въ ихъ монастырѣ и уговаривалъ старца подольше остаться въ Лаврѣ, чтобы, пользуясь его пребываніемъ, получить отъ него нѣкоторые совѣты, въ которыхъ онъ очень нуждался.

Дни проходили незамѣтно.

О. Иларіонъ, ни разу до сей поры не бывавшій въ Кіевѣ, занятъ былъ посѣщеніемъ кіевскихъ святынь и осмотромъ древностей, свободные же часы проводилъ у владыки. Но ни въ пещерахъ, ни за совѣтомъ у вла-

дыки въ примиренности и умиленіи своемъ передъ видѣннымъ, завершавшимся звономъ печерскихъ колоколовъ и кіевскими распѣвами, мысль о данномъ обѣщаніи своему дорожному спутнику не покидала его.

Наконецъ подошла эта пятница—день назначенной свадьбы и послѣдній срокъ пребыванія о. Иларіона въ Кіевѣ. Онъ собирался было задержаться и еще нѣкоторое время, но изъ Москвы получены были письма, въ которыхъ его торопили, такъ какъ присутствіе его въ монастырѣ оказывалось необходимымъ для рѣшенія какого-то неотложнаго дѣла.

Свадьба назначена была послѣ вечерни, а поѣздъ отходилъ поздно вечеромъ. Хотя промежутокъ времени былъ довольно большой, о. Иларіонъ, опасаясь пропустить этотъ поѣздъ, задумалъ заранѣе взять билетъ.

Послѣ прощальнаго обѣда у владыки, когда зазвонили къ вечернѣ, онъ отправился на вокзалъ и, пробывъ тамъ въ виду встрѣтившихся препятствій долѣе, чѣмъ слѣдовало бы, заторопился взять извозчика. Вечерни давно кончились, а гдѣ находится церковь, онъ не представлялъ себѣ и потому очень безпокоился. Когда же, наконецъ, пріѣхали и онъ увидѣлъ множество экипажей, стоящихъ по обѣ стороны улицы, онъ еще больше забезпокоился: ясно было, что свадьба уже началась. А когда вошелъ въ церковь, тутъ ужъ отъ досады чуть не заплакалъ: посреди церкви стоялъ гробъ.

Ни минуты не медля, онъ поспѣшилъ назадъ и, насилу отыскавъ своего извозчика, — съ упрекомъ сказалъ ему:

— Что же ты меня не туда привезъ, ужъ лучше бы и не брался!

— Да вы, батюшка, сказали въ Кирилловскую, я васъ и привезъ въ Кирилловскую.

— Навѣрное, тутъ двѣ церкви Кирилловскихъ, — и

о. Иларіонъ, не дожидаясь отвѣта, занесъ было ногу въ пролетку,—вези меня скорѣе въ другую.

— Въ какую же другую, батюшка, всего только одна и есть, а другой никакой нѣтъ.

— Ты, можетъ быть, забылъ?—о. Иларіонъ стоялъ на своемъ.

— Такъ спросите кого другого, одно и то же скажутъ,—огрызнулся извозчикъ,—и не такихъ возилъ!

О. Иларіонъ вернулся въ церковь и, еще разъ убѣдившись, что тамъ покойникъ, направился къ церковному ящику: тутъ, думалъ онъ, дадутъ ему самыя точныя справки.

— Это Кирилловская церковь?—спросилъ онъ старосту.

— Кирилловская.

— А еще есть Кирилловская?

— Нѣтъ.

— А можетъ быть, гдѣ-нибудь на окраинѣ или по другому называется?

Но староста, занятый счетомъ денегъ и, видимо, не желая продолжать праздный разговоръ, только покачалъ головой.

Ничего другого не оставалось, какъ уйти. Но куда? Искать несуществующую церковь по меньшей мѣрѣ странно, да если и допустить, что по какой-либо случайности—мало ли что бываетъ—такая церковь и оказалась бы, то все равно ужъ поздно: время пропущено, и никакой свадьбы онъ не застанетъ. Можетъ быть, онъ перепуталъ названіе или день или время? Да нѣтъ, память ему не измѣняетъ, онъ хорошо помнитъ: Кирилловская, пятница, пять. И зачѣмъ понадобилось ему на вокзалъ тащиться? Успѣлъ бы еще тысячу разъ, и билетовъ сколько угодно. Пошелъ бы къ вечернѣ, все разузналъ бы толкомъ...

— Кирилловская, пятница, пять,—повторялъ маши-

нально о. Иларіонъ, проталкиваясь къ выходу; не досада, горечь заливала его сердце: онъ не сдержалъ своего слова, не исполнилъ обѣщанія.

Народу была полна церковь, и почему-то не стояли на мѣстѣ, а все двигались по разнымъ концамъ, какъ у праздника, когда прикладываются. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, уже достигнувъ паперти, онъ помимо своей воли очутился въ круговоротѣ и понесенъ былъ волной назадъ, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ гробъ.

„И что это за порядокъ хоронить послѣ вечерни, нигдѣ такого обычая нѣтъ! И что если тотъ человѣкъ просто подшутилъ надъ нимъ?"

— Кирилловская, пятница, пять.

О. Иларіонъ на минуту пріостановился, и вдругъ словно холодной водой плеснули ему въ лицо: вскинувъ глаза, онъ застоналъ, и то, что увидѣлъ, было просто невѣроятнымъ.

Онъ находился въ парадной толпѣ расфранченныхъ дамъ и мужчинъ, гроба не было, а тамъ, гдѣ раньше видѣлся гробъ, стояли теперь молодые: женихъ—его спутникъ, невѣста—та барышня, которую въ день своего пріѣзда онъ замѣтилъ на вокзалѣ; кончалось вѣнчаніе.

Присутствіе монаха само собой обратило на себя вниманіе. И не одно оно, а также и скорѣе видъ о. Иларіона и поведеніе его давало пищу толкамъ.

А велъ онъ себя странно: то начиналъ молиться и лежалъ распростертый ницъ, то гордо подымалъ голову, словно вызывая кого-то и крѣпко что-то оспаривая, то испугано озирался и вертѣлъ головой, желая что-то сбросить съ себя, то опять дерзко сжималъ кулаки, то униженно сгибался весь, словно просилъ отдать ему что-то, что насильно взяли у него и не хотятъ отдать, то застывалъ на мѣстѣ и стоялъ, какъ изваяніе, съ остановившимся взглядомъ человѣка, пораженнаго чѣмъ-то,

и потомъ рукой показывалъ, словно объясняя кому-то, что былъ онъ вотъ какой, а теперь—нищій, и просилъ подать Христа ради.

Онъ видѣлъ одно: бракъ, на которомъ онъ присутствуетъ, заключенъ противно всякому здравому смыслу, но по указанію Божьему, и по указанію Божьему, а это только что открылось ему, станетъ гробомъ. И видя это одно, не могъ понять и все спрашивалъ: какой же смыслъ этого гроба—человѣческихъ страданій? зачѣмъ человѣкъ обрекался на страданія? кому и для чего понадобились эти страданія? Вотъ онъ, старый, прожившій много лѣтъ въ монастырѣ, спасалъ себя и спасалъ другихъ, но онъ не помнитъ, забылъ, какъ спасалъ и какъ спасался, а забылъ потому, что прежде понималъ, а теперь не можетъ понять, какой смыслъ страданій его и тѣхъ людей, которые приходили къ нему, зачѣмъ они и кому и для чего страданія всѣхъ этихъ жалкихъ плодящихся, какъ моль, ничтожныхъ жизней? Передъ нимъ проходили жизни, Боже мой, какія калѣчныя!—и онъ не видѣлъ имъ оправданія и просилъ, не умѣя отвѣтить, подать этотъ отвѣтъ, какъ милостыню.

— Не сына ли его и не дочь ли его вѣнчаютъ?

— Нѣтъ, это его любовница.

— Тоже монахъ, а пьяный: ишь какъ назюкался!

— Блаженный, поди!

— Представляется: знаетъ, купцы.

Многое еще говорилось и все, какъ самое достовѣрное; и одни жалѣли, другіе ругали и насмѣхались третьи—этимъ все равно: некогда было.

Молодые приложились къ иконамъ, отошелъ молебенъ, и весь народъ хлынулъ къ паперти.

Поздравивъ, когда полагалось поздравить, новобрачныхъ, о. Иларіонъ вышелъ по незнакомымъ улицамъ, какъ-то чудно размахивая руками, будто не монахъ, а

спѣшащій за чѣмъ-то наряженный въ монашеское платье простой мірянинъ. Но спѣшилъ онъ не въ Лавру, чтобы проститься, и не на вокзалъ, чтобы ѣхать въ Москву въ монастырь, онъ никуда не спѣшилъ.

Далеко ужъ отъ церкви нагналъ его извозчикъ:

— Эй, батюшка, а что же вы деньги-то?

О. Иларіонъ молча отдалъ ему кошелекъ, все, что у него было.

„Рехнулся!"—подумалъ извозчикъ и, посмотрѣвъ вслѣдъ удалявшемуся странному сѣдоку, сказалъ:

— Придурай.

О. Иларіонъ ходилъ весь вечеръ и ночь, исшагалъ городъ вдоль и поперекъ, не останавливаясь и не оглядываясь. На разсвѣтѣ дня, выйдя за городъ на дорогу, онъ нагналъ какого-то, не то странника, не то бродягу.

— Куда идешь?—спросилъ странника.

— Куда глаза глядятъ,—отвѣтилъ странникъ.

И онъ пошелъ за нимъ. И степь закрыла ихъ.

Жертва.

I.

Вотъ ужъ по совѣсти всякій, кто бывалъ въ Благодатномъ, не покривитъ душой, помянувъ добромъ старое Бородинское гнѣздо. И не въ насмѣшку съ испоконъ вѣковъ дано ему такое прозвище, лучшаго, сколько ни мудри, не придумаешь, и хоть никакого винограда въ садахъ его не цвѣло и не зрѣло и райскія птицы не пѣли, а ужъ, какъ есть,—ну благодатное: сама благодать Божья разливалась по его доброй землѣ.

Старый съ колоннами домъ, кленовая аллея, фруктовый садъ, поля, лѣсъ, скотъ, люди—все Благодатненское приводило въ восхищеніе не только сосѣдей, но и любого наѣзжавшаго съ другихъ краевъ и по дѣлу и такъ себѣ, да того же фыркающаго подстриженнаго петербуржца и растрепаннаго избалованнаго москвича.

Домъ полная чаша, ладъ и порядокъ. Ей Богу, пчелѣ на зависть!

Самъ Бородинъ, Петръ Николаевичъ, извѣстный чудакъ и такой балагуръ—поискать да мало: гдѣ бъ онъ ни появился, въ любомъ обществѣ и когда угодно, стоило ему раскрыть ротъ и ужъ хохотъ не умолкалъ. Хохотали знакомые и незнакомые. Безразлично.

А странно было лицо совсѣмъ сѣдого, ничуть не мѣняющагося балагура,—шли годы, перевалило за сорокъ, а одно и то же выраженіе, словно отпечатанное разъ навсегда, лежало на неподвижныхъ застывшихъ чертахъ

и странно, когда, надрывая животъ, всякій со смѣха покатывался по полу, лицо мертвенно-блѣдное чудака оставалось спокойнымъ—ни улыбки, ни смѣха, только жуткія блестки во впалыхъ остановившихся глазахъ, и не менѣе странно, что въ рѣчи, сбивавшей все и всѣхъ съ панталыку, отдавало какимъ-то механизмомъ, какъ у говорящей куклы, и когда кто-то попробовалъ записать эту рѣчь, то на бумагѣ вышли самыя простыя ходовыя слова и ужъ совсѣмъ не смѣшныя.

И, несмотря на такой, казалось бы, неподходящій видъ Петра Николаевича и неумѣстность какихъ-либо шутокъ, никому въ голову не приходило спросить себя: въ чемъ же тутъ секретъ и отчего бываетъ такъ смѣшно и весело? Только рѣдкій любитель отгадывать загадки,—такой всегда найдется,—зарвавшись, пытался давать объясненія, мѣтя, какъ это водится, не въ бровь, а въ самый глазъ: тутъ и игра физіономіи, и искусная мимика, и необыкновенно смѣхотворный складъ рѣчи, и необыкновенно острый взглядъ—ясно, явно, понятно. Къ счастью, всѣ подобныя набившія оскомину объясненія шли куда-то въ прорву: никто ничего не хотѣлъ спрашивать да и незачѣмъ было. Смѣшно, весело—чего еще?

Петръ Николаевичъ нигдѣ не служилъ и никакими общественными дѣлами не занимался. Одно время выбрали его уѣзднымъ предводителемъ. Это памятное Бородинское предводительство скоро всякому вотъ гдѣ стало! Не оттого, что бы тамъ плохо было или непріятность какую отъ него видѣли, совсѣмъ напротивъ—веселѣе года не запомнятъ: всѣ дѣла были обращены въ какую-то потѣху, въ одинъ сплошной смѣхъ и умору, но въ результатѣ такая вышла путаница, такія всплыли несуразности и еще, Богъ знаетъ, что – не расхлебаешь. И, не знай Петра Николаевича, чего добраго, могли-бы въ лучшемъ случаѣ заподозрить, что онъ не въ своемъ умѣ, да такъ, кажется, въ Петербургѣ кто-то и выра-

зился не то въ гостиной, не то на докладѣ. Только счастьемъ все окончилось благополучно.

Живой человѣкъ не безъ странностей, у всякаго своя повадка. Ну и Петръ Николаевичъ не исключеніе.

Петръ Николаевичъ до страсти любилъ все прибирать къ мѣсту, притомъ такъ это хитро дѣлалъ, что послѣ найти прибранную вещь черезчуръ мудрено было, а то и совсѣмъ невозможно: много вещей пропадало и очень нужныхъ; затѣмъ онъ любилъ наводить порядокъ, передвигая съ мѣста на мѣсто столы, стулья, этажерки, перевѣшивая картины, переставляя въ библіотекѣ книги, въ чемъ собственно и заключались его постоянныя занятія съ утра и до обѣда ежедневно; за обѣдомъ, предпочитая кушанья сладкія, какъ потроха, мозги, ножки, и, не зная мѣры, онъ частенько объѣдался и потому вѣчно жаловался на животъ; любилъ топить печи,—все зябъ—и съ длинной кочергой расхаживалъ отъ печки до печки, помѣшивая жаръ; любилъ поговорить съ прислугой и мужиками и, хотя разговоръ всегда начинался словно бы и о дѣлахъ, но въ концѣ концовъ выходила одна чепуха, что влекло за собой очень нежелательныя для общаго порядка послѣдствія: Петра Николаевича не только никто не боялся, но—что ужъ таить!– вѣры ему не было; кромѣ того, дуря и чудя, онъ обѣщалъ прямо-таки неисполнимыя вещи: всѣмъ и каждому онъ дарилъ свою землю, правда, мѣру не очень крупную—три шага въ длину и шагъ въ ширину—такой шутовской кусокъ. Что еще? Да... у него была страсть рѣзать куръ и рѣзалъ онъ куръ не хуже заправскаго повара: птица съ перерѣзаннымъ горломъ не хлопала крыльями и не бѣгала безголовая, какъ это часто бываетъ при нелегкой рукѣ; и еще онъ любилъ посмотрѣть на покойника, и чѣмъ отвратительнѣе было лицо мертваго, чѣмъ сильнѣе чувствовалось разложеніе, тѣмъ находилъ онъ покойника привлекательнѣе. Вся-

кій разъ, когда на селѣ умирали, батюшка о. Иванъ давалъ знать Бородинымъ, тотчасъ закладывался экипажъ и Петръ Николаевичъ, все бросивъ, летѣлъ къ тому мѣсту или въ тотъ домъ, гдѣ случался покойникъ.

Такого рода страсти, какъ выражалась Александра Павловна, труня подъ веселую руку надъ своимъ избалованнымъ мужемъ, въ которомъ, кстати сказать, души не чаяла, касались въ дѣйствительности такихъ чисто домашнихъ подробностей, что упоминать о нихъ представлялось бы совсѣмъ излишнимъ, если бы не припутался сюда одинъ вздорный слухъ, задѣвающій честь и репутацію всего Благодатнаго.

Года два назадъ въ Благодатное заѣхалъ одинъ старый пріятель Петра Николаевича, тоже бывшій лицеистъ, не видавшійся съ своимъ другомъ съ самаго Петербурга. Причина появленія такого гостя такъ и осталась невыясненной; у него никто не спрашивалъ, а его камердинеръ толковалъ въ лакейской очень сбивчиво,— не то генералъ посланъ усмирять, не то дѣлить землю. Впрочемъ, все это не такъ ужъ важно: развѣ не могъ онъ пріѣхать просто изъ любопытства?

Гость былъ принятъ радушно, встрѣтила его Александра Павловна, сожалѣвшая, что въ Благодатномъ не всѣ въ сборѣ—дѣти разъѣхались, и что ему будетъ скучно, но гость былъ такъ веселъ, много разсказывалъ о Петрѣ Николаевичѣ, о той тѣсной дружбѣ, какой они были связаны въ ранней молодости, и кажется, ни въ какомъ обществѣ не нуждался, съ нетерпѣніемъ ожидая друга. Петръ Николаевичъ, какъ на грѣхъ, съ утра пропадалъ гдѣ-то на деревнѣ у покойника и только поздно вечеромъ вернулся домой. Друзья встрѣтились. Но тутъ произошло что-то неладное: видно было, что гость потрясенъ, испуганъ, что у него поджилки трясутся. Или не узналъ онъ своего друга,—или и узналъ, но нашелъ такую перемѣну, что голова пошла кругомъ,—

или замѣтилъ въ лицѣ, въ поступи и въ рѣчи что-нибудь совсѣмъ для себя неожиданное, невѣроятное, невозможное—въ чемъ же дѣло?—А кто жъ его знаетъ!—Гость отступилъ на шагъ и, замахавъ руками, вдругъ лишился чувствъ.

Молчаливый и печальный, подозрительно озираясь и поддакивая на все, что бы ни говорилось, и съ той жалкой улыбкой, какой улыбаются люди, попавшіе нечаянно, негаданно въ самые обыкновенные тиски, гдѣ всякую минуту можетъ смять тебя въ лепешку, гость прожилъ съ недѣлю и въ одно прекрасное утро, лопоча какую-то ерунду и показывая какія-то бумаги вверхъ ногами, остервенѣлый, чуть ли не въ одномъ бѣльѣ и безъ багажа, ускакалъ изъ Благодатнаго. А вскорѣ послѣ его отъѣзда и пошли суды и пересуды и въ городѣ и среди сосѣдей.

Говорилось, что ничего особеннаго въ Благодатномъ нѣтъ, что Бородинскій прославленный домъ, какъ домъ, да, пожалуй, даже съ изъяномъ—одна половина очень замѣтно заново передѣлана послѣ пожара; ну и садъ, какъ садъ, старый, тѣнистый—правда, но такихъ садовъ если поѣздить по Россіи, сколько хочешь; поля, лѣсъ—что говорить!—поля просторны, лѣсъ хорошій, да тоже не какая-нибудь-невидаль; а люди—даже совсѣмъ дрянь: бѣднота, земли мало, то переселялись, то опять вернулись, а во время безпорядковъ, если домъ не сожгли и лошадямъ глаза не повыкололи, какъ это сдѣлали у сосѣда Безсонова, то все-таки поговаривали и о томъ, чтобы домъ сжечь, добро истребить да отобрать Бородинскую землю. Что же касается Петра Николаевича, то, перечисляя всѣ его странности, несли такую крещенскую белиберду, что просто повторять совѣстно. И въ концѣ концовъ заказывалось другу и недругу даже въ самой крайней нуждѣ бывать въ Благодатномъ: мѣсто нечисто.

Кто-то изъ добрыхъ друзей совѣтовалъ Александрѣ Павловнѣ жаловаться губернатору, но она и слышать не хотѣла: во всѣхъ этихъ слухахъ, на ея взглядъ, правды ни капли не было, да и не стоило исторію подымать. Въ самомъ дѣлѣ: мало ли что какой-нибудь подозрительный со своего подозрительнаго ума не сочинитъ и не выдумаетъ—ему бы только валить съ больной головы на здоровую! Да притомъ же и разговоры какъ-то само собой прекратились—все-таки люди не такъ глупы, какъ кажутся.

И у всѣхъ одно осталось въ памяти: Благодатное—рай земной, семья Бородиныхъ—примѣрная, Петръ Николаевичъ—извѣстный чудакъ и такой балагуръ, поискать да мало.

Глава дома—Александра Павловна Бородина; ея глазу приписывались порядокъ и обиліе Благодатненскаго хозяйства. Твердаго характера, скупая на слова, она умѣла держать всѣхъ въ струнку и не потакать. Ее боялись и слову ея вѣрили. Замужъ вышла рано, по любви, и съ перваго же года замужества пошли дѣти: сынъ и три дочери, всѣ погодки. Жизнь Александры Павловны проходила въ заботахъ и дѣлахъ, которыхъ съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ подростали дѣти и отношенія хозяйственныя путались и усложнялись, все прибывало и такъ получалось, что ихъ не оберешься и всѣхъ не передѣлаешь. Но она готова была взвалить себѣ на плечи какую угодно тяжесть, лишь бы хорошо было мужу и дѣтямъ. И никто не жаловался—ни мужъ, ни дѣти.

Вечерами, счастливая и веселая, она садилась за рояль: сильные пальцы ея, увѣренно касаясь клавишей, вызывали большой праздничный звукъ—силой и радостью наполнялись высокія комнаты.

И съ какой завистью посмотрѣлъ бы отчаянный бродяга изъ тьмы своего бездомнаго бѣлаго свѣта въ освѣ-

щенное окно на нее, довольную своимъ кровомъ, и какимъ проклятіемъ проклялъ бы свою судьбу неудачникъ, случайно встрѣтивъ ея счастливый взглядъ, и съ какой покорностью и вѣрой, заслышавъ ея голосъ, пошелъ бы за ней тотъ, кто зоветъ себѣ поводыря!

Контръ-адмиралъ Палеологъ, чье сужденіе, по мѣткости своей, облетало всѣ безъ исключенія усадьбы и повторялось городскими щеголями, крестный отецъ младшей Сони, называлъ Александру Павловну обольстительной брюнеткой. И, какъ всегда, былъ правъ. И кто бы могъ повѣрить, что эта обольстительная брюнетка, сумѣвшая устроить домъ и жизнь дома—тихій согласный очагъ, почувствовала себя однажды самой несчастной изъ людей. Правда, съ тѣхъ поръ утекло много воды, удача и счастье стерли всякую память, а въ душѣ осталась только радость, только увѣренность въ себѣ. Пятнадцать лѣтъ назадъ, въ годъ рожденія Сони, Благодатное очутилось на волоскѣ отъ гибели—домъ чуть было не сгорѣлъ, Петръ Николаевичъ чуть было не умеръ, и всѣхъ спасла Александра Павловна.

Осенью и въ зимніе мѣсяца, когда разъѣзжались дѣти, Александра Павловна проводила время съ глазу-на-глазъ съ мужемъ; она смотрѣла на него такъ, какъ двадцать лѣтъ назадъ, съ той же любовью и нѣжностью, и видѣла его такимъ, какъ былъ онъ двадцать лѣтъ назадъ, влюбленнымъ,—складка, явственно означавшаяся между ея темныхъ бровей, сглаживалась. А онъ, высохшій, длинный, какъ жердь, сѣдой, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, уставясь своими неподвижными въ жуткихъ блесткахъ глазами, стоялъ передъ ней, оскаливъ зубы.

— Я тоски не знаю,—повторялъ онъ въ тысячный разъ,—мнѣ легко!—и въ голосѣ слышалось: „мнѣ все равно, мнѣ ничего не надо“, но она не слышала этихъ жуткихъ словъ, они звучали ей, какъ тѣ тогда подъ

первый поцѣлуй и она, слѣпая отъ любви, отвѣчала ему страстью сохранившейся женщины.

Ой, какъ хохоталъ бы подглядѣвшій въ такія минуты черезъ окно надъ этой уморительной сумасбродной сценой, но, кто знаетъ, возможно, что, и не пикнувъ, лишился бы чувствъ, какъ тотъ гость—старый другъ Петра Николаевича.

2.

Въ Благодатномъ готовилось большое событіе. На Спиридона-поворота назначена была свадьба старшей дочери Лиды, окончившей въ прошломъ году институтъ. Женихъ былъ извѣстный крупный помѣщикъ Рамейковъ Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ этой свадьбы. Разсказывали, что пиръ выйдетъ на славу и что Петръ Николаевичъ перерѣзалъ чуть ли не всѣхъ куръ. Благодатное принимало торжественный видъ. Гости съѣзжались загодя, и немало очень почтенныхъ лицъ прямо обезживотѣли въ обществѣ Петра Николаевича, который казался особенно въ ударѣ на росказни и зубоскальство. Александра Павловна сбилась съ ногъ. Все надо было приготовить. Рукъ не хватало.

Наконецъ, собралась вся семья: изъ Петербурга пріѣхалъ старшій сынъ Миша—студентъ-первокурсникъ, изъ Кіева вторая дочь, институтка Зина, и гимназистка Соня изъ губернскаго города. Наступала важная минута. И, надо отдать справедливость, свадьба вышла веселая. Конечно, не обошлось безъ шутовства: благословляя образомъ передъ вѣнчаньемъ, Петръ Николаевичъ, видимо, собирался сказать напутствіе, но послѣ довольно томительнаго молчанія ограничился краткимъ и весьма непечатнымъ пожеланіемъ въ одно слово и отъ этого крѣпкаго слова женихъ едва поднялся на ноги—смѣхъ буквально душилъ всякаго; въ церкви Петръ Николае-

вичъ шепнулъ батюшкѣ о. Ивану, что во снѣ яйца въ ямѣ видѣлъ, и хотя о. Иванъ не могъ не знать дурного значенія сна, но тогда показалось ему все въ высшей степени несообразнымъ и такъ всѣ были настроены, что онъ не выдержалъ и, оборвавъ молитву, фыркнулъ на всю церковь, а за нимъ дьячекъ, державшій теплоту, заржалъ ужъ безъ всякаго стѣсненія и—пошло: не то вѣнчали, не то гоготали, какъ въ балаганѣ.

Послѣ свадебнаго ужина молодые уѣхали въ Москву. Но въ Благодатномъ веселье продолжалось. На святкахъ молодежь затѣяла спектакль, рядились, ряжеными ѣздили по сосѣдямъ. На пруду сдѣланъ былъ катокъ и горка. Тутъ на каткѣ устраивались отчаянныя состязанія.

Миша Бородинъ считался первымъ конькобѣжцемъ. И дѣйствительно, стройный и необыкновенно гибкій, съ поразительной ловкостью и искусствомъ онъ продѣлывалъ головоломныя фигуры. Не отставала и Соня, дѣвочка быстрая—огонекъ, а ея звонкій смѣхъ разливался заразительно звонко въ Крещенскія звѣздныя ночи. Любо было смотрѣть на эту пару, когда объ руку они бѣжали съ горки до дальнихъ вербъ. Этого нельзя сказать о Зинѣ: она имѣла больше сходства съ Лидой и, какъ Лида, была сдержана и молчалива, пожалуй, даже застѣнчива, но не безъ характера. „Въ мать дѣти пошли“,—отзывались тетушки и дядюшки и старые знакомые, хорошо знавшіе Александру Павловну.

Подходило Крещенье. Товарищи Миши и подруги дѣвочекъ стали разъѣзжаться. И Бородинымъ ужъ пора была готовиться въ путь, но въ деревнѣ было такъ хорошо, что объ отъѣздѣ не хотѣлось и думать.

Подъ Крещенье Миша и Соня, когда зажглась Богоявленская звѣзда, выбѣжали на катокъ, гдѣ проводили они свои послѣдніе вечера. Ночь выдалась свѣтлая, усыпалось звѣздами голубое поле и морозъ ударялъ

такъ, что ледъ трескалъ, морозами щипало щеки. Но они рады были хоть всю ночь бѣгать. И вдругъ Миша, раскатившись, упалъ навзничь. Соня думала, что онъ нарочно, дразнитъ. Нѣтъ. Подняли, отнесли въ домъ. Бросились за докторами. Черезъ три часа померъ. Вотъ было горе.

Въ день похоронъ вечеромъ, когда въ домѣ было особенно пусто и всѣхъ одолѣвало то тягостное утомленіе, отъ котораго и дѣло изъ рукъ валится и мѣста себѣ не находишь, въ Благодатное съ нарочнымъ получилась телеграмма отъ Рамейковыхъ: Александра Павловна вызывалась немедленно въ Москву.

Въ ту же ночь Александра Павловна уѣхала.

Зина и Соня были въ большой тревогѣ. Петръ Николаевичъ напротивъ: онъ попрежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свой образъ жизни; разница была развѣ въ томъ, что куръ рѣзалось больше, но это объяснялось тѣмъ, что Зина, простудившись на похоронахъ, все недомогала и ее надо было держать на діэтѣ. Да еще—ну это чудачество!—къ обѣду велѣно было подавать большущій бычачій языкъ.

Наконецъ, изъ Москвы пришло извѣстіе: Лида повѣсилась. Вотъ было горе.

Второго покойника опустили въ Бородинскій склепъ, а въ домѣ стало ужъ такъ пусто и ужъ такъ тягостно,—Александра Павловна бродила, какъ тѣнь.

Она не могла простить себѣ, что такъ легко согласилась на этотъ бракъ, когда знала всегда Рамейкова за человѣка легкомысленнаго и даже подлаго, да, подлаго—почему не отговорила Лиду? Вѣдь Лида послушала бы ее. Да она сумѣла бы убѣдить ее, она знала много самыхъ отвратительныхъ, самыхъ постыдныхъ фактовъ, о которыхъ шептались посторонніе даже у нихъ въ домѣ въ день свадьбы.

Но теперь было ужъ поздно: и простишь или не

простишь себѣ—дѣлу не помочь. Александра Павловна чуть не кричала.

Петръ Николаевичъ выглядѣлъ нѣсколько утомленнымъ, но едва ли причиной этому былъ самъ по себѣ фактъ смерти: смерть сына, какъ и смерть дочери, вызвали въ немъ то обычное для него чувство любопытства, какое онъ испытывалъ вообще къ покойникамъ и совершенно ему неизвѣстнымъ. Утомленіе сказывалось скорѣе отъ безсонной ночи. Гробъ привезенъ былъ въ Благодатное закрытымъ, но онъ настоялъ, чтобы гробъ вскрыли, и, когда сняли крышку, онъ ужъ самъ открылъ лицо дочери и простоялъ надъ ней, не отрывая глазъ, ночь. Теперь въ своемъ зеленомъ бутылочнаго цвѣта халатѣ Петръ Николаевичъ дремалъ въ креслѣ.

Такъ прошла ночь послѣ похоронъ.

Состояніе Зины между тѣмъ ухудшалось. Она слегла. Вызванные доктора сказали, что у нея тифъ. И все Благодатное затаилось, дожидаясь рокового кризиса. Кризисъ наступилъ. Созвали консиліумъ. Надежды нѣтъ.

Въ домѣ заведенъ былъ строгій порядокъ, и обычно, когда съѣзжались дѣти, этотъ порядокъ поддерживался ими съ ихъ ранняго дѣтства: такъ, Лида набивала отцу папиросы, Зина заводила въ столовой часы. Теперь папиросы набивалъ старый камердинеръ Михей, а часы стояли.

И видно было, Зина все помнила и ее это мучило и еще мучило ее то, что, больная, лежа десятый день въ кровати, она нарушаетъ какой-то порядокъ и лучше было бы, если бы она лежала въ больницѣ, но сказать объ этомъ она не могла,—языкъ отнялся.

Изъ послѣднихъ силъ знаками Зина попросила Соню дать ей бумагу и карандашъ и слабой рукой написала букву „б“,—карандашъ выпалъ изъ рукъ. И она умерла. Вотъ было горе.

3.

Третій гробъ унесли изъ дому.

Въ церкви на отпѣваніи, прощаясь съ дочерью и въ послѣдній разъ глянувъ на это покорное обреченное лицо съ плотно сжатыми, какъ сталь синими вѣками, запекшимися и измученными губами, Александра Павловна вдругъ все вспомнила и не то недавнее счастливое, а то прошлое тайное, что никогда не вспоминалось ей столько лѣтъ, и заплакала крѣпко и ужъ старой старухой, сгорбившись, пошла прочь.

— Развѣ я думала, что такихъ придется хоронить?— плакала она, тряся головой.

А вмѣсто утѣшенія совѣсть, еще больше горбя и бороздя ей морщинами кожу, говорила ей, что некого винить, нѣтъ другого виновнаго, кромѣ нея, все сама, одна, виновата кругомъ.

Соня весь день не отходила отъ матери, жалась къ ней и пробовала утѣшать и плакала и большими глазами смотрѣла — страшно становилось за перепуганную дѣвочку.

— Мама, что ты говоришь?!—спрашивала она, пугаясь своего голоса.

И мать ей разсказала.

Пятнадцать лѣтъ назадъ, въ годъ рожденія Сони, Александра Павловна взяла дѣтей и поѣхала къ своей матери—первый разъ выѣхала она изъ Благодатнаго, оставивъ домъ и мужа. И вотъ приснился ей сонъ, будто мужъ ея въ алтарь входитъ. Страшно ей стало: не заболѣлъ ли мужъ, не умеръ ли? На другую ночь опять сонъ снится: сломалось обручальное кольцо. И опять стало страшно: мужъ умретъ. И стала она домой собираться

— Собралась, ѣду, — разсказывала Александра Павловна,—а сама, не переставая, Богу молюсь, все молюсь

Богу: если ужъ суждено горю, такъ сдѣлай такъ, пускай дитя умретъ одно, или двое или даже трое—Миша, Лида, Зина, только бы онъ живъ остался. Что жъ, думала, маленькіе еще, ничего, только бы онъ живъ остался. Про тебя молчала, не могла. Пріѣзжаю домой и что же оказывается?—въ домѣ пожаръ былъ, а отецъ твой при смерти лежалъ. Услышалъ Богъ молитву: спасъ и домъ и отца. Обрадовалась я и мы зажили. А теперь... Это потому, что тогда молилась. Развѣ я думала, что такихъ придется хоронить?

Александра Павловна мучилась, не отпускала отъ себя Соню.

Петръ Николаевичъ казался озабоченнымъ и растеряннымъ: какая-то мысль точила его и безпокоила. Дѣлать то, что онъ дѣлалъ изо-дня въ день, онъ уже не могъ. Вечеромъ онъ попробовалъ было передвинуть для порядка шкапъ въ столовой,—отодвинуть-то отодвинулъ, но такъ и бросилъ его стоять на тычкѣ; схватился за кочергу, но и съ печками дѣло не пошло; нѣсколько разъ заходилъ въ спальню, присаживался на кончикъ кровати и вдругъ подымался, оставляя убитыхъ горемъ жену и дочь.

— Всѣ потерялись — Миша, Лида, Зина и Соня, и всѣ нашлись, одной Сони нѣтъ,—безсмысленно и жутко бормоталъ онъ, неизвѣстно къ кому обращаясь, не то къ Михею, не то къ печнику Кузьмѣ, не то къ экономкѣ Дарьѣ Ивановнѣ, замѣнявшей по хозяйству Александру Павловну.

Поздно ночью Петръ Николаевичъ угомонился и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Камердинеръ Михей, какъ старый дядька, не оставлялъ его ни на минуту.

Тревожно и жутко было въ домѣ, всѣ углы стали холодными. Куда все дѣвалось? Гдѣ миръ, смѣхъ и счастье? Три гроба—три смерти морозомъ заледенили теплый огонекъ очага.

4.

Совершившіяся за какой-нибудь мѣсяцъ событія—эта Бородинская исторія—тотчасъ была поднята на языкъ. —Тутъ положительно дѣло нечисто!—такъ заговорили не только въ сосѣдней Чернянкѣ и не въ сосѣдней Комаровкѣ, но и въ Британахъ и даже въ Мотовиловкѣ и, конечно, повсюду въ городѣ. Какъ, что, почему? И давай—и пошло. Всю жизнь Благодатненскую вверхъ дномъ перевернули, по косточкамъ перебрали и бабушекъ и тетушекъ Бородинскихъ и то, чего никогда не было, и то, что было, но совсѣмъ не съ Бородиными, а, скажемъ, ну съ Муромцевыми. Все на свѣтъ Божій вывели—глядите, господа, и судите, намъ-то все ужъ давно извѣстно!

Ухватились почему-то за того таинственнаго гостя—генерала-друга Петра Николаевича, который, Богъ знаетъ, отчего сбѣжалъ тогда изъ Благодатнаго. И сразу же всѣ рѣшили, что этотъ самый генералъ все знаетъ и стоитъ только его допросить и станетъ все ясно, какъ на ладони. Но гдѣ его достанешь? Туда—сюда: руки опускаются. Кто-то сказалъ: Перевердеева весь Петербургъ знаетъ. Стало быть, онъ въ Петербургѣ? Конечно! Срочно былъ посланъ отъ губернатора запросъ въ Петербургъ. Чуть-ли не въ тотъ же самый день получилась справка: доносилось, что генераловъ въ Петербургѣ сколько угодно и есть съ такими фамиліями, что даже не совсѣмъ ловко въ дамскомъ обществѣ представляться, но Перевердеева никакого нѣтъ. Можетъ быть Переверзевъ?

И пока снова наводили справки о какомъ-то Переверзевѣ, судили и рядили вкривь и вкось, кто-то желѣзный, не спрашиваясь, никому не отдавая отчета, увѣренно совершалъ свое вѣрное дѣло, кто-то безпощад-

ный семимильными шагами изъ дальне-далека шелъ творить судъ и расправу по-своему.

Безъ Александры Павловны ничего не клеилось и она черезъ силу, отрываясь отъ своихъ тяжелыхъ думъ, входила въ мелочи жизни. Она считала себя не въ правѣ бросить на произволъ судьбы домъ, мужа и дочь,— мужа, изъ любви къ которому она принесла такую огромную жертву, дочь, изъ любви къ которой она пожертвовала бы сейчасъ всѣмъ своимъ покоемъ.

Да не ошиблась ли она, когда, молясь, отдавала въ жертву троихъ старшихъ, а Соню забыла, и не забыла, а нарочно не помянула? Зачѣмъ она не помянула Соню? И всѣ бы уцѣлѣли. А что если бы всѣ четверо умерли? Нѣтъ, этого не могло быть: вѣдь она бы все отдала, а кто отдастъ все... Зачѣмъ она не отдала всѣхъ? — вотъ вопросъ, который сверлилъ ее и не отпускалъ.

А ну какъ и Соня умретъ? Она же сказала сейчасъ, что отдаетъ все, а стало быть и Соню?—вотъ вопросъ, отъ котораго, какъ помѣшанная, металась она, боясь думать.

— Соня, Соня, гдѣ ты?—спохватывалась Александра Павловна, ища дочь, которая не отходила отъ матери.

Къ мукамъ за себя, за свой поступокъ, къ мукамъ за единственную дочь присоединялось безпокойство о любимомъ мужѣ, жизнь котораго держалась на трехъ дорогихъ смертяхъ. Петръ Николаевичъ еле двигался, онъ ужъ не выходилъ изъ кабинета, онъ посинѣлъ весь, волосы примазались и блеклая мертвая кожа, точно отдѣлившаяся отъ тѣла, висѣла на немъ мѣшкомъ.

По дому по всѣмъ комнатамъ пошелъ тяжелый духъ.

Домъ былъ старый, подъ поломъ водилось множество крысъ — ихъ было цѣлое поколѣніе и нерѣдко случалось, что какая-нибудь древняя крыса дохла. Вотъ, должно быть, почему шелъ невыносимый запахъ. Въ другое время Петръ Николаевичъ непремѣнно бы на-

шелъ то мѣсто, гдѣ валялась падаль, полъ подняли бы и падаль убрали бы, но теперь не до того было.

Всѣ, кому случилось въ это время быть въ Благодатномъ, чувствовали, что такъ жизнь продолжаться не можетъ, что рано или поздно—какой, все равно—а долженъ отыскаться выходъ, и ждали. А ждать еще положено было три дня и три ночи. И два дня и двѣ ночи уже прошли.

Въ субботу вечеромъ батюшка о. Иванъ служилъ въ домѣ всенощную и накадилъ изрядно—ладана не пожалѣлъ. Послѣ закуски уѣхалъ, и всѣ не безъ угара разошлись спать.

— Ночью,—такъ послѣ разсказывалъ Михей,—слышу я, баринъ меня кличетъ.—„Михей, говоритъ, голубчикъ, принеси мнѣ пѣтушка, Христа ради, я тебя никогда не забуду".—А зачѣмъ, говорю, вамъ, баринъ, пѣтухъ въ такую пору? Ночь на дворѣ. — А онъ только глазомъ подмигнулъ: понимай, значитъ, зачѣмъ. Пошелъ я въ курятникъ, поймалъ пѣтуха пожирнѣй, принесъ и ножъ подаю. Взялъ баринъ пѣтуха, рѣзать сталъ, а силъ-то ужъ нѣтъ—пѣтухъ все трепыхтается. Ну, кое-какъ съ пѣтухомъ покончилъ,—крови цѣлая лужа и на полу и на себѣ. Будто и лучше стало.—„Хорошо бы, говоритъ, Михей, покойничка посмотрѣть!"—Господь съ вами, говорю, какой теперь покойникъ, эка невидаль! — а у самого по спинѣ морозъ подираетъ—вижу съ бариномъ что-то неладно, ровно что его душитъ, такъ зубъ-о-зубъ и колотитъ.—„А гдѣ Соня?"—да на меня какъ посмотритъ—умирать придетъ часъ, не забуду,—такъ посмотрѣлъ.—Въ барыниной спальнѣ, говорю, съ барыней. Тутъ баринъ видно успокоился, а я отошелъ да и прилегъ.

— Проснулась я ночью,—разсказывала послѣ экономка Дарья Ивановна,—слышу, будто котъ мяучитъ. А откуда, думаю, ему взяться? Помяукала — не отзывается, шипитъ.

„Пѣтухъ, дѣйствительно, пѣлъ“,—показывали другіе.

Нѣтъ, и пѣтухъ не помогъ, а какой пѣтушекъ былъ славный! Силъ больше не было, сейчасъ задохнется.—Петръ Николаевичъ вдругъ привсталъ на кровати:

— Всѣ потерялись — Миша, Лида, Зина и Соня, и всѣ нашлись, одной Сони нѣтъ!

И одна заволакивающая мысль найти Соню сейчасъ же, сію секунду, подняла его на ноги и повела. Не выпуская ножа изъ рукъ, онъ поползъ изъ кабинета въ спальню.

Дверь въ спальню оказалась полуоткрыта. Въ спальнѣ было свѣтло отъ лампадки. Соня лежала съ матерью на кровати лицомъ къ двери.

— Курочка, куронька моя!—шепталъ онъ, подползая къ кровати.

Соня открыла глаза. Сѣла на кровать. И, глядя на отца, скрюченнаго, измазаннаго кровью, въ ужасѣ вытягивала свою лебяжью шейку.

— Куронька, куряточка!—шепталъ онъ, силясь подняться на ноги.

И—поднялся.

Лебяжья шейка въ лучѣ лампадки еще больше вытянулась подъ сверкнувшимъ ножомъ —одинъ мигъ—и вишневымъ ожерельемъ сдавило бы лебедь, но онъ ужъ не могъ, силы оставили,—нѣтъ спасенія: ножъ выскользнулъ изъ рукъ и вмѣстѣ со склизлой кожей, отдѣлившейся отъ пальцевъ, упалъ на коверъ.

Старикъ, дрогнувъ, присѣлъ на корточки, весь осунулся, все въ немъ—носъ, ротъ, уши, все собралось въ жирныя складки и, пуфнувъ, поплыло.—И плыла липкая кашица, чисто очищая отъ дряни бѣлыя кости.

Голый, безглазый черепъ, такой смѣшливый, ощериваясь, бѣлый, какъ сахаръ, черепъ сталъ въ лучѣ лампадки. И въ ту же минуту огонь-пламя, распахнувъ

дверь спальни, краснымъ глазомъ кольнуло мать, обомлѣвшую дочь, мертвую голову и, планувъ языкомъ подъ потолокъ, развѣялось краснымъ пѣтухомъ и зашумѣло.

Домъ горѣлъ.

Царевна Мымра.

1.

Хорошо было Атѣ въ Ключахъ, такъ хорошо, что едва промелькнутъ они хотя бы самымъ своимъ послѣднимъ кончикомъ въ его крѣпкой памяти, какъ уже все другое—теперешнее: Старый Невскій, гдѣ онъ живетъ съ отцомъ и матерью, и гимназія съ уроками, перемѣнами и отмѣтками, и учителя всѣ, начиная съ нѣмца Ивана Мартыныча и кончая чистописаніемъ — Иваномъ Евсеичемъ, и всѣ первоклассники, даже пріятели—Ромашка и Харпикъ—такъ все попрячется и вдругъ сгинетъ совсѣмъ, словно никогда его не было, а были всегда и будутъ всегда Ключи.

„Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ", скажетъ себѣ Атя и, отложивъ куда подальше противный учебникъ, сядетъ и сидитъ—думаетъ.

А то проснется ночью, и какой-нибудь намекъ одинъ—донесется ли храпъ изъ кухни, или самъ такъ заворочается, будто не кровать подъ нимъ и лежитъ онъ не въ комнатѣ, а на травѣ на зеленомъ лугу,—и въ ту же минуту ему ясно представится, что онъ не въ Петербургѣ, а далеко въ родныхъ Ключахъ, гдѣ родился и жилъ до гимназіи у дѣдушки о. Анисима. И лежитъ такъ всю ночь и ужъ старается думать о томъ, какъ вѣтеръ и колосья шумятъ, чтобы только заснуть. А сонъ не идетъ. Будь сейчасъ крылья или коверъ-самолетъ—пропадай все!—улетѣлъ бы въ Ключи.

Село на горѣ. Подъ горой бѣлая церковь. Противъ церкви домъ дѣдушки, садъ и пчельникъ. Перемахни черезъ плетень—рѣка. Рѣка Коса. А за рѣкой поле, а за церковью поле. И опять гора и на много немѣрныхъ верстъ лѣсъ. Лѣсъ—медоборъ частый, крѣпкій неруб анный: звѣрю — туда-сюда, человѣку—знай посматривай. Муравьиныя кочки—стога. Какъ пойдутъ осенью по грузди да рыжики, кочки жгутъ: волкъ муравьинаго духу не любитъ,—это хорошо отъ волка.

На бѣлой колокольнѣ—ласточки: ихъ видимо-невидимо. Закатится солнце, начнутъ перелетать онѣ и, летая, все говорятъ по своему. Ласточки старыя: каждую весну прилетаютъ въ Ключи на колокольню. Что ихъ сюда манитъ: звонъ ли вызвонившихся зазвонныхъ колоколовъ? или привыкли къ сѣдому дѣдушкѣ? Онѣ много знаютъ, онѣ должны помнить: какъ дѣдушка молодымъ былъ, какъ его жена померла, какъ родилась Атина мать... А теперь:

„Атя пріѣхалъ,—говорятъ ласточки,—какой за зиму онъ большущій сталъ!“

Козы и овцы, коровы и телята, свиньи и кони, гуси, индюшки,—всѣ догадаются, когда покажется на селѣ Атя: скотъ и птица понятливы — перомъ да шерстью чуютъ.

Отъ Медвѣдокъ до Ключей, если скорой ѣздой, то въ день доѣдешь. Сядетъ Атя въ плетушку, а Ѳедоръ-Костыль какъ свистнетъ, и понесутся крѣпкіе каріе кони и безъ дороги мчатся съ горы на гору, изъ лѣса въ лѣсъ, изъ деревни въ деревню—поспѣвай отворять ворота. Съ копытъ пыль стоитъ, завивается дымомъ, а по полямъ не унылыя версты—вотскія дѣвушки въ бѣлыхъ затканныхъ шелками нарядахъ, сверкая серебромъ уборовъ, протянутся бѣлыя навстрѣчу имъ; и вотскія пѣсни дикія, что лѣсной гулъ, и глубокія, что вой половодья, а звонкія—не такъ звонка болотная тростинка, а свѣт-

лыя—не такъ свѣтла говорливая желейка, привѣтая, ручьями поплывутъ за ними, а вѣтры, мѣняя кручину на веселье, съ горъ надзынутъ тоску. Эй, звени, колокольчикъ!—раззвонился, утомленъ, какъ кони,—гудитъ. Проѣхали мельницу—прогремѣла плотина, миновали заповѣдныя луды—вѣщія рощи Кереметя. Да живъ ли гордый богъ—непокорный братъ Инмара, творца неба, земли и солнца?—Живъ,—шепчетъ роща... А вонъ ужъ шаймы—старое вотское кладбище. Издалека заслышатъ гудъ колокольчика: выбѣжитъ Паня и Саша—побросаютъ стряпню, выйдетъ крестная, охромѣетъ отъ радости, завизжитъ тямкая Гривна, а дѣдушки нѣтъ: ушелъ въ церковь. Атя—къ курамъ. У куръ—заяцъ: такъ называется заяцъ, самъ по себѣ онъ просто кроликъ. Вонъ посмотрите: отъ всѣхъ убѣжитъ, не подпуститъ, а тутъ ничего.

„Здравствуй!—дай, зайчикъ, лапку!".

Узналъ усатый: мяучитъ.

А вонъ и самъ дѣдушка: не утерпѣлъ—бросилъ книги и все, идетъ.

Рано утромъ, лишь заря упадетъ и тепло-красная разсыплется по горамъ и лѣсу, встанетъ солнце—подымется Атя, побѣжитъ на Косу купаться, а потомъ—время рабочее—цѣлый день за работой: навозъ возитъ. Придетъ вечеръ, станетъ закатываться солнце, золотымъ вѣнцомъ украситъ курчавую липу, надѣнетъ на иву золотое колечко, тутъ только Атя домой, и ужъ испачканный, весь въ землѣ: на что только похожъ! Послѣ дѣдушка скажетъ:

„Экій ты у меня хозяинъ!"

„Я, дѣдушка, десять возовъ свезъ!"—засмѣется Атя, а когда Атя смѣется, показываетъ свои крѣпкіе широкіе бѣлые зубы, и хочется, чтобы онъ все время смѣялся.

Старый да малый—одинъ безъ другого за столъ не

сядетъ. За вечернимъ чаемъ Атя читаетъ, что на день въ отрывномъ календарѣ написано: какія примѣты и насчетъ погоды; а другой разъ такъ изъ книги, больше арабскія сказки: Тысяча и одна ночь,—дѣдушка любитъ слушать.

„Ну, на тебѣ пятакъ за работу, да смотри, не прохарчи".

„А я, дѣдушка, всѣ мои прошлогоднія въ Петербургѣ прохарчилъ, видѣлъ гиппопотама!" засмѣется Атя, а когда онъ смѣется, глаза его, какъ свѣтляки, загорятся, и станетъ всѣмъ весело.

И день за день, какъ рѣка, течетъ.

Проводили девятую пятницу. Народу — во какая коса. Въ крестномъ ходу Атя носилъ крестъ вокругъ села. За иконами народъ шелъ, за народомъ скотина — козы, овцы, бараны, коровы, кони,—какъ же, и имъ полагается! Заяцъ тоже ходилъ; ну, не такъ, какъ корова,—всю дорогу промяукалъ на рукахъ у крестной, а то живо въ лѣсъ утечетъ!

Поджидаютъ дядю Аркадія. Только и разговору о немъ. Крестная во снѣ его видѣла, будто выходитъ онъ изъ чулана весь въ бѣломъ да прямо однимъ шагомъ на подволоку, — и, вѣруя въ сонъ, наготовила къ чаю пряжениковъ. Пряженики масляные, да вкусные, такъ во рту сами и таютъ,—Атя за дядю Аркадія все поѣлъ. Да что-жъ это, когда онъ пріѣдетъ? Не за горами Петровки: подавай пескаря. Эхъ, поскорѣе бы рыбачить!

Атя не трусливаго десятка: на любомъ конѣ уѣдетъ, въ любую погоду по рѣкѣ вплывь пустится, а вотъ покойниковъ страсть боится. Когда стоятъ они неотпѣтые подъ колокольней, онъ боится вечерами смотрѣть въ окно на церковь и спать одинъ не ляжетъ: все ему мерещится, все ему страшно. Идетъ съ нимъ на подволоку Паня или крестная, или безрукій старый вотякъ Кузьмичъ, и подъ разсказы и сказки онъ засыпаетъ

тихо. Но когда приносятъ покойниковъ въ церковь или несутъ гробъ на кладбище, всякій разъ Атя бѣжитъ посмотрѣть и слушаетъ звонъ. Сторожъ Костя могилы копаетъ, Костя и звонитъ. Десять ударовъ—десять звоновъ медленныхъ съ оттяжкой, начиная съ тонкихъ, потомъ потолще—заунывно, жалобно, жутко по печальному, а послѣдній какъ срыву во всѣ—трахъ—анъ оборвется что-то и съ колоколами бухъ!—и летишь.

Святый Боже, Святый Крѣпкій
Святый Безсмертный,
Помилуй насъ!

Безъ Ати не обходится ни одной службы. Онъ стоитъ на клиросѣ и поетъ, только ничего не выходитъ: онъ никакъ не можетъ съ дьячками поладить — дьячки на подборъ одинъ къ другому старъ старѣе, лишь одно выходитъ: „Подай Господи!"

„Молодой мой псаломщикъ,—похвалитъ дѣдушка,—завтра намъ въ Поломъ ѣхать на молебенъ".

И Атя съ дѣдушкой ѣздятъ по деревнямъ и селамъ, служатъ молебны, ѣдятъ быка и кашу. И Атѣ ужъ кажется, что онъ настоящій молодой псаломщикъ, а когда большой вырастетъ, будетъ священникъ, какъ дѣдушка, и тогда дядя Аркадій не острижетъ ему волосы: они у него длинные будутъ по поясъ и не въ двѣ косы заплететъ ихъ, какъ дѣдушка, а въ двадцать двѣ.

Дядя Аркадій! Ну, наконецъ-то пріѣхалъ, понавезъ съ собой сѣтей и удочекъ, а крючковъ—едва помѣстились въ самой большой корзинѣ. Атя рыбачитъ. Рыба его любитъ: разъ такого изловилъ леща, сковороды не нашлось, чтобы изжарить, хоть пускай опять въ воду. Атя смѣется.

Вечеромъ весело: галки. Какъ повадятся галки съ поля въ садъ летать, облюбуютъ себѣ ночлегъ, ночь отночуютъ, а на утро смотришь—послѣ нихъ лучше не ходи въ бесѣдку. Не въ комнатахъ же изъ-за нихъ чай

пить?! А чаю попить надо толкомъ: чай въ Ключахъ уважаютъ, — и такъ, и съ подогрѣвцемъ; на вольномъ воздухѣ любо. Дядя Аркадій пугаетъ галокъ: какъ затрясетъ деревья и такъ гаркнетъ во всю—что галки!—заборъ затрещитъ, стекла въ церкви задребезжатъ и сами покойники подъ колокольней съ удовольствіемъ куда-нибудь скрылись бы, хоть въ ту же старую баню. Атя никакъ не научится пугать галокъ и гаркать во всю.

„Дѣдушка, пчелы поютъ!"—принесетъ Атя дѣдушкѣ новость.

Тутъ все бросай: ни пить, ни ѣсть некогда. Весь домъ на ногахъ. Дѣдушка, дядя Аркадій, крестная, Паня, Саша, Кузьмичъ и конечно Атя, надѣвъ на лицо рѣшета, цѣлый день на корточкахъ у улья слѣдятъ, куда полетитъ матка, и когда она выйдетъ, всѣ, какъ одинъ, пчелами снимутся съ мѣста да за роемъ бѣгомъ со всѣхъ ногъ какъ попало по грядамъ, по кустамъ да черезъ плетень въ поле, пока гдѣ-нибудь за полемъ въ лѣсу матку не словятъ. Слава Богу, еще будетъ улей, а меду—до весны, на всю зиму.

Дошла озимь въ наливахъ, подросъ овесъ. Скоро Казанская. Въ Ключахъ ярмарка. Пріѣдетъ на село прозорливецъ Сысоюшка. Понаѣдутъ гости. Крестная испечетъ кулебяку: все отдашь, да мало. Эй,—весело! И зачѣмъ это Казанская не цѣлый вѣкъ живетъ!

А на селѣ на улицѣ хороводы. Станутъ въ кругъ дѣвки да, пристукивая, идутъ одна за другой вереницей подъ однозвучный трумъ и грёкъ переманчиватой балалайки; ходятъ долго, вдругъ взмахнутъ руками и, взвившись, будто птицы, перемѣнятся мѣстомъ и снова, пристукивая, ходятъ переборомъ одна за другой вереницей безъ передышки долго,—серебро уборовъ шумитъ безъ вѣтра, а перстни горятъ безъ огня.

Дядя Аркадій беретъ Атю смотрѣть хороводы. Они

стоятъ въ сторонѣ съ парнями. Они стоятъ молча, не переступятъ. Атѣ жутко: то хочется броситься въ кругъ и, когда завертятся, вертѣться и взвиться птицей, когда взовьются; то вспоминаются десять похоронныхъ ударовъ и сжимается сердце,—не они ли въ вѣнчикахъ неотпѣтые вышли изъ-подъ колокольни и ведутъ этотъ танецъ? Темныя мглы покрываютъ ихъ, а въ ночи по небу выходятъ блѣдныя звѣзды.

„Покойники душу новорожденному даютъ", говоритъ Кузьмичъ.

„Посмотрѣть бы, какъ это дѣлается", думаетъ Атя.

Кузьмичъ—пріятель. Кузьмичъ отрубилъ топоромъ себѣ руку, безъ руки какая работа?—ничего не можетъ и ужъ сколько лѣтъ живетъ у дѣдушки вродѣ сторожа при церкви. Отъ него Атя узналъ много разныхъ чудесъ, а нѣкоторыхъ чудищъ самъ отыскалъ—столкнулся въ лѣсу носъ къ носу.

Какъ-то, зайдя въ чащу, онъ повстрѣчалъ Полѣса. Этотъ Полѣсъ любитъ пугать, кто въ лѣсу ходитъ. Но такъ какъ былъ полдень, а кому полднемъ ходить!—то лѣсъ и шатался безъ дѣла: тощій-претощій, отъ горшка два вершка—одна рука, одна нога; одинъ глазъ, а ротъ и носъ, какъ у Ати. А вотъ было страшно: подъ старой елкой во мху-мокрякѣ, скорчась, посапывалъ Кузь-Пине, самый страшный, съ длинными зубами, а около у ногъ валялись человѣчьи обглоданныя бѣлыя косточки. Атя однимъ глазкомъ взглянулъ да ужъ едва отъ него на дорогу выбрался: шути шутки, живо съѣстъ, не попросишь! А то разъ собиралъ землянику, а изъ оврага—Искалъ-Пыдо. Этотъ ничего: съ лица вылитый Кузьмичъ, на плечѣ дубина, одно—ноги коровьи мохнатыя съ копытомъ. Атя его земляникой угостилъ. Ѣстъ. Вотъ Лѣшаго да Водяного такъ и не видѣлъ, но зато Атя зналъ, гдѣ на Косѣ гнѣздо Водяного, а когда осенью

разрывало плотины и подымалась вода, онъ зналъ, что это значитъ.

„Хоть бы разокъ попасть къ Водяному на свадьбу!—мечталъ Атя,—красавица Водяная царевна, а Морская еще краше... какъ Клавдія Гурьяновна...“

2.

Атя бережетъ свои думы, никому о нихъ не разсказываетъ: Ключи—тайна. Даже Ромашка и Харпикъ посвящены только отчасти, но кому бы онъ открылъ ее, такъ это единственной Клавдіи Гурьяновнѣ. А за что, самъ не знаетъ,—вотъ она какая!

Онъ чувствуетъ, что тянетъ его въ ея комнату, что ему пріятно, когда она пьетъ съ ними чай, когда угощаетъ его конфетами и апельсинами и заставляетъ смѣяться, когда беретъ съ собой гулять по Невскому и заходитъ съ нимъ въ магазины и въ электрическіе театры. Онъ знаетъ, вся она—особенная, какой нигдѣ не найти: бѣлое лицо, обсыпанное пудрой, спущенные на лобъ завитки, красныя, накрашенныя краской губы, щелки-глаза и все такое маленькое, будто нѣтъ ничего—нѣтъ лица, и вся такая маленькая, а платье шуршащее съ вырѣзомъ, и голосъ у нея особенный, такъ никто не говоритъ, и всегда бы слушалъ ее и всегда бы смотрѣлъ на нее.

Атя безъ всякаго дѣла входитъ въ комнату Клавдіи Гурьяновны и стоитъ молча, уставясь на нее, а когда она что спрашиваетъ, отвѣчаетъ робко и такъ коротко: ничего понять невозможно.

— Эхъ, глупый ты, глупый мальчикъ, а ну-ка засмѣйся!—говорила Клавдія Гурьяновна и сама смѣялась какъ-то горломъ. Казалось Атѣ: это не смѣхъ, такъ простые не смѣются.

Разъ, не вытерпѣвъ, сказалъ вдругъ:

— Хорошо у насъ въ Ключахъ, вотъ бы вамъ...

— Такъ ты знаешь, гдѣ они!—подхватила, обрадовавшись, Клавдія Гурьяновна: она въ тотъ день потеряла ключи отъ шкапа и, какъ ни шарила, нигдѣ не находила.

„Еще рано,—подумалъ Атя,—не пришло время, надо напередъ чѣмъ-нибудь отличиться, и тогда можно все...“

Въ этотъ вечеръ Атина мать замѣтила:

— Не шляйся, Атя, такъ часто въ комнату Клавдіи Гурьяновны, она можетъ обидѣться и съѣхать.

Такъ какъ квартира у нихъ была большая, а дѣла у доктора--отца Ати, пошли хуже прошлогодняго, то одну комнату пришлось сдать. Эту комнату занимала Клавдія Гурьяновна.

Появленіе ея внесло новую жизнь. Она была предметомъ постоянныхъ разговоровъ. Ею занимались. Ею дорожили. Для нея мать Ати надѣвала корсетъ, а не ходила, какъ раньше, цѣлыми днями въ капотѣ. Докторъ не разсказывалъ за обѣдомъ про операціи. Дядя Аркадій доставалъ ей билеты въ театръ и на концерты.

Все, что говорилось о ней, Атя внимательно слушалъ, не пропуская мимо ушей ни одного замѣчанія.

По утрамъ Атю заставляли мыться: въ кухнѣ ставилась лохань, въ которой онъ, раздѣвшись, плескался.

— Ты не маленькій голышемъ ходить, пройдетъ Клавдія Гурьяновна, нехорошо,—замѣтила мать.

Это случилось чуть ли не въ день водворенія въ домъ таинственной жилицы, но Атя не сразу понялъ всю суть сдѣланнаго ему замѣчанія: оно лишь впослѣдствіи стало яснымъ и подтвердило его собственныя наблюденія.

„Если при кухаркѣ Ѳеклушкѣ,—разсуждалъ онъ,—при мамѣ, а въ Ключахъ при крестной и при Панѣ съ Сашей онъ всегда мылся и ходилъ безъ рубашки, то это понятно и можно, такъ какъ всѣ онѣ такія, какихъ

много, но при ней это немыслимо и нельзя, потому что она—единственная".

Вскорѣ онъ узналъ отъ Ѳеклуши, что Клавдія Гурьяновна—содержанка. Слово, слышанное имъ впервые, получило тотчасъ свой смыслъ: оно означало у него не болѣе и не менѣе какъ то, что такъ называютъ самыхъ умныхъ и самыхъ богатыхъ.

„Содержанка—содержаніе,—докапывался Атя,—нѣтъ въ изложеніи содержанія—двойка, есть содержаніе—пятерка. Директоръ получаетъ большое содержаніе: содержаніе—деньги".

Не даромъ по его наблюденіямъ всѣ въ домѣ обращались къ ней съ вопросами, спрашивая ея мнѣніе о какомъ-нибудь нужномъ для нихъ въ данную минуту дѣлѣ, и не даромъ цѣпочка на ней такая длинная—по колѣнямъ болтается, а шуба бѣлая съ черными хвостиками, какъ у государыни.

Докторъ, какъ-то вернувшись домой поздно и молчавшій во время обѣда, когда подали ему воздушный пирогъ, который, какъ на грѣхъ, сѣлъ, сказалъ съ сердцемъ матери:

— Пустила въ домъ проститутку...

Мудреное слово и ужъ ничего не скажешь. Атя, сколько ни бился,—даромъ.

„Конечно,—думалъ онъ,—слово латинское и во второмъ классѣ проходится, но ждать до будущаго года—лучше спросить теперь же дядю Аркадія: онъ по-латински говоритъ".

И въ первое же воскресенье, когда пришелъ дядя Аркадій, онъ спросилъ его.

— Проститутками называются,—принялся, не улыбнувшись, объяснять дядя Аркадій,—всѣ окончившія институтъ, а институтъ—учебное заведеніе, въ которое принимаются только знатнаго происхожденія, такъ что тебя, напримѣръ, какъ сына доктора, ни въ коемъ

случаѣ не допустили бы, хоть ты тутъ разорвись на части.

Атя чуть было и не разорвался на части, только не отъ отчаянія, что не можетъ быть проституткой, а отъ радости: онъ былъ правъ—она необыкновенная, она не только содержанка, то-есть умна и богата, она проститутка, то-есть знатная.

„Она,—рѣшилъ онъ тутъ же,—княгиня. А разъ она въ нынѣшнемъ году княгиня, то на будущій годъ сдѣлается великой княгиней, а тамъ не пройдетъ и года, будетъ царевной“.

— Царевна моя!—шепталъ онъ, проходя мимо запретной комнаты.

У Клавдіи Гурьяновны гостей не бывало, кромѣ одного, который являлся то рано по утру, то поздно вечеромъ. По вечерамъ онъ засиживался за полночь: она играла, онъ пѣлъ. Всѣ его называли Депутатъ.

— Депутатъ пришелъ,—говорила мать, — не шуми такъ, да одерни курточку.

А докторъ, заслышавъ пѣніе, морщился:

— Депутатъ поетъ?

— Депутатъ,—отзывалась мать.

Кто этотъ гость, разъяснилось скоро.

Мать сообщила дядѣ Аркадію новость: докторъ рѣшилъ больше не выписывать газетъ, такъ какъ къ жилицѣ ходитъ членъ Государственной Думы, и она все знаетъ лучше всякой газеты.

„Необыкновенный гость,—раздумывалъ Атя,—изъ Государственной Думы!—это, конечно, куда выше Ивана Мартыныча и Ивана Евсеича, пожалуй, какъ грекъ Копосовъ—классный наставникъ въ третьемъ классѣ“.

Какъ-то столкнувшись съ гостемъ, Атя, шаркнувъ, поклонился ему, какъ инспектору, и замѣтилъ, что онъ лысый, какъ батюшка „Китаецъ“, а одѣтъ—куда дядя

Аркадій—дядя Аркадій въ подметки ему не годится, даромъ, что актеръ.

По вечерамъ Клавдія Гурьяновна сидѣла съ матерью въ столовой, и онѣ разговаривали о разныхъ разностяхъ. Атя, дѣлая видъ, что учитъ уроки, прислушивался изъ сосѣдней комнаты. Разговоръ вертѣлся около Депутата.

Мало-по-малу выяснилось, что у него семья—двѣ взрослыя дочери на выданьѣ, а жену онъ свою такъ любитъ, дыхнуть безъ нея не можетъ, только что необходимость заставила его жить отдѣльно въ Петербургѣ; они ужъ другъ другу не письма пишутъ, а каждый день обмѣниваются телеграммами.

— Когда мы съ нимъ встрѣтились,—разсказывала какъ-то Клавдія Гурьяновна,—онъ сказалъ мнѣ: Клавдія Гурьяновна, дорогая моя, я безъ васъ жить не могу, живите въ Петербургѣ, пока я членъ Думы.

— Царевна моя, — шепталъ Атя, забрасывая разборъ,—а я съ тобой вѣчно.

Клавдія Гурьяновна пѣть мастерица. Оставаясь одна въ своей комнатѣ, она пѣла бродячую пѣсню, которую поютъ подъ гармонью на третьемъ дворѣ. Въ пѣснѣ говорилось о любви: онъ полюбилъ ее, а она его нѣтъ, она вышла замужъ—кончено дѣло, но онъ ее любитъ—не можетъ забыть, шатается между людей, какъ трава, и она одна передъ нимъ вездѣ и всегда...

О когда бъ эта ночь
Не была хороша,
Не болѣла бы грудь,
Не страдала бъ душа.

И въ напѣвѣ пѣсни Атѣ слышалось что-то близкое себѣ: его царевна одна стояла передъ нимъ вездѣ и всегда.

Ему казалось, весь міръ былъ для нея и всѣ ее звали, только нельзя было говорить о ней громко,

нельзя было произносить ея имени. Всѣ ее ожидали и таили свое ожиданіе въ себѣ, какъ завѣтное. Вотъ почему въ Ключахъ, заслышавъ колокольчикъ, спѣшили за ворота и съ замершимъ сердцемъ смотрѣли на дорогу: не она ли? А дѣдушка, стоя въ алтарѣ за обѣдней, когда подымалъ руки и молился про себя надъ чашей, онъ ей молился. А крестная, если съ-весела глядѣла и все ей удавалось, она ее во снѣ видѣла. А Саша и Паня, если весь день смѣялись и сами не знали, отчего смѣются, это, значитъ, имъ намекнулъ кто-нибудь, что она въ Ключи ѣдетъ. А когда Кузьмичъ не оканчивалъ сказки, говоря, что конца онъ не скажетъ, и по губамъ его бродила улыбка,—понятно: въ концѣ сказки о ней говорилось, а какъ сказать тайное, необъявное, безвыносное слово? А самъ Атя всегда держалъ ее въ мысляхъ, потому и смѣялся, потому и глаза горѣли...

— Атька влюбился въ Клавдію Гурьяновну, поздравь!—трунила мать.

— Стало быть, засядетъ на второй годъ!—невозмутимо говорилъ дядя Аркадій.

— Терпи голова, съ кости скована,—соболѣзновала Ѳеклуша.

— Меня всѣ дѣти любятъ!—смѣялась горломъ Клавдія Гурьяновна.

„Надо чѣмъ-нибудь отличиться, безъ этого нельзя,—думалъ Атя,—завоевать Индію или Бѣлое море, подать ей знакъ, тогда она узнаетъ и объявится...“

— Царевна моя!

3.

Надежда на то, чтобы ѣхать въ Ключи, ухнула. Докторъ сказалъ, что если Атя останется на второй годъ, то и думать нечего — все лѣто будемъ жить въ Петербургѣ. А ужъ шла весна, послѣдней четверти под-

ходилъ конецъ, и судьба Ати должна была скоро рѣшиться, и ясно было, что она рѣшится не въ его пользу.

На чистописаніи Харпикъ, играя съ Атей въ перышки и проигрывая—перо, подпрыгнувъ, ложилось не брюшкомъ, какъ слѣдовало бы, а спинкой—бросивъ игру, сказалъ:

— Хочешь въ Америку бѣжать?

— Хочу,—отвѣтилъ Атя.

— Ромашка тоже хочетъ.

— А какъ же мы побѣжимъ?

— А ужъ это я знаю, мы съ Рождества голову ломаемъ, только тебѣ не говорили, хотѣли, чтобы ужъ сразу начисто... У тебя Америка есть?

— У папы въ пріемной Африка виситъ.

— Африка не къ чему. Надо спросить Ромашку, его отецъ архитекторъ, должна быть. Намѣтимъ необитаемый островъ, тамъ и поселимся.

— Построимъ дворецъ!—схватился Атя.

— Можно и дворецъ, можно и замокъ, что хочешь.

— И никого не будетъ, ни одной души?

— Одни гиппопотамы.

„Начинается,—думалъ Атя,—теперь только дѣйствуй, все будетъ, что хочешь: Харпикъ и Ромашка—бестіи, на край свѣта дорогу найдутъ“.

На другой день Ромашка притащилъ южную Америку; карта оказалась нѣмая и неполная, только четвертушка, но все-таки Америка.

Часъ, который просидѣли они послѣ уроковъ, оставленные Иваномъ Мартынычемъ за цѣлый рядъ продѣлокъ, прошелъ незамѣтно. Харпикъ и Ромашка распоряжались, посвящая Атю во всѣ подробности своего плана, потомъ, взявъ по листу бумаги, занялись рисованіемъ необитаемыхъ острововъ, выбрали одинъ кружечекъ—ихъ островъ, сложили карту и ударили по рукамъ: завтра послѣ уроковъ тронутся въ путь.

— Вы ступайте прямо на вокзалъ и тамъ ждите, а я принесу денегъ,—сказалъ Харпикъ.

— Достать бы паспортъ,—задумался Ромашка.

— Паспортъ достану, это очень просто,—объявилъ Атя; онъ вспомнилъ, какъ совсѣмъ недавно дядя Аркадій ѣздилъ въ Москву, взявъ съ собой по ошибкѣ кухаркинъ паспортъ, и прожилъ цѣлую недѣлю безпрепятственно.

Такъ и порѣшили: Харпикъ деньги, Атя паспортъ, а Ромашка карту.

Только бы дожить до завтра!

Атя не завелъ глазъ. Шла ему ночь за бѣлый день. Провалялся ночь, думая. Но не о Ключахъ думалъ онъ, а объ Америкѣ: на необитаемомъ островѣ онъ построитъ дворецъ, какого никогда еще никто не строилъ, дворецъ будетъ весь изъ павлиньихъ перьевъ съ золотыми и серебряными лѣстницами, съ окнами изъ драгоцѣнныхъ камней; онъ привезетъ туда на гиппопотамахъ свою царевну, и будутъ они жить, окруженные моремъ подъ вѣчнымъ солнцемъ вѣчно. Она будетъ называться царевна Мымра и островъ, который онъ отдастъ ей, будетъ носить ея имя—островъ Мымры. Потомъ онъ завоюетъ для нея еще много острововъ и въ концѣ-концовъ всѣ земли. И тогда выйдетъ она изъ дворца, освѣтитъ весь свѣтъ...

На урокахъ Атя, Харпикъ и Ромашка вели себя сносно, ничего такого не выкозюливали, скорѣе были разсѣяны и, когда ихъ спрашивали, отвѣчали совсѣмъ невпопадъ. По колу стояло у каждаго въ бальникѣ. Да ужъ все равно.

Какъ только кончился послѣдній урокъ, и Атя звонко прочиталъ „Благодаримъ Тебя, Создателю“, Харпикъ, не задерживаясь, кинувъ книги подъ парту, побѣжалъ опрометью домой.

Дома у Харпика никого не было: отецъ — въ судѣ, мать—въ Гостинномъ, только одна кухарка Василиса.

— Дай мнѣ, Василиса, три рубля,—попросилъ Харпикъ.

Но у Василисы такихъ денегъ не оказалось, и, повертѣвшись въ кухнѣ, Харпикъ—къ отцу въ кабинетъ. Долго не пришлось рыться: подъ старымъ портфелемъ лежала мелочь. Харпикъ пересчиталъ: ровно три рубля. Вотъ какъ везетъ.

— Прощай, Василиса, мы съ тобой больше никогда не увидимся,—пріостановился Харпикъ на порогѣ.

— А вы куда ѣдете?—полюбопытствовала Василиса.

Харпикъ, ему такъ вдругъ стало жалко Василису, готовъ ужъ былъ выболтать тайну, да къ счастью спохватился.

— На Николаевскій вокзалъ ѣдемъ, прощай!

Атя и Ромашка между тѣмъ давно уже толкались на Финляндскомъ вокзалѣ и много ушло поѣздовъ, прежде чѣмъ явился, наконецъ, Харпикъ. Не считая воронъ, взяли билеты до Теріокъ, засѣли въ вагонъ и—прощай гимназія, прощай Россія!—пустились въ Америку прямо на необитаемый островъ Мымры.

Ѣхать было весело. Пѣли „Вставай—подымайся", курили. Дорога представлялась Америкой, а пассажиры—сыщиками шерлоками.

Возлѣ Куоккалы Атя вытащилъ изъ штановъ паспортъ кухарки Ѳеклуши и съ гордостью показалъ его товарищамъ.

— Теперь хоть къ самому чорту—ничего: паспортъ настоящій,—одобрилъ Харпикъ.

— Любому сыщику носъ наставимъ,—подтвердилъ Ромашка.

Такъ доѣхали благополучно до Теріокъ.

Выйдя изъ вагона, отправились на дачи и бродили до поздняго вечера, дѣлая все, что душѣ угодно: ла-

зали по крышамъ, лѣстницамъ и деревьямъ; Ромашка предлагалъ выкупаться въ морѣ и одно помѣшало: лѣнь раздѣваться.

Становилось холодно, захотѣлось ѣсть: все-таки не обѣдавши трудно. И, вернувшись на вокзалъ, они въ первую голову купили себѣ ситнаго и тутъ же весь его кончили. Надо было подумать теперь о ночлегѣ. Ночевать на шпалахъ холодно да и снѣгъ пошелъ, на вокзалѣ—вокзалъ запрутъ. Думали, думали, какъ быть, и рѣшили попроситься у сторожа переночевать въ будкѣ.

Сторожъ оказался сговорчивымъ, не артачась, согласился. Но прежде чѣмъ впустить ихъ въ будку, заставилъ прибрать вокзалъ и размести рельсы.

Прибрали вокзалъ, размели рельсы и ужъ такъ заснули, сроду не спалось такъ сладко. Во снѣ снились все сласти: цѣлыми коробками шоколадъ и мармеладъ, и простыя конфеты—ѣшь сколько влѣзетъ.

Если бы не сторожъ, ей-Богу, хоть еще и день спать. „Эй, мученики-грѣшники!“ Вышли они опять на вокзалъ, купили на послѣднія ситнаго, подзакусили и направились было по вчерашнему на дачи, какъ вдругъ въ дверяхъ—жандармъ.

— Вы куда?—спросилъ онъ сердито.

— Мы съ дачи Назарова,—отвѣтилъ за всѣхъ Ромашка, который прошлое лѣто жилъ въ Теріокахъ.

— Съ дачи Назарова?—переспросилъ жандармъ и, поговоривъ о чемъ-то тихо съ подошедшимъ къ нему господиномъ, должно быть, сыщикомъ, сказалъ совсѣмъ ужъ сердито:

— Вы арестованы!

Въ это время подходилъ поѣздъ, слѣдующій въ Петербургъ. И путешественники въ сопровожденіи жандарма и сыщика понуро пошли къ вагонамъ.

„Что онъ скажетъ своей царевнѣ, какъ теперь подойдетъ къ ней, гдѣ его Индія, гдѣ его Бѣлое море, гдѣ

необитаемый островъ, приметъ ли она его или все пропало? мучился Атя, глядя въ окно на черную весеннюю дорогу.

Харпикъ и Ромашка обдергивались: зададутъ имъ баню. Прощай, Америка!

4.

Дни шли недѣлями. Неладно. Правда, встрѣча на вокзалѣ вышла совсѣмъ не страшная: мать Ати чуть не плакала отъ радости, да и въ гимназіи все обошлось благополучно, допустили къ экзамену. Но что Атѣ въ гимназіи? Онъ не добылъ острова, а съ пустыми руками куда сунешься? Эхъ, жизнь! Клавдія Гурьяновна все подсмѣивалась. Звала Атю отставнымъ американцемъ.

„Да надо же что-нибудь придумать,—метался Атя,—отрубить, что ли себѣ палецъ и отдать ей или выколоть себѣ глазъ, пускай чувствуетъ".

— Все дѣдушка виноватъ,—жаловалась мать доктору,—знаю я, что тамъ въ Ключахъ дѣлается, никуда негоденъ мальчишка сталъ, уроки на умъ нейдутъ. То влюбился въ Клавдію Гурьяновну, теперь бредитъ какой-то Мымрой.

Докторъ держался того правила, что при лѣченіи необходимо прибѣгать къ пиву съ касторкой, такъ какъ отъ засоренія желудка всякая ерунда бываетъ, а при воспитаніи—къ внушенію, такъ какъ одними словами не проймешь, а потому рѣшилъ обязательно при первой возможности выпороть Атю.

Но такъ случилось, что поймать Атю онъ никакъ не ухитрялся: то дѣла задержатъ, то Атя въ гимназіи, то и не въ гимназіи, а скроется куда-то, словно сквозь землю провалится.

Однажды утромъ докторъ заглянулъ въ дѣтскую: Атя въ одной рубашкѣ сидѣлъ на кровати и о чемъ-то

думалъ. Докторъ, затаивъ дыханіе, крался совсѣмъ незамѣтно, вотъ еще одинъ шагъ и ужъ взялъ бы свое—отхлесталъ бы его, какъ слѣдуетъ, будетъ помнить, ремешекъ отъ радости ерзалъ въ рукахъ, но Атя не дуракъ, живымъ въ руки не дастся, скокъ!--только пятки сверкнули. Спасайся, кто можетъ!—и, не долго думая, опрометью, какъ угорѣлый, прямо въ комнату Клавдіи Гурьяновны.

Дверь оказалась не запертой. Клавдія Гурьяновна лежала въ постели. Атя къ ней, забился подъ одѣяло. И слышно было, какъ докторъ подошелъ къ двери, постоялъ-постоялъ и отошелъ съ носомъ.

— Царевна моя, ты спасла мою жизнь отъ смертной казни,—шепталъ Атя, и отъ счастья голова шла кругомъ,—ты простишь меня, я самовольно пришелъ къ тебѣ безъ острова, безъ ничего, ты простишь меня, я не сумѣлъ достать тебѣ царства, я его достану тебѣ: Индію, Бѣлое море, всѣ острова, всѣ земли... все, все...

Духъ захватило, казалось, его душа обняла ея душу и обнимала такъ крѣпко, что его сердце рвануло и тѣло вдругъ задрожало: она была такъ близко, недоступная и гордая его царевна Мымра.

Клавдія Гурьяновна закрылась рукой отъ смѣха.

— Можно?—перебилъ голосъ за дверью.

— Сейчасъ!—и она, отпихнувъ Атю, показала ему подъ кровать.

Атя покорно юркнулъ и, очутившись подъ кроватью, застылъ весь, стараясь не дышать, и жмуря глаза, чтобы не глядѣть, такъ его не замѣтятъ. И сидѣлъ на корточкахъ точь-въ-точь, какъ когда-то въ курникѣ на гусиныхъ яйцахъ, сѣвъ тогда, чтобы гусей вывести. Не дышалъ, не глядѣлъ, но все слышалъ.

Этъ былъ депутатъ. Онъ раздѣвался. Снялъ сюртукъ, снялъ ботинки. Упала запонка, звякая, покатилась по полу, стала у ногъ Ати. И стало ему нестерпимо жарко, словно не запонка,—уголь дышалъ въ него жа-

ромъ. Они говорили. Слова ихъ были самыя обыкновенныя, какъ всѣ говорятъ, какія всѣмъ говорятся. И по мѣрѣ того, какъ Атя вслушивался, бросало его въ холодъ, то въ жаръ: не слова, а самый складъ словъ звучалъ для него, какъ послѣдняя ругань. Онъ вдругъ понялъ, что она не одна, не единственная, не царевна, а какъ всѣ, такая же... и пустыня открылась передъ нимъ. Зажалъ бы себѣ уши, лишь бы не слышать, а все слышалъ: и его будто били, какъ однажды въ Ключахъ били вора, запрятавшагося подъ кровать въ кухнѣ,— по головѣ, по лицу, подъ животъ,—глаза остеклились, падалъ. „Да добейте его!"—„Нѣтъ, кричатъ, подождетъ!" отпустятъ — и бьютъ... И вдругъ какъ что то чавкнетъ его обухомъ, все поколебалось—конецъ его жизни.

Только когда гостя выпустили съ параднаго хода на улицу, а Клавдія Гурьяновна одѣвалась, Атя выползъ изъ-подъ кровати и не оглянулся, а на вопросъ ея: пойдетъ ли съ ней послѣ обѣда на Невскій, ничего не отвѣтилъ.

Безъ книгъ и безъ завтрака шелъ Атя въ гимназію. Ничего не замѣчалъ. Не помнитъ, какъ дошелъ. Кое-какъ, посидѣвъ начало урока, попросился выйти. Ему позволили. Онъ вышелъ изъ класса, остался одинъ. Пустая комната, каплетъ вода,—и какъ вспомнилъ, все помянулъ,—камни легче: царевны его не было. И покатились слезы. Атя заплакалъ въ первый разъ въ жизни, такъ заплачетъ земля въ послѣдній разъ, когда съ неба попадаютъ звѣзды.

О когда-бъ эта ночь
Не была хороша,
Не болѣла бы грудь,
Не страдала бъ душа.

долетала бродячая пѣсня бродячей пѣвицы на гимназическій дворъ, а со двора съ весеннимъ воздухомъ въ окно, и Атя сквозь слезы, словно смѣялся.

Гдѣ искать ему звѣзду свою—царевну?

Занофа.

1.

Хорошо на Батыевѣ—веселое село. Всего вдоволь: и лѣсу кругомъ, и рѣка подъ бокомъ. Въ рѣкѣ рыба,—не выловишь, въ лѣсу звѣрь,—чего хочешь, все есть. Одно—жутко. Не больно разгуляешься. А разгуляешься, не пеняй зря: если что недоброе послѣ окажется, самъ виноватъ.

Какъ стоитъ село и церковь построена, не переводится нечисть, и нѣтъ на нее никакой потравы: живуча, что черви. А сгинетъ одна, смотришь, другая ужъ дѣйствуетъ. Если иной разъ вѣдьма не успѣетъ передать своего ремесла, то, все равно, гдѣ-нибудь объ эту пору да проявится и почище: не ученая, а роженая. Роженая—это, которая просто отъ матери такой вѣдьмой на свѣтъ родится. Ученая—такъ себѣ, а эта свое возьметъ, съ ней шутки плохи, пустяками заниматься не станетъ, живо такое сдѣлаетъ, вѣкъ свой вѣчный не отмоешься.

И роженыхъ и ученыхъ на селѣ водилось не мало. Старики не запомнятъ, когда бы ихъ на селѣ не было, и не было человѣка, кто бы додумался, откуда онѣ и гдѣ корень ихъ таковскій.

А сколько народа въ могилу сошло, погибли задармá несчастные: съ этою нечистью лучше не начинай дѣловъ, извѣдутъ, а сами, какъ ни въ чемъ не бывало,

жить будутъ, и живутъ человѣку на страхъ, Рогатому на угожденіе, его злой воли дочери.

Такое, право, нечистое мѣсто.

Гомитъ гомъ, шумитъ молва по Батыеву, гремитъ слава по всему Чернорѣчью: нѣтъ страшнѣе отъ горъ до моря вѣдьмы Занофы.

Были старыя: Аришка да Гáпка, каждая сто и побольше годовъ на плечахъ носила, а эта молодая—тридцать минуло. Тѣ, хоть и портили, да все-таки мѣру знали, сами же, послѣ и выпользуютъ, а эта ни на какую стать. Извѣстны ей были самыя страшныя порчи, умѣла засѣкать. Возьметъ такъ окружитъ кольцомъ человѣка, и тотъ человѣкъ, сколько бы онъ ни бился, никогда изъ круга не выйдетъ, будетъ плутать у себя подъ дверью, а въ домъ не войдетъ, будетъ стоять на порогѣ и не двинется. Тѣ вѣдьмы, какъ вѣдьмы, съ перваго взгляда и малому ребенку примѣтны: носъ крючкомъ, сухопарыя, хвостъ, а эта—такой красивой, обойди весь свѣтъ, не найдешь, но и такого уродца съ сотворенія міра не слыхано: тѣло и все это настоящее, какъ у самой здоровой бабы, а ноги ребячьи,—ходить не можетъ, только ползаетъ. И пускай бы себѣ ползала, а то, говорятъ, летаетъ: подымется птицей и летитъ. И увидѣть ее почти никогда не увидишь, развѣ ночью. Ну, отъ этого-то избави Богъ всякаго, лучше на мѣстѣ три раза провалиться, да въ Пасху у заутрени не стоять, чѣмъ такую увидѣть.

2.

Отецъ Занофы—купецъ, развозилъ товары по ярмаркамъ, и товаръ не залеживался,—покупатель на проломъ шелъ: не проведетъ Чабакъ, гнилья не подсунетъ.

И не прими старый грѣха на душу, ей-Богу, записали бы въ угодники.

Мать Занофы—бродячая, цыганской крови, плясала да пѣла—вой-да!—ударитъ въ звонкія ладони—пропадай голова, только бы глазкомъ взглянуть да и Богу душу отдать. Другой такой Марьи не бывало.

Не сразу Чабакъ всталъ на ноги. Спервоначала едва концы сводилъ, держалъ на селѣ лавчонку, ею и пробавлялся. Дѣтей полны углы, всѣхъ накормить да обшить—чего-нибудь да стоитъ. Мужиками жили.

Родилась Занофа—и перемѣна пошла.

Повалило Чабаку счастье, сталъ богатѣть, расторговался и настоящимъ купцомъ задѣлался. Покупатель такъ и валитъ въ лавку со всѣхъ сторонъ,—никакихъ товаровъ не напасешься. Разбогатѣлъ купецъ. Барышей хватало на все: домъ выстроилъ, садъ развелъ, повыдалъ дочерей замужъ, а сына въ городъ по торговлѣ пристроилъ. Пожертвовалъ Корнѣй колоколъ на церковь, и удался колоколъ звонкій и гулкій: какъ ударятъ ко всенощной, по всѣму Чернорѣчью гудитъ и до самой Москвы до Ильинки хватаетъ.

И не искалъ Чабакъ богатства, само оно въ руки шло.

Умные люди и тогда уже смекали, что замѣшалось тутъ нечистое, да про себя держали: слово не воробей, выскочитъ, не поймаешь,—и человѣка ни за что опозоришь, и самому на томъ свѣтѣ тоже не пройдетъ даромъ. Одинъ Митрошка,—парень такой былъ, ничего не боялся,—бывало, какъ запьетъ, и начнетъ болтать и доказывать, все, бывало, на дѣвчонку кажетъ и ей все приписываетъ.

Не обращали вниманія: разняла́ человѣка хмелина, нечего съ него и спрашивать.

А дѣвченка была, дѣйствительно, Богъ ее знаетъ!

Родилась Занофа въ Купальскую ночь въ пѣтухи послѣдней у матери. Родилась въ счастливой сорочкѣ

и съ родимымъ пятнышкомъ у большого пальца на лѣвой ладони.

Сорочку бабка припрятала, а послѣ къ себѣ унесла. Потужили Чабаки, да дѣлать нечего: назадъ такую вещь не возьмешь: кому досталась, тотъ и пользуйся.

Слухъ же пошелъ по селу.

Странники и богомольцы толпились у Чабаковъ. Заходило ихъ много въ домъ получить у Занофы лѣвую руку на счастье. И рука щедро раздавала счастье, никому не отказывала. Доходили странники и богомольцы до святыхъ мѣстъ и возвращались во всемъ благополучіи. Никто не жаловался.

И изъ дальнихъ селъ и деревень пріѣзжали къ Чабакамъ за счастьемъ и возвращались во-свояси довольными. Ни съ кѣмъ бѣды не случалось.

Росла дѣвочка разумная и, какъ птичка, чирикала день-деньской, все ей покажи да разскажи, увяжется за большими, ничего не боится.

Однажды на первую траву взяла ее Марья въ хороводъ постоять. Любила дѣвочка въ веселомъ хороводѣ постоять. И какъ пошелъ хороводъ по улицѣ, поднялся вѣтеръ, сшибъ ее съ ногъ, упала она на землю. Съ той поры онѣмѣли у ней ноги, ходить не могла.

Не бѣгала, а лежмя лежала.

И странное дѣло: все тѣло росло, а ноги въ одномъ и томъ же положеніи оставались: ребячьи, маленькія.

Еще больше народа сходилось въ домъ къ Чабакамъ, и разливалось счастье по всему свѣту.

Но, видно, шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Одна захожая старица замѣтила у Занофы на счастливой рукѣ крестики, и не простые крестики, а вотъ Ѳома вышелъ на богомолье цѣлымъ, а назадъ пришелъ безъ ноги, а у Еремы глазъ вышибли, Катерину, старостину внучку, замужъ выдали, пожила съ годъ хорошо, а на другой запила, тоже ходокъ Баранъ пошелъ въ Пе-

тербургъ и не вернулся, а у того самаго Митрошки кила выросла.

А тутъ еще такое случилось, и дураку толковать не требуется.

Чѣмъ старше становилась Занофа, тѣмъ тяжеле у Корнѣя забота росла. Хотѣлось старому еще при жизни дочь пристроить и умереть ужъ спокойно. Посылалъ сватовъ. И женихи пріѣзжали. Много зарилось на богатство: богаче Чабака на всемъ селѣ не было. Да ничего не выходило. Другой бы и радъ-радехонекъ, да въ послѣдній срокъ рѣшимости не хватало. Ужъ очень взглядъ у ней: какъ ножемъ полыснетъ; отъ такихъ глазъ не спрячешься. Ну, и разойдется.

Не любила Занофа жениховъ, пеняла отцу, а со старикомъ и самъ чортъ не сговоритъ, упрямый, стоялъ на своемъ.

Пріѣхалъ какъ-то къ Чабакамъ купецъ одинъ изъ города по дѣламъ. Красивый и весельчакъ, все село перемутилъ. Бабы и теперь всплакнутъ, какъ про Родіонова разсказывать примутся. И полюбился купецъ Занофѣ. Сама отцу открылась. Обрадовался старикъ, сейчасъ же къ купцу. Любилъ дочь, душу продалъ бы, вотъ какъ любилъ! А купецъ шалый, море ему по колѣно, высыпалъ шутокъ съ три короба и по рукамъ ударили. Все честь-честью: благословились, смотрины справили и все, что въ такихъ случаяхъ полагается, на то ужъ баба—первая заводница. Гуляли, ажъ обезножили! И вотъ подошелъ день, обрядили Занофу къ вѣнцу. Пріѣхали въ церковь,—народу собралось все село: всѣмъ любопытно,—ждутъ, а жениха нѣтъ. Думали, что случилось. Туда-сюда. Одного послали, другого послали, а его все нѣтъ, нигдѣ разыскать не могутъ. Поохали, поахали, а ничего не подѣлаешь—по домамъ надо. Занофа ни съ мѣста. Ужъ ее и уговаривали, и просили, и силой взять хотѣли, не соглашается, не хочетъ ѣхать,

и какъ была въ подвѣнечномъ платьѣ, легла на землю и поползла, да такъ и ползла по землѣ до самаго дома, сама вся, что бумага, бѣлая, а глаза—да если бы всѣ громы разразились и вся молонья попадала, такой грозы не бывало бы,—глаза раскаленные жгли. Кто, какъ стоялъ, такъ и остался, а она все ползла.

На утро купецъ отыскался. Нашли его у Чабаковъ въ хлѣву. Опоросилась у нихъ свинья и стояли въ хлѣву старыя плетеныя ясли для поросятъ, такъ купецъ этотъ забился въ поросячью плетенку, а вожжи за осокорь натянуты,—мертвый.

Началось слѣдствіе. Доказали на Корнѣя. Клялся Корнѣй, что не при чемъ онъ совсѣмъ; клятвѣ не повѣрили и засудили. Пошелъ старикъ въ Сибирь да тамъ, должно быть, и померъ.

Вотъ оно какое дѣло.

Тутъ Митрошка съ килой забрехалъ на всю улицу, и умные, которые раньше смекали да помалкивали, развязали языкъ.

И теперь всѣмъ стало ясно, какое это такое счастье Чабаковское, и что это за счастливая рука Занофина съ родимымъ пятнышкомъ у большого пальца на лѣвой ладони и съ крестиками.

И хоть задушилъ Родіонова Корнѣй, про это всякій знаетъ, но безъ Занофы тутъ не обошлось,—ея рукъ дѣло.

Все село всполошилось.

— Она еще и не то сдѣлаетъ,—говорили про Занофу,—она напуститъ градъ и выбьетъ поля, она нашлетъ молонью и сожжетъ хлѣбъ, уморитъ скотъ, передушитъ ребятъ, испортитъ бабъ, погубитъ мужиковъ, она выпьетъ всю рѣку, съ корнемъ снесетъ лѣсъ, не оставитъ ни церкви, ни избы, не пощадитъ и завалящей щепки.

— Она еще и не то сдѣлаетъ,—шептали помертвѣв-

шими губами,—она обратитъ всѣхъ въ совъ и заставитъ жить въ норахъ.

— Глазъ у нея черный.

— Рука проклятая.

— Вѣдьма она проклятая.

Ѳома да Ерема подговаривали прикончить вѣдьму, да не нашлось смѣльчака, руки у всѣхъ оказались коротки.

И всѣ отшатнулись отъ Занофы, и братъ и сестра отреклись.

Что бы ни случилось на Батыевѣ, всякій грѣхъ, всю бѣду, все валили на Занофу.

Осталась Занофа одна съ матерью.

Косясь, проходили по селу мимо бѣлаго дома съ синею дверью и синими ставнями, не пѣли пѣсенъ, не говорили въ голосъ, завидя вышку, гдѣ, какъ сторожъ на караулѣ, караулилъ аистъ вѣдьмино логово.

А она, хоронясь, лежала у окна, все видѣла—черезъ три поля видѣла, все слышала—черезъ лѣсъ слышала.

И видѣла, и слышала, знобила сердце, а встать не могла.

3.

Опустѣлъ домъ стараго Чабака.

Тамъ, гдѣ, бывало, отъ народа стѣны ломились, не слыхать ни смѣха, ни топота, а у запертыхъ воротъ по двору не видно ни конской ископоти, ни лошадинаго сбѣга.

Крещенаго и калачемъ не заманишь, развѣ крайность, а то лучше на порогѣ подохнуть, чѣмъ войти въ домъ.

Въ комнатахъ травы висятъ. И пахнетъ чѣмъ-то до одури прянымъ, на ногахъ не выстоишь. А по всѣмъ стѣнамъ птицы,—Занофа рисовала,—и не птицы, а какіе-то коты крылатые. Отъ этихъ птицъ всѣ стѣны и домъ точно летѣть собираются.

Неспокойно въ комнатахъ.

Управится мать по хозяйству, подсядетъ къ Занофѣ. Смотритъ на дочь, жалко и не знаетъ, что дѣлать. А Занофа лежитъ, глаза раскрытые, и горитъ въ нихъ что-то, чего ничѣмъ не зальешь.

Говорила Занофа матери:

— Счастливая ты, прожила жизнь, плясала и пѣла, ты такъ плясала, на тебя приходили смотрѣть. У меня нѣтъ ничего.

Подымалась старуха, мотала сѣдой головой, надувались жилы на бронзовой шеѣ:

— Нѣтъ, Занофа, ты сильная и красивая, краше нѣтъ тебя.

Занофа не слышала, говорила матери:

— Ты счастливая. И есть же такіе счастливые! Кто это дѣлаетъ? А я—чѣмъ виновата?

— Ты ни въ чемъ не виновата, это люди такіе.

— Люди? Счастливые? А у меня ни одной минуты ужъ нѣтъ...

Старуха выпрямилась:

— Уйдемъ, Занофа, бросимъ этотъ домъ, все бросимъ, мы найдемъ себѣ... мы уйдемъ въ степи, тамъ на волѣ...

— Зачѣмъ ты лжешь, зачѣмъ говоришь, что я красивая? Что тебѣ? И куда я пойду? Вѣдь, я же уродъ, я не могу ходить. А это за что? Кто это дѣлаетъ? Какая правда? Гдѣ правда?—Занофа приподнималась на рукахъ и смотрѣла, ненавидя мать, проклиная людей, весь міръ, и ей казались всѣ такими счастливыми, а она одна—проклятая, поползень, а за что, не знаетъ вины.

И сердце, ровно вепрь, оскалившій зубы,—страшная месть выходила изъ сердца.

Старуха опускалась на лавку, глаза ея закрывались, и она засыпала, безсильная, ничего не могла сдѣлать.

А Занофа долго на вытянутыхъ рукахъ, взъерошен-

ная, какъ кошка, прицѣливалась куда-то глазами и кружила ими. Что-то невозможное, нечеловѣческое совершалось въ душѣ ея, невозможное, нечеловѣческое творилось въ сердцѣ.

Тогда и начинались на селѣ пожары и вдругъ умирали люди и погибалъ скотъ и топтались нивы,—всѣ бѣды, все повѣтріе лихого глаза.

Медленно отлегало отъ сердца, медленно подгибались стальныя руки.

Забивалась Занофа въ уголъ кровати и, вся подобравшись, хоронилась, какъ подбитый звѣрокъ.

Вспоминала она свое дѣтство, отца, свою счастливую руку, потомъ хороводы... хороводъ, вихрь и землю, на которой лежала, потомъ годъ за годомъ на этой кровати и какъ однажды сама вздумала ковырять себѣ счастье на правой ладони,—подъ вѣнецъ поѣхала и какъ назадъ изъ церкви ползла.

Старуха вдругъ просыпалась.

Занофа плакала.

Лицо въ кулачокъ, какъ у той счастливой дѣвочки, которая, размахивая счастливой рукой, прыгала на одной ножкѣ отъ дверей до калитки и пѣла тоненькимъ голоскомъ и разсказывала сказки про пѣтушка, что медвѣдя съѣлъ, и, вытянувъ губки, представляла громъ и сама же пугалась, бранила, гнала со двора дождикъ, и такъ вотъ плакала, когда не переставалъ, шелъ дождикъ и гулять не пускали.

— Тебѣ ѣсть хочется?—наклонялась старуха къ дочери.

— Смерти хочу,—шептала Занофа.

Старуха жевала поблекшія губы, теребила сухими пальцами кончики землистаго платка, черная, что земля.

И птицы по стѣнѣ куда-то летѣли, пыжили свои кошачьи морды, и вся стѣна рвалась.

— Смерти хочу!

Чуть начинало смеркаться и теплый вечеръ укладывалъ на покой дневной вѣтеръ, и нарядная, будто на пиръ, выплывала ночь въ звѣздахъ, и поднятыя звѣздами, гукая вдоль по рѣкѣ, раздавали совы тоску, выползала Занофа въ садъ. Тамъ, лицомъ къ лицу съ ночью, она копалась въ землѣ съ своими цвѣтами до самой зари.

Но бывали ночи, какъ дни,—и Занофа не могла спуститься съ кровати.

Съ каждымъ лѣтомъ садъ заросталъ. Засорялся цвѣтникъ и пустѣли гряды. Глухой бурьянъ забирался во всѣ уголки. Поникали вѣтви, и тѣни становились все гуще, покрывая всякій просвѣтъ.

Въ ночи приходили къ Занофѣ сны, и она съ крикомъ вырывалась отъ нихъ и, таясь, цѣлый день жила подъ ихъ рукой.

И тогда мать и дочь не говорили другъ съ другомъ, а только смотрѣли, но бывало и такъ, что смотрѣть было страшно.

Старуха гадала.

И карты не сулили добра: ударъ, непріятность, постель ложились на сердце, а кончалось угощеніемъ,—Пиковая дама.

Только рѣдкое утро озаряло домъ, будто счастьемъ.

Просыпаясь, Занофа окликала:

— Маменька, что мнѣ снилось сегодня!

Старуха бросалась къ дочери:

— Что такое, что снилось?

— Мнѣ, маменька, сапоги снились, а потомъ, будто ты мнѣ подаешь рубашку, а рубашка въ крови.

— Сапоги — это дорога, — толковала старуха, — а кровь — кровное свиданіе будетъ съ родными. А мнѣ такъ лукъ снился, ѣмъ будто лукъ-сѣянку. Можетъ, старикъ вернется...

Забывшись, старуха мурлыкала пѣсню.

— Маменька, эта дорога, я знаю, это—моя смерть.

Старуха молчала.

— А на кладбищѣ тихо, тамъ никто не тронетъ.

Старуха молчала.

Все валилось изъ рукъ — тряслись руки, и не знала старая отъ своего горя: не то садись и плачь, не то сидя плачь.

Тянулись дни за днями.

Такъ много смутныхъ дней безконечныхъ прошло въ заброшенномъ домѣ. И ударился бы головой объ стѣну, лишь бы вырвать изъ глотки хоть какой-нибудь звукъ.

Стояло ли ведро или ненастье, шелъ ли дождь или свѣтило солнце, все равно, глаза одного хотѣли: закрыться.

Старуха не могла больше вынести, пугалась молчанія, тихонько подходила къ дочери:

— Дѣточка, дѣточка моя!

— Ну, что?—вскидывала Занофа страшные глаза на согнувшуюся мать.

— Я такъ. Я только сердцемъ прошу...

4.

Должно быть, хорошая ночь была: на дальнемъ болотѣ трубили жабы и маленькія птички—пастушки чуть слышно свистѣли, сливая свой свистъ съ стрекотомъ, въ которомъ земля колыхалась; за рѣкой тоскливо гукали совы, и трещали лягушки, словно бы бричка по дорогѣ катила.

Отъ высокихъ осокорей черезъ весь дворъ тянулась глубокая тѣнь въ лунномъ кругѣ.

Въ бѣлой рубахѣ, какъ бѣлый цвѣтокъ, лежала на травѣ Занофа. Печально разсыпались по плечамъ ея темныя расплетенныя косы, и, оскаливъ бѣлые зубы, она глядѣла куда-то за звѣзды.

А звѣзды были такія далекія.

Одна дума таяла, будто мѣсяцъ таялъ въ ея сердцѣ,— дума о смерти.

И показалось Занофѣ, мелькнуло что-то подъ хлѣвомъ, будто кто вышелъ со свѣчкой, вотъ обогнулъ осокорь и упалъ въ траву и ужъ ползъ черезъ полосу тѣни къ саду; огонекъ, колеблясь, мелькалъ, какъ свѣчка,—двѣ свѣчки. И чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе становилось, что это человѣкъ ползетъ, и лицо прояснялось, она узнала,—это онъ, его глаза, они свѣтили...

Занофа приподнялась на руки и, какъ кошка, выгнувъ голову, поползла навстрѣчу.

И они ползли другъ къ другу, и путь между ними все укорачивался, ужъ развѣвались его волосы и губы улыбались ей...

Такъ путь между ними кончился.

Руки его протянулись къ ней и, охвативъ грудь, прижали крѣпко, горячія, на всю жизнь, на вѣчно, и въ мигъ синій, какъ тамъ въ хлѣву съ вожжей на шеѣ, скаля страшные зубы, онъ приподнялъ ее съ земли,—и они полетѣли—женихъ и невѣста.

Утромъ нашли Занофу въ концѣ сада у сажалки: сидитъ на перелазѣ придушена—чортъ задушилъ.

И пьяно же Батыево. Стономъ стонъ стоитъ, пѣсня и гамъ и топотъ. Откалываютъ казачка, ногъ не жаль. Экъ, вѣдь, какъ прорвало, — Ѳома Еремѣ послѣдній глазъ вышибъ, а у Митрошки килу оторвали, да и какъ для такого случая не ударить по всѣмъ.

II.

Казенная дача.

1.

Время приспѣло весеннее,—не хочется дома сидѣть, тянетъ бросить все и итти. И ужъ какъ завидно тѣмъ, кто можетъ бросить все и итти.

Василій Семенычъ Пташкинъ, человѣкъ съ обязанностями, связанный по рукамъ и ногамъ жалованьемъ, могъ, пожалуй, только помечтать о такомъ блаженномъ состояніи, да и то не безъ раздраженія. Работы, какъ нарочно, съ каждымъ теплымъ днемъ прибывало, и часто съ утра до поздняго вечера приходилось просиживать въ полутемной, прокуренной конторѣ надъ той премудрой книгой счетовъ и расчетовъ съ повторяющимися изо дня въ день постылыми цыфрами и записями, весь смыслъ которыхъ заключался въ томъ, что безъ нихъ не могло существовать дѣло, не могла ходить фабрика, а безъ фабрики не могъ держаться городъ, а слѣдовательно, и его жизнь, какъ одна изъ тысячи тысячъ спаянныхъ съ этой машиной.

Но какой былъ смыслъ всей этой городской машины и его винтовой жизни,—неужели въ борьбѣ за завтрашній строго-размѣренный несвободный день?—а можетъ быть, за освобожденіе отъ каторги этого дня? И если все дѣло въ борьбѣ за освобожденіе отъ каторги этого дня, то какой смыслъ того свободнаго дня, который въ концѣ-концовъ гибелью цѣлыхъ поколѣній все-таки будетъ завоеванъ и долженъ притти?

Но ни спрашивать дальше, ни отвѣчать просто силъ ужъ не было. Дневная отъ часа до часа наполненная обязательнымъ трудомъ фабричная жизнь явственно сказывалась въ само собой закрывающихся усталыхъ глазахъ и въ томъ охватывающемъ глухомъ снѣ, который безъ милосердія валилъ на кровать свою жертву и держалъ ее до утра, когда каторжный день ужъ снова протягивалъ свои губастыя лапы, чтобы, впившись въ своихъ невольниковъ, высасывать силы и мысли и затыкать глотку, требующую отвѣтовъ безпокойной душѣ. И къ счастью Пташкина удерживалось единственно то, что могло еще удерживаться у невольника, душа котораго подъ постояннымъ гнетомъ не отдалась послѣднему отчаянью. Пташкинъ видѣлъ смыслъ своей жизни въ борьбѣ за освобожденіе отъ каторги назначеннаго ему судьбою дня. Само-собой, слылъ онъ за человѣка безпокойнаго и не подходящаго къ тому мирному жителю, скрипя и охая выносящему тяготы жизни и не знающему иной, кромѣ данной маленькой и забитой, маленькой и скучной, которую если представишь невзначай, такъ скулы отъ зѣвоты треснутъ и сердце сожмется отъ всей ужасающей ея безсмысленности.

„Нѣтъ, лучше быть болотной жабой,—зимой засыпать, а лѣтомъ квакать, чѣмъ человѣкомъ, изъ-за какой-то затхлой норы и пустыхъ щей вѣкъ свой вѣчный сгибающимъ спину".

Такъ будто бы выражался безпокойный Василій Семенычъ.

Да и на самомъ дѣлѣ, Василій Семенычъ былъ безпокойный, вѣдь, это его совсѣмъ еще недавно посадили въ кутузку за то, что „толпился", и при всемъ томъ Василій Семенычъ былъ весьма чувствительный, а вся его испитая фигурка весьма деликатна, вѣдь, это ему барышни въ письмахъ писали: „Васечка—цвѣточекъ!"

Вотъ почему всякій разъ по веснѣ, какъ прилетать птицамъ въ родные лѣса и открывать веселые дни, его захватывало на мечтательный ладъ и неудержимо тянуло куда-то за городъ отъ фабричныхъ трубъ, суеты улицъ, отъ этихъ булыжниковъ, отъ которыхъ каменѣли сами чувства. Бросилъ бы все и пошелъ... Да, нѣтъ ужъ, куда тамъ пойдешь! Нѣтъ ужъ, хоть бы такъ куда за черту города выбраться. И будь у него хоть какая-нибудь возможность, онъ по примѣру другихъ, болѣе осчастливленныхъ судьбой, и какъ это ни глупо, а переѣхалъ бы на дачу, но такъ какъ и такой возможности не предвидѣлось, то оставалось только мечтать, корпя въ городѣ.

2.

Былъ конецъ марта—теплая пришедшая съ весной ночь, сквозь которую черный горизонтъ чернѣе ночного беззвѣзднаго неба сулитъ дружное таяніе и первые цвѣты.

Пташкинъ возвращался домой хоть и усталый, но весь уходящій, Богъ знаетъ, за какія черты возможностей и мысленно проходилъ по полямъ и лѣсамъ, черезъ жаркія пустыни и топкія болота, куда-то къ самому морю, которое, впрочемъ, зналъ больше по картинкамъ, да во снѣ какъ-то видѣлъ. И когда достигъ такимъ манеромъ ужъ не моря, а закопченаго, переполненнаго жильцами, дома, гдѣ снималъ комнату, первое, что поразило его—это поджидавшіе люди—чудаки! они такъ окружили его маленькаго и невзрачнаго, словно былъ онъ опаснѣйшимъ изъ звѣрей въ родѣ какого-то того Дракона, пожиравшаго когда-то и простой, и непростой народъ, а другое, что не менѣе тронуло его, это то, что послѣ всѣхъ никому ненужныхъ формальностей и несообразностей обыска, усаженный на извоз-

чика, онъ услышалъ добродушный голосъ своего чудака—спутника:

— За городъ на дачу самая пора теперь... пошелъ!

Долго ожидаемый начальникъ наконецъ явился. Старикъ видимо давно ужъ улегся на боковую, и взбуженный, спросонья имѣлъ видъ не то отчаянно-пьянаго, не то угорѣлаго человѣка, которому не только двигаться и дѣлать что-нибудь, а тошно и на свѣтъ взглянуть. И выполняя предписанныя ему закономъ правила пріема арестантовъ, какъ-то: осматриваніе вещей и голаго тѣла и ощупываніе этого тѣла до потери всякаго стыда и гадливости, онъ сопѣлъ и тыкался, а когда принялся записывать въ большущую книгу, тоже установленную закономъ, его морщинистая сонная рука сажала кляксу на кляксѣ и, не слушаясь здраваго смысла, попадала какъ разъ не туда, куда слѣдовало,—и въ графѣ поступленій въ острогъ стоялъ мартъ мѣсяцъ, а въ графу мѣсяца попалъ Василій Семеновъ Пташкинъ. Окончивъ, наконецъ, съ грѣхомъ по-поламъ всю чепуху, старикъ надѣлъ форменный теплый картузъ и старую затасканную шинель и, не глядя, вышелъ изъ пріемной, чтобы итти досыпать свой старческій сонъ, безпрестанно прерываемый и острожнымъ днемъ и острожной ночью.

„Эхъ,—думалъ, поди, старикъ,—и есть же такіе счастливцы, какъ полицемейстеръ, спи сколько влѣзетъ"!

„Эхъ, старикъ, старикъ, не въ томъ дѣло!"—подзвякивали на его же собственныхъ обузныхъ сапогахъ смѣшливыя шпоры, нагоняя безсонницу.

Появившійся, словно выросшій изъ-подъ земли, бородатый надзиратель въ валенкахъ повелъ Пташкина по лѣстницѣ черезъ путанные корридоры въ верхнее помѣщеніе и, помѣшкавъ у дверей камеры, принялъ отъ другого неслышно-подошедшаго надзирателя жестяную лампу, привычно и легко, какъ привычно и легко, брался

когда-то за соху, отперъ камеру и, какъ когда-то скотину въ хлѣвъ, впустилъ Пташкина.

— Сегодня изъ вашей только что одного выпустили гладкаго изъ себя, пожалуйте-съ!—поправился надзиратель, произнеся осторожное „пожалуйте-съ.“

— Клоповъ много?—спросилъ Пташкинъ, принимая лампу и зная ужъ по опыту, что про это самое спросить никогда не мѣшаетъ.

— Попадаютъ въ щеляхъ, извѣстно, народу тутъ всякаго пребываетъ много, нынче такъ, не поймешь, напроломъ такъ и идутъ, спокойной ночи!—и, заперевъ камеру за Пташкинымъ, надзиратель отошелъ отъ двери и направилъ шаги свои по длинному корридору между спящихъ камеръ отъ окна къ окну, загороженному лѣто и зиму крѣпкой рѣшеткой.

„Эхъ,—думалъ, поди, бородатый,—и есть же такіе счастливцы, какъ начальникъ, спи, сколько влѣзетъ!“.

„Эхъ, бородатый, бородатый, не въ томъ дѣло!“—подшлепывали его же собственныя ворчливыя расползающіеся валенки, нагоняя какой-то знакомый ему испытанный въ дѣтствѣ лѣсной страхъ.

А, вонъ, она какая дача!—Пташкинъ, оставшись одинъ, осматривалъ внимательно свое новое закрытое помѣщеніе, и оно казалось ему совсѣмъ ничего: если по размѣру, такъ просторнѣй всѣхъ комнатъ, какія приходилось ему занимать на волѣ; видно было, что камера не одиночная, а общая—душъ на десять и, должно быть, предназначавшаяся для тѣхъ, кого собирались подержать подольше. Да, совсѣмъ ничего!—два высокихъ окна, обѣденный столъ, если бы не эти огромныя нары вдоль всей стѣны, смежной съ другой необитаемой камерой—умывальницей, просто танцуй и дѣло съ концомъ. И нельзя сказать, чтобы было не чисто,—деревянный полъ заботливо вымытъ, а тюфякъ въ углу наръ такой тугой, словно бы не соломой, а мочаломъ набитъ.

Лечь можно, да и какъ еще выспаться, а выспаться самая пора.

Пташкинъ раздѣлся и легъ.

И когда закрылъ глаза и, мысленно пройдя всѣ прожитые дни, слившіеся въ одинъ вчерашній день, и всѣ вечера, собравшіеся въ одинъ вчерашній вечеръ, принялъ всю начавшуюся свою острожную жизнь, какъ нѣчто неизбѣжно необходимое, что должно было рано или поздно наступить, изъ глубины души его вдругъ поднялся поперечный голосъ и задавилъ всѣ уживающіеся голоса.

И въ душѣ отчетливо говорилось:

„Эхъ, и счастливые же, счастливые эти всѣ тамъ, за дверью, на волѣ!"

А ламповый огонекъ, въ глубокой ночи нестерпимо яркій, пробившись сквозь вѣки въ глубь глаза, запрыгалъ тамъ изводящей, убѣгающей огненной точкой.

И Пташкину казалось, будто идетъ онъ куда то, а какая то огненная точка все прыгаетъ передъ нимъ и поймать ее—не дается, и уйти отъ нея—не схоронишься. И не огненная точка, а живое огненное существо, кривляясь, будто говоритъ ему:

„А меня таки можно поймать, ну-ка—ну-ка—!"

Проснулся Пташкинъ, когда начинался день, и вся грязь и скорбь старой просиженной камеры даже при скудномъ свѣтѣ, проникавшемъ черезъ полузабитыя пыльныя окна, выступала во всей своей неприкрашенности, сиротливости и тоскѣ подневольнаго пріюта. А проснулся Пташкинъ просто отъ страха: приснились ему красные раки, будто ползутъ на него красные, какъ вареные, но вмѣстѣ явственно живые красные раки и загребаютъ клешнями, хотятъ съѣсть его и больше никакихъ.

Сонъ оказался въ руку: вся подушка и простыня краснѣли сплошь въ кровяныхъ пятнахъ, но это были

не раки, а раздавленные клопы, и кругомъ тюфяка цѣлая стая клоповъ, недовольно уползающая въ свои темныя и тайныя, одному Богу вѣдомыя норы и гнѣзда.

Вотъ тебѣ и дача!

„А и въ самомъ дѣлѣ дача",—подумалъ, одѣваясь Пташкинъ и начиная свой первый острожный день.

— Да, конечно, дача!—уже громко сказалъ Пташкинъ, вспомнивъ, какъ одинъ хозяинъ-дачникъ клялся жалующемуся дачнику-жильцу на эти безпокойства и увѣрялъ всѣми святыми, что дача безъ клопа, что птица безъ крыла,—ничего не стоитъ.

3.

Тамъ на волѣ ужъ такъ хорошо—все распустилось, землю пашутъ, рѣка пошла,—такъ хорошо, что лучше и не можетъ быть.

Одна бѣда, тамъ на волѣ некогда, нѣтъ времени ни пройти, ни книгу прочесть, зато тутъ, на этой дачѣ, когда книга была пропущена, читай да читай.

Пташкинъ по цѣлымъ днямъ читалъ, и незамѣтно проходило время.

— Ну, что клопы?—освѣдомлялся бородатый надзиратель, незамѣтно, какъ клопъ, вползавшій въ камеру, и книга откладывалась, начинались дачные разговоры.

— Ничего, понемногу покусываютъ, вотъ тоже блохи.

— Это оно жилище то ихнее надо задѣлать, тогда и пропадутъ они. У меня на кухнѣ завелись, я ихъ жилище то и замазалъ. Противъ шкурки ихъ, отъ той ужъ житья нѣтъ, ничѣмъ ты ее не выведешь. Вотъ прусакъ, тотъ кусаетъ больнѣе, за то рѣдко.

Надзиратель вдругъ пропадаетъ. Камера заперта.

— И идетъ насъ цѣлая партія и все на востокъ прямо до Ядовитаго океана до города Ихняго, къ которому нѣтъ приступа, а на сѣверъ Кавказскія горы ста-

нутъ,—повѣствуетъ кто-то изъ каторжанъ, избиравшихъ мѣстомъ собесѣдованія дверь Пташкина.

— А Уралъ?—перебиваетъ разсказчика неуживчивый голосъ.

— Зачѣмъ Уралъ?!—Уралъ то, вонъ гдѣ, а Кавказъ то тутъ, а здѣсь, вонъ, Ядовитый океанъ, который всю землю омываетъ.

— А Херсонъ?

— Дура! Херсонъ подъ Кіевомъ на другомъ концѣ свѣта.

— Такъ...

— И идемъ мы и сами ужъ не знаемъ, куда идемъ, лѣсъ за лѣсомъ, рѣки, моря, конца краю не видно.

Повѣсть долгая, никогда бы не кончалась, если бы за вопросами собесѣдника не слѣдовала ссора. И долго перекатывается подъ звонъ кандаловъ такая отборная ругань, что кажется вовсе и не руганью, а какой-то полевой свирѣлью, свирѣющей наперекоръ всѣмъ птичьимъ ладамъ и свистамъ, гдѣ-то въ широкихъ лугахъ у Ядовитаго океана, у города Ихняго, къ которому нѣтъ приступа.

— Кусаютъ?

— Кусаютъ,— Пташкинъ вздрагиваетъ и отвѣчаетъ затверженно одно и то же и этому другому, замѣнившему бородатаго, безбородому надзирателю.

— Сковырнуть надо это ихъ жилище... ты его лови, не лови, онъ жить будетъ, разъ его жилище цѣло. Вотъ прусакъ, этотъ рѣдко, а клопъ...

Надзиратель вдругъ пропадаетъ. Камера заперта.

Долго гремитъ молитва, какъ самая разухарская пѣсня и разухабистой подгудкой катятся послѣднія слова „крестомъ твоимъ жительство“.

— Вотъ это, скажемъ, яйцо курица снесетъ въ апрѣлѣ, а другая въ маѣ, ну такъ вотъ разныя бываютъ яйца...

— А у васъ давно несутся?

— Слава Богу, несутся.

Пташкинъ прислушивается, и ему кажется, это не часовые, подъ дверями его камеры, а что-то въ щеляхъ наръ разговариваетъ. Въ восемь велѣно ложиться спать, а онъ все ворочается, слушаетъ.

А тамъ на волѣ ужъ такъ хорошо—скоро поспѣютъ красныя ягоды, дозрѣваетъ хлѣбъ, такъ хорошо, что лучше и не можетъ быть.

„Безъ пяти минутъ пять, пожалуйте гулять!"—съ такой прибауткой выводится Пташкинъ на прогулку, а на этотъ разъ послѣдовало пріятное добавленіе:

— Пожалуйте въ баню.

Предстояло развлеченіе.

„Дача дачей, а все-таки не мѣшаетъ и въ городъ съѣздить!"—вспомнился Пташкину разговоръ двухъ пріѣзжихъ въ городъ дачниковъ, входящихъ на бульварѣ въ отдѣленіе для прохожихъ.

— Нынче въ новую,—пояснялъ бородатый надзиратель,—потому, какъ старую сломали, и онѣ находятся за стѣной.

Пройдя черезъ весь дворъ, вышли за ворота и свернули на огородъ, расположенный у острожной стѣны. Среди грядъ стоялъ шалашъ,—это и была новая баня.

— Вы сюда, подъ рогожку, нагнитесь немного, сюда, вотъ такъ, это походная, лагерная, не оступитесь, проходъ небольшой.

Но Пташкинъ, не разсчитавъ, сдѣлалъ слишкомъ большой шагъ и очутился въ ямѣ для стока воды.

Вотъ и опять развлеченіе.

И заработалъ березовый вѣникъ, какъ только, извлеченный изъ ямы, Пташкинъ покорно разлегся на лавку.

— Пригнитесь, вытяни ноги!—кричалъ, впадая въ ражъ, бородатый, и напаривая на смерть до смерти перепуганнаго Пташкина.

— „Хлѣбъ нашъ насущный дашь намъ ѣсть",—неслось по корридору, когда, выпарившись, возвращался Пташкинъ къ себѣ въ камеру, а въ глазахъ у него все еще мелькали и капустныя гряды и синее вечернее небо и пчелы, допѣвшія заходящій день.

И запертый снова, вдругъ онъ почувствовалъ, что читать онъ больше не въ состояніи, и пускай книга сама по себѣ вещь очень хорошая, но она ему противна тутъ, невыносима, что онъ больше не можетъ спать и не отоспаться ему въ этомъ проклятомъ логовищѣ въ плѣну у какого-то всемогущаго великаго клопа, отъ котораго все зависитъ и его жизнь, и жизнь всей земли, омываемой Ядовитымъ океаномъ съ неприступнымъ городомъ Ихніемъ. Все, что угодно, только ни минуты здѣсь, и пускай лучше его пристрѣлятъ, онъ уйдетъ, онъ знаетъ,—онъ броситъ все и пойдетъ...

— Эй, караулъ!—кричалъ Пташкинъ, ударяя кулаками въ дверь, и вся его жалкая фигурка колыхалась отъ поднявшейся въ немъ богатырской силы, готовой разнести не только дверь, но и побольше.

— Чего вы кричите?—словно сквозь щель вползъ бородатый и смотрѣлъ спокойно на неунимавшагося Пташкина.

— Прокурора!—кричалъ Пташкинъ, выкрикивая то, что на языкъ попадалось.

— А прокуроръ только что были и уѣхали на дачу.

— На дачу?—переспросилъ недовѣрчиво Пташкинъ.

— Извѣстно, куда-жъ больше, лѣтнее время,—всѣ господа ѣздятъ на дачу, а имъ она казенная полагается,—и, ухмыльнувшись случайному совпаденію словъ, бородатый, желая, должно быть, объяснить разницу казенныхъ дачъ, добавилъ съ разстановкой:—это вотъ на вашей, какъ вашъ братъ, все въ одномъ положеніи и лѣто и зиму, а господа только лѣтнее время. Спокойной ночи!

4.

Прошло лѣто, прошла осень—осенью, какъ и весной, тяжко за стѣнами,—началась зима, а Пташкинъ оставался все въ одномъ положеніи на своей дачѣ. И было похоже на ту отупляющую жизнь, какой жилъ онъ на волѣ, только вмѣсто работы, подъ тяжестью которой мутились всѣ его мысли, тутъ онъ разсѣдался весь отъ праздности и тоски. Каторжный день смѣнялся ночью съ убогимъ сномъ, который уходилъ съ разсвѣтомъ, передавая убогую жизнь каторжному дню.

И если все дѣло въ борьбѣ за освобожденіе отъ каторги этого дня, то какой смыслъ того свободнаго дня, который въ концѣ-концовъ гибелью цѣлыхъ поколѣній будетъ завоеванъ и долженъ придти? — такъ не разъ спрашивалось въ душѣ и, какъ тамъ, на волѣ, безпокойно требовала душа отвѣтовъ.

А одно желаніе, единственное наполняло все существо: на волю!

Она глядѣлась изъ глазъ, она таяла въ улыбкахъ, разливалась по небу, она шумѣла въ лѣсномъ шумѣ, она грозила въ морской грозѣ, она цвѣла въ цвѣткѣ, она колосилась въ травахъ, она подымалась паромъ съ земли и, кутая землю звѣзднымъ свѣтомъ, неслась съ ней отъ вѣка до вѣка—вольная воля.

— По мѣстамъ!—закричалъ дежурный.

И другой съ другого конца отвѣтилъ:

— По мѣстамъ, черти!

И вся тюрьма замерла.

Это случилось послѣ обѣда передъ Рождествомъ. Пріѣхалъ прокуроръ, привезъ праздничныя инструкціи, прошелся по острожному корридору, напугалъ тюрьму и уѣхалъ.

— Пожалуйте, одѣвайтесь, въ контору пожалуйте!

— Зачѣмъ въ контору?

— Да ужъ видно съ дачи уѣзжать пора, — бородатый игралъ ключами,—загостились долгонько.

Пташкинъ, не торопясь, собиралъ свои книги, и было какъ-то все равно, тутъ ли оставаться или тамъ, на волѣ, гулять въ каторжномъ днѣ. Неумолимый день поджидалъ его у острожныхъ воротъ, чтобы, захвативъ своими губастыми лапами, высасывать силы и мысли, а потомъ искалѣченнаго бросить въ могилу, какъ бросалъ трупъ за трупомъ и загнанныхъ и гордыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ,—всѣхъ обреченныхъ.

Опера.

Сѣрое холодяще-пыльное утро.

Дежурный городовой перелистываетъ справочную книгу,—онъ заспанный и зеленый, позѣвываетъ.

Все время трещитъ телефонъ. У телефона стоитъ околодочный и, надсаживаясь, говоритъ:

— Гдѣ дѣла о пожарныхъ... вознагражденіе медалями?.. Да, медалями... Нѣ—ѣтъ—?!

Вваливается нагруженный почтальонъ.

Сѣдой стриженный старичекъ-писецъ разсматриваетъ пакеты:

— Это—статья не нашенская,—бормочетъ онъ себѣ подъ носъ,—не нашенская...

— Ваше благородіе,—слышится голосъ съ задняго хода,—третій мѣсяцъ толкусь, явите Божескую милость.

— Ты Снегиревъ,—отвѣчаетъ околодочный на телефонный ладъ,—ты иди въ воинское присутствіе, слышишь, тамъ и подожди, подождать маленько не бѣда.

Гдѣ-то на заднемъ дворѣ играетъ шарманка.

Стучатъ и громыхаютъ ломовики.

Грязныя тучи тупо ползутъ на солнце и, золотясь, грязныя расплываются.

Скрипитъ перо.

— Подождите, скоро пріѣдутъ,—говоритъ городовой, впуская просителя въ пріемную полицеймейстера.

Ударили къ поздней обѣднѣ.

И звонъ въ постный колоколъ монотонностью выматываетъ душу.

„Должно быть, покойникъ,—подумалъ Слякинъ,—а то бы давно пора кончить“,—и перевелъ глаза отъ пробитаго матоваго стеклышка своего „дворянскаго помѣщенія“ на стѣну, оглядѣлъ ее всю и опять остановился на выскобленной надписи „Кусковъ фокусникъ“ и опять перечиталъ висѣвшій подъ надписью розовый лоскутокъ афиши, извѣщавшей о заѣзжей оперѣ.

Нервно потянулся и, не зная, за что еще приняться, зѣвнулъ по-собачьи.

Соломенный продырявленный стулъ хряснулъ и закачался.

* * *

Слякинъ припоминалъ все съ самаго начала, припоминалъ не только злополучный вчерашній вечеръ, который окончился этимъ дворянскимъ помѣщеніемъ, но и всю свою жизнь съ самаго начала и тамъ въ Петербургѣ, и въ этомъ дырявомъ городѣ, куда занесла его нелегкая. И такъ проходило безконечное время въ ожиданіи полицеймейстера, отъ котораго зависѣло: сидѣть ему тутъ на противномъ стулѣ взаперти или гулять по по противнымъ улицамъ на свободѣ.

Слякинъ былъ всякому извѣстенъ, имѣлъ репутацію хорошаго репититора и почти отъ каждой матери пользовался уваженіемъ, такъ какъ дѣти, которыхъ онъ подучивалъ, переходили въ слѣдующій классъ безъ всякихъ переэкзаменовокъ. О прошломъ его мало кто не зналъ, и всѣ относилась къ его неблагонадежности не то, чтобъ одобрительно, а съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, какъ если бы у него въ самую скверную осень единственное пальто украли. И онъ ходилъ на глазахъ у всѣхъ одинъ не то кургузый, не то вотъ такъ безъ

пальто въ промокшихъ прилипающихъ къ тѣлу штанахъ, и, даже если погода стояла ясная, казалось, все будто дождикъ его помачиваетъ.

Безобидно. Никого не укуситъ. И вотъ случись же этой проклятой оперѣ, залетѣвшей въ городъ чуть ли не съ самаго неба. Не послушать оперы, когда нѣтъ подъ бокомъ даже солдатъ-музыкантовъ, которые на трубѣ играютъ, это все равно, что водить пчелу, а меду никогда не отвѣдать. Подыскавъ себѣ компанію изъ страстныхъ любителей музыки, которыми въ такихъ городахъ хоть прудъ пруди, Слякинъ заблаговременно взялъ ложу; и сдѣланъ былъ между ними уговоръ крѣпко, чтобы во время дѣйствія вести себя, какъ подобаетъ: не подпѣвать и не разговаривать, а главное—и это пуще всего,—въ театръ не опаздывать. Когда то еще выпадетъ такой счастливый часъ—послушать оперу!

Но видно ужъ кто-то вообще этими нехорошими дѣлами занимается, иначе и объяснить нельзя всѣ тѣ случайности, отъ которыхъ не больно поздоровится. Такая нехорошая случайность произошла съ Слякинымъ, а отъ нея ужъ и все остальное и то, что сидитъ онъ, ждетъ полицеймейстера и покачивается: Слякинъ опоздалъ.

Онъ явился въ театръ когда еще не подымали занавѣсъ, но пока-то раздѣвался да пока отыскивалъ свою ложу, опера началась, и дверь оказалась запертой. Все-таки у двери стоять невозможно, онъ не виноватъ, его ученикъ задержалъ и часы у него на минуту отстали, онъ не виноватъ. Слякинъ попробовалъ постучать, но отвѣта не послѣдовало. И не будетъ отвѣта, потому что самъ же онъ и уговоръ этотъ сочинилъ.

Опера была въ разгарѣ. Боже мой, какъ пѣли, такъ нигдѣ не поютъ ни въ одномъ заграничномъ театрѣ: какой-то теноръ выводилъ такую ерунду и такъ ловко и такъ хорошо, что, кажется, нѣтъ его выше во всемъ

мірѣ и ничего не хочется—вѣчно бы слушать его или ужъ быть самому этимъ теноромъ и вѣчно пѣть ерунду.

До Слякина слетали какіе-то обрывки и дразнили его, а онъ, потерявъ всякое терпѣніе и наплевавъ на уговоръ, принялся изо всей мочи дубасить въ дверь, требуя открыть ее немедленно.

Онъ не виноватъ, онъ пришелъ во-время, онъ не виноватъ, что у него капельдинеръ пальто долго не бралъ и что онъ близорукъ и сразу ложу свою не нашелъ, онъ съ четырнадцати лѣтъ очки носитъ, онъ не слыхалъ оперы вотъ ужъ пятый годъ, какъ его сюда безъ его согласія въ этотъ городъ впихнули, онъ долго сидѣлъ въ тюрьмѣ, ему должны открыть, онъ требуетъ, онъ имѣетъ право требовать.

— Пустите меня, слышите, отворите же, наконецъ, вѣдь это подло, понимаете!—и руками и ногами и всѣмъ своимъ голосомъ требовалъ Слякинъ и такъ, что на другомъ концѣ съ другой стороны слышны были эти все настойчивѣе и упорнѣе выражавшіяся требованія.

Между тѣмъ пріѣхалъ въ театръ полицеймейстеръ, и тотчасъ, придерживая шашки и пронюхивая воздухъ, направились два пристава прямо на безпорядокъ и, найдя его, оба однимъ голосомъ и одними и тѣми же словами принялись вѣжливо увѣщевать Слякина прекратить безчинство.

Они говорили не громко, но внушительно.

Они говорили:

— Послушайте... начальникъ полиціи... не безобразничайте...

Слякинъ, ничего не слыша и зажмурившись, колотилъ въ дверь.

И вдругъ затопали, закричали,—должно быть, актъ кончился,—и что-то вдругъ съ размаху стукнуло его въ грудь, и онъ почувствовалъ, что куда-то ткнулся и летитъ, а между тѣмъ ногу его кто-то крѣпко сжимаетъ

и, кажется, онъ пересталъ ужъ летѣть, конечно!—дверь раскрыта, а его волокутъ.

— Завтра разберемъ,—стучитъ надъ нимъ теноръ,— начальникъ полиціи... безпорядокъ.

И та же рука подъ долетающіе апплодисменты поддѣваетъ его, будто рыбу крючкомъ, и, закинувъ высоко-высоко, шлепаетъ о что-то твердое, и какъ сквозь сонъ, дребезжитъ пролетка.

Слякина отправили въ часть, гдѣ онъ и провелъ ночь въ дворянскомъ помѣщеніи.

Слякинъ, покачиваясь на дырявомъ стулѣ, не можетъ подогнать время, которое такъ медленно идетъ и упирается, не хочетъ дойти до той роковой минуты, когда пріѣдетъ полицеймейстеръ.

„Да онъ, можетъ, и не пріѣдетъ? а если не пріѣдетъ?"—и Слякинъ, ухватясь за колѣни и крѣпко зажмурившись, дѣлаетъ страшное напряженіе перенестись туда, въ Петербургъ, въ тѣ дни, когда онъ ходилъ такой гордый, когда его слушали, и гдѣ онъ оперы слушалъ, такія—съ Шаляпинымъ. И у него былъ голосъ. Онъ тоже пѣлъ...

За дверью вдругъ сразу все стихло и за окномъ тоже, и въ церкви не звонятъ, и тучи не идутъ, только дребезжитъ одна единственная пролетка...

Слякинъ быстро поднялся и, вытирая о штаны вспотѣвшія руки, пробормоталъ осипшимъ голосомъ:

— Господинъ начальникъ полиціи...

А этотъ „Кусковъ фокусникъ" — счастливый фокусникъ, скользнувъ по стѣнѣ вмѣстѣ съ розовымъ лоскутомъ афиши, юркнулъ въ окошко на улицу въ соръ.

Дверь раскрыли. Слякина выпустили. Вотъ тебѣ и опера!

По волѣ.

1.

Нѣтъ, если ужъ гдѣ справлять канунъ Рождества—Святой вечеръ, то, само собой, конечно, не въ Петербургѣ.

Прежде всего, какъ ѣсть кутью садиться, отвори окно, да, бросая за окно, на волю, первую ложку, проси дѣда Корочуна кутью съ собой ѣсть. Дѣдъ Корочунъ надъ зимой первый, онъ и зиму строитъ и насыпаетъ горы, чтобы на санкахъ кататься, и инеями деревья рядить, чтобы покрасивѣй было, онъ же, какъ говорятъ старые люди, и Христа-Младенца пустилъ о Рождествѣ къ себѣ въ хлѣвъ, когда Иродъ-царь послалъ посланныхъ по всей землѣ русской младенцевъ избивать, онъ же и разныя кудесы знаетъ и такія сказки сказываетъ, отъ которыхъ и страхъ беретъ, и еще хочется, и любитъ, если кто медвѣдемъ ряженый пляшетъ, и самъ, на старости лѣтъ, такъ пройтись можетъ, что любого молодого за поясъ заткнетъ,—сѣдой ворчунъ и затѣйникъ, безъ него и кутья не въ кутью! А объ этомъ въ Петербургѣ и думать не годится, если ты хоть сколько нибудь благоразуменъ и дорога тебѣ—не опостылѣла—твоя нищенская, до отупѣнія однообразная и въ постоянныхъ заботахъ о кускѣ хлѣба, мелочная жизнь. Какъ извѣстно, по петербургскимъ правиламъ, за окно бросать ничего не полагается, и всякое выбрасыванье хотя бы и такой всѣмъ пріятной сладости, какъ варе-

ный ячмень на меду съ грецкимъ орѣхомъ, можетъ кончиться не совсѣмъ пріятно: тамъ разбирать некогда, подберутъ твою кутью до послѣднято зернышка и повезутъ ее, подъ охраной, куда полагается... А затѣмъ еще неизвѣстно, захочетъ ли самъ дѣдъ Корочунъ подъ такой большой праздникъ въ Петербургѣ находиться? Ой, что-то очень ужъ сомнительно, чтобы пріятно было старому по Невскому путешествовать или гдѣ на Островахъ сидѣть. И скорѣе всего перекочевываетъ онъ объ эту пору въ самыя дальнія степи, которыя подичѣй и шире, и ужъ тамъ, на просторѣ, разгуливаеть, ѣстъ кутью, да куетъ, коротя свои дни послѣдніе и студеные. Стало быть, какъ ни верти, а выходитъ, въ концѣ-концовъ, что если даже ты такой ужъ смѣльчакъ и не страшно тебѣ ложку кутьи за окно бросить, то всеравно даромъ, потому что Корочуну она попасть не попадетъ, а въ лучшемъ случаѣ собакѣ, которая, обнюхавъ ее, еще, чего добраго, и съѣсть не откажется. Вотъ какъ!

Раздумывалъ Скороходовъ, раздумывалъ, какъ поступить: и кутьи хочется поѣсть по настоящему, и боязно, а если и не такъ ужъ боязно, то очень досадно: что жъ въ самомъ дѣлѣ, одному, безъ Корочуна наѣдаться?

И рѣшилъ, наконецъ, Скороходовъ ужъ тряхнуть по всѣмъ—въ долги влѣзть, а уѣхать вонъ изъ Петербурга, чтобы хоть одинъ разъ-единственный въ своей стѣсненной жизни, да Святой вечеръ полюдски отпраздновать.

2.

Путь долгій и безпокойный. Остановки и пересадки,—конца краю не видно. Вагонъ холодный, тѣсный. Съ боку-на-бокъ—больно все. Скороходовъ кое-какъ примостился, чтобы отдохнуть, и заснулъ на ключахъ. Про-

снулся,—ссадина. Переложилъ ключи въ другой карманъ—заснулъ на кошелькѣ. Обомлѣлъ бокъ—легъ на спину. И опять бѣда: свѣча въ фонарѣ догораетъ,—стеаринъ потекъ и запылалъ фонарь. Гарь, копоть. Растворили двери, прогнали угаръ,—стало холодно: зубъ-на-зубъ не попадетъ. А пассажиръ ходитъ, дверей за собой не притворяетъ.

Экій, ты, пассажиръ, глупый, ну что тебѣ стоитъ—рука не отвалится!

Поѣздъ съ каждой верстой опаздываетъ и все медленнѣй движется.

Экій ты, поѣздъ, скучный, ну что тебѣ стоитъ,—паровъ что ли не хватитъ!

Вотъ пройдетъ ночь, а тамъ какъ зажжется звѣзда,—и Святой вечеръ. А не доѣхать, врядъ ли доползетъ такой медленный и скучный поѣздъ. И версты какъ-будто длиннѣе, и верстъ будто больше.

Скороходовъ перекладывался съ ключей на кошелекъ, съ кошелька на ключи, ложился и такъ и сякъ: и ничкомъ, и навзничь, а ужъ заснуть не было силъ, только дремалось.

По сосѣдству переругивались мужъ съ женой изъ мастеровыхъ.

— Осипъ головой фонарь прошибъ!—пилитъ жена за провожатыхъ, одинъ изъ которыхъ, Осипъ, напровожавшись, выскочилъ изъ вагона, когда тронулся поѣздъ, и угодилъ башкой прямо въ фонарь.

— Компанія!—ничего: прямо теперь въ участокъ...—смѣется, подлаживаясь мужъ, котораго тянетъ еще выпить, а водка у бабы спрятана и нѣтъ ходовъ уломать бабу.

Юнкеръ, примащиваясь наверху, спрыгнулъ не безъ ловкости и, толкнувъ сундукъ, въ которомъ, должно быть, эта самая бабья водка хранилась, вѣжливо извиняется.

— Пожалуйста, пожалуйста!—говоритъ мастеровой.

— Пожалуйста!—передразниваетъ баба.

— Знаемъ обращеніе, не въ первой!—оправдывается обиженный мужъ, и вдругъ начинаетъ ругаться: Вотъ вы... и чего прешь на этотъ вокзалъ? Давно бы дома были, разорва, вотъ вы... А когда теперь пріѣдемъ?—на Пасху? Вѣдь говорилъ же я, нѣтъ...

Баба видитъ, что проштрафилась, сдается:

— Винить невиннаго человѣка! Вы меня не вините, я не виновата этимъ дѣломъ.

И доносится жадное бульканье водки: наливается водка, надо думать, изъ большой посуды въ стаканчикъ а пьется она съ такимъ вкусомъ,—непьющій запьетъ.

— Водка хлѣбная, а хлѣбъ пшеничный,—здорово.

— Здорово!—ужъ шипитъ баба,—прохвостъ ты, обормотъ,—здорово!

Какой-то человѣкъ бѣлесый и такой постный, словно гдѣ-то у него, изъ какого-то спинного позвонка деревянное масло точится, совсѣмъ ужъ умасливщійся, потерявъ свое мѣсто, ходитъ по вагону и пристаетъ къ каждому безъ пропуска.

— Кто ты и куда ѣдешь?

Сначала ему отвѣчаютъ, потомъ отвертываются, потомъ посылаютъ къ чорту.

Постный человѣкъ остается одинъ, онъ садится на кончикъ лавки, ему кажется, что онъ ѣдетъ одинъ во всемъ вагонѣ, изъ хребта у него сочится деревянное масло, кто онъ?—не соображаетъ, вспомнить не можетъ.

—Кто ты и куда ѣдешь?

А какой-то безбилетный подъ лавкой, на сонъ грядущій такъ уплетаетъ, будто не пара, а цѣлая четверка скулъ у него, и кушанье его такое вкусное—объѣшься и все-таки еще запросишь.

Потомъ все затихаетъ, и затихшее несется, перебрасываясь изъ кулька въ рогожку. И поспѣть во время

нѣтъ ужъ надежды. Стучатъ колеса. И поднявшаяся метель воетъ—стучитъ въ колесахъ.

Огарокъ чуть свѣтитъ.

3.

„Нѣтъ, лучше ужъ было бы въ Петербургѣ остаться, куда ни шло!"—ерзаетъ Скороходовъ, кается и укоряетъ себя и опять оправдывается.

А скоро тамъ, среди широкой степи, въ закутанномъ бѣлымъ снѣгомъ, какъ бѣлымъ вишневымъ цвѣтомъ, старомъ домѣ, за кутью сядутъ. Скоро звѣзда зажжется. А станція, на которой онъ вылѣзетъ, такъ еще далеко,—страшно подумать. Метель не даетъ хода. Проклятыя пересадки.

„Постелятъ столъ сѣномъ, поставятъ миску съ кутьей, засвѣтятъ свѣчи, сядутъ вокругъ стола... Святой вечеръ!"—поддразниваетъ себя Скороходовъ, и тянется весь, не находитъ мѣста.

Какая-то шляпа, съ острымъ подвижнымъ лицомъ—по вагону говорятъ, что это и есть агитаторъ—читаетъ вслухъ газету. Онъ выбираетъ, что почище и позабористѣй и, снабжая прочитанное добавленіями, представляетъ въ заключеніе выводы изъ прочитаннаго и добавленнаго.

„Приходите въ трактиръ Парамонова,—отчеканиваетъ агитаторъ сообщеніе: случайно подслушанный разговоръ по телефону,—спрашивайте дворника съ рыжей бородой, по пятьдесятъ копѣекъ на человѣка, чтобы бить жидовъ и интеллигентовъ..."

Но Скороходовъ дальше не слушаетъ, кого еще бить. Да, впрочемъ, и слушать нечего: самъ дворникъ лучше газетъ знаетъ, кого и когда, потому что онъ, рыжій, все знаетъ. Отъ него все зависитъ, и судьба Скороходова и судьба всей земли русской, и судьба свѣта бѣлаго.

Вотъ онъ, можетъ быть, и самого Корочуна укокошилъ и лежитъ-себѣ гдѣ-нибудь подъ лавкой, лежитъ, какъ залегъ, ему и горя нѣтъ, спитъ. И ужъ ждать вообще нечего, ни ждать, ни надѣяться. Онъ убилъ это слово,— вычеркнулъ изъ русскаго словаря. Лежитъ растрепанный и путанный, и оттого все треплется и путается.

Скороходовъ поднялся, чтобы посмотрѣть, отчего такой шумъ по вагону, а вагонъ, будто весь рыжаго цвѣта и всѣ рыжіе. Слушаетъ Скороходовъ и ушамъ не вѣритъ:

— Да здравствуетъ рыжій дворникъ отъ Парамонова!—надсаживается вагонъ и вдругъ ухаетъ въ какую-то рыжую кашу.

Скороходовъ вздрогнулъ и проснулся.

— Ваши билеты, ваши билеты!— обходитъ контроль, тряся и пихая пассажировъ.

Вваливаются стражники. Испитые, продрогшіе въ рваныхъ полушубкахъ съ винтовками въ окоченѣвшихъ рукахъ. Они садятся неудобно, кучкой.

— „Вихри враждебные вѣютъ надъ нами!“—затягиваютъ на другомъ концѣ вагона: поетъ гимназистъ, кадетъ и какой-то солдатъ.

Одинъ изъ стражниковъ поплоше робко подходитъ къ агитатору:

— Дайте папироску по бѣдности!—проситъ стражникъ и стоитъ: въ одной рукѣ винтовка, а другая совочкомъ сложена.

— „На бой кровавый!..“—не унимаясь, поется пѣсня, подхватываемая и другими изъ публики.

Поѣздъ остановился.

Опять пересадка.

— Въ свое время поспѣемъ!—утѣшаетъ на всѣ сѣтованія и досады привыкшій къ стоянкамъ кондукторъ, выгоняя изъ вагона.

Отправляютъ поѣздъ съ запасными.

Шумъ, гамъ.

— Подавай поѣздъ!—оретъ кишащая платформа, и летитъ ругань—небу жарко, да, пожалуй, и весело: загибаются винтиля, какъ ни одинъ языкъ не загнетъ, кромѣ русскаго.

Экій ты, языкъ русскій, нѣтъ тебя богаче, выручи!

Скороходовъ, поглазѣвъ на толпу, покорно усѣлся въ новомъ вагонѣ, стараясь забыть, кто онъ и куда ѣдетъ.

Въ вагонѣ большая часть солдаты, ѣдутъ въ деревню, домой на побывку.

Какой-то курносый мужиченко съ лицомъ вдоль и поперекъ перетянутымъ, будто бичевкой, мелкими, глубокими морщинами, уплетаетъ сало въ сосѣдствѣ съ огромнымъ кавалеристомъ. Они земляки, и разговоръ у нихъ ладный.

— Ну, какъ, погромъ у насъ былъ?

— Былъ, — скороговоркой отвѣчаетъ мужиченко и лукаво подмигиваетъ.

— И что такое погромъ?—проглотивъ вкусный кусокъ, принимается кавалеристъ за другой, не менѣе вкусный.

— Погромъ... капиталистовъ били, потому какъ они имѣютъ. Но откуда они имѣютъ? Кто имъ далъ? У всѣхъ спервоначала одно было. Откуда они взяли, а?

— Усердіемъ.

— Усердіемъ!—такъ вотъ за это самое усердіе и погромъ.

— Разбоемъ-то ничего не возьмешь.

— Совершенно вѣрно,—мужиченко постучалъ о столикъ пальцемъ и, загнувъ, поднесъ его, прокопченый и замазанный, къ засаленному рту собесѣдника...

Кавалеристъ обтеръ ротъ и, помолчавъ, вдругъ разсвирѣпѣлъ.

— А такихъ вотъ субъектовъ, которые такъ гово-

рятъ, знаешь ли ты, что съ такими въ Петербургѣ дѣлаютъ.

— ?

— А вотъ такъ—въ порошокъ.

— !

— А ты самъ-то откуда?

— На мыловаренномъ служилъ. Я—сердцелистъ.

— А ты до котораго мѣста?

— До Глистницы, – плутовато отвѣчаетъ мужиченко и начинаетъ вилять,—конечно, поляки все и жиды.

— Они все отобрать хотятъ,—закуриваетъ кавалеристъ, видимо успокаиваясь.

— Да я и самъ думаю,—хихихнулъ мужиченко,—приглашали меня, а я себѣ думаю: шишъ! самъ такъ думаю.

— „Святый вечоръ...—донесло заунывнымъ гуломъ колядскій припѣвъ изъ метельной степи и, повторяя напѣвъ, покатило все дальше и дальше съ поѣздомъ въ темь, тамъ зажглась звѣзда, — „Святый вечоръ!"

— Боязно,—шепчетъ кто-то—вотъ ѣдемъ, а въ тебя бомбой...

— Упаси, Матерь Божія, Царица Небесная!—вздыхаетъ женщина.

— Ѣдемъ мы какъ-то въ разъѣздъ,—шопотомъ разсказываетъ тотъ же голосъ, какой-то оробѣлый и навсегда перехваченный простудой, либо страхомъ, либо водкой, либо, Богъ вѣсть, еще чѣмъ крѣпкимъ,—ѣдемъ мы ночью, а навстрѣчу шайка. Я какъ пальнулъ,--одинъ на землю хлопъ, а потомъ другого, а потомъ третьяго. Кричу околодочнымъ, и тѣ стрѣляютъ. На другой день командиръ спрашиваетъ: ты, Замерчукъ, стрѣлялъ?—Такъ точно, ваше высокоблагородіе.—Спасибо тебѣ, братецъ.—Радъ стараться. Д-да. А то ѣдешь другой разъ, думаешь: ужъ приведетъ ли Богъ домой вернуться...

— Морда! измучается,—домой вернуться?!—не найдетъ себѣ мѣста,—замѣчаетъ саперъ про разсказчика.

Въ другомъ углу споръ о войнѣ.

— На иконы надѣялись, хе!

— А вы на что?

— Я съ вами не разговариваю.

— Въ ротъ те колъ!—огрызается задѣтый.

И опять что-то бормочетъ, перебирая имена и печатныя и непечатныя, не то споря, не то ладя.

— А я порченая, потому и спать не могу,—говоритъ съ растяжкой, по московскому, молодая баба, уступая мѣсто старой,—а вложила въ меня эту болѣзнь моя подружка: на, говоритъ, милая, надѣнь сорочку. Какъ надѣла я, бабушка, эту сорочку, такъ и пошло...

— Что же это такое, Господи, на свѣтѣ то дѣлается!—шамкаетъ старуха, креститъ ротъ.

— И не въ ней причина, а въ немъ постыломъ, онъ ее и подослалъ ко мнѣ съ сорочкой. На, говоритъ, милая, надѣнь сорочку! А работали мы съ нимъ на одной фабрикѣ за заставой и бастовали вмѣстѣ. Вотъ за забастовку въ тюрьму сажаютъ, а за это, небось, не тронутъ...

— Руки коротки,—зѣвнулъ кто-то изъ подъ лавки.

— У насъ тоже, дѣвушка, глазомъ портятъ, а былъ одинъ старичекъ, такъ онъ волчьимъ лыкомъ—травой отъ зубного ноя лѣчилъ,—помогаетъ.

— Это не забастовка!—съ этимъ средствомъ и почище дѣло можно сдѣлать, да я-то чѣмъ виновата?—жаловалась порченая, изступленно смотря черезъ сонныя, спутанныя головы въ ночь, словно бы ища кого-то, кто заступится, придетъ и сниметъ съ нея порчу, сковавшую ее по рукамъ и ногамъ.

— „Святый вечоръ...“—опять и опять запѣло древній колядскій припѣвъ и близко, будто на самое

ухо, и далеко, кругомъ, изъ измученнаго сердца терпѣливой земли,—„Святый вечоръ!“

Скороходовъ посмотрѣлъ на часы: часы стояли. А узнать не у кого. Вышелъ на площадку, поискалъ звѣзду,—темно, снѣгъ идетъ. А звѣзда должна горѣть! Потомъ досталъ хлѣба, раскрошилъ и, закликая Корочуна, принялся за хлѣбъ, какъ за кутью:

— Корочунъ, Корочунъ, иди къ намъ кутью ѣсть!

По этапу.

1.

Хлѣбниковъ не политикъ. Въ политикѣ онъ аза въ глаза не смыслитъ. И если его фотографическая карточка попала въ альбомъ политическихъ преступниковъ и хранится въ жандармскихъ и полицейскихъ управленіяхъ по городамъ Россіи, то ничего тутъ нѣтъ страннаго и все это въ порядкѣ вещей.

Освобожденный до приговора, Хлѣбниковъ годъ прогулялъ на свободѣ. Когда же пришелъ приговоръ, по которому назначалась ему ссылка въ одну изъ сѣверныхъ губерній, его снова арестовали.

Итти по этапу манило его: тутъ онъ разберется во всемъ и скажетъ себѣ, какъ ему дальше жить. Онъ не просилъ, не подавалъ никакихъ прошеній, а какъ сказали, такъ и сдѣлалъ: собралъ кое-что изъ необходимаго и съ городовымъ отправился въ тюрьму.

Начальникъ тюрьмы распорядился оставить Хлѣбникова въ конторѣ, а не запирать въ камеру: какихъ-нибудь пять-шесть часовъ оставалось до отправки этапа. Начальникъ былъ очень внимателенъ, самъ пересмотрѣлъ узелокъ Хлѣбникова: зубную щетку позволилъ, а зубной порошокъ запретилъ,

— Теперь пошелъ такой народъ, живо подъ судъ угодишь,—сказалъ начальникъ,—одинъ фертъ въ прошлый этапъ ухитрился цѣлый транспортъ оружія провезти.

Хлѣбниковъ заглядывалъ въ окно. Передъ окномъ

ходилъ часовой и тутъ же, кудахча, ходили куры. Часовой—знакомый и, какъ коза въ сказкѣ, поздоровался глазами. Начальникъ, пошуршавъ бумагами, вышелъ.

Теперь часовой тихонько окликнулъ и, не глядя на Хлѣбникова, заговорилъ, будто рапортуя, что попутчиковъ изъ политическихъ нѣтъ—всѣхъ съ прошлымъ этапомъ прогнали, а съ уголовными идетъ князь.

— Какой князь?

— Князь,—часовой закосился, голосъ его дрогнулъ,—никому не сказывайте: настоящій.

Старшій надзиратель Илья Иванычъ спугнулъ часового.

— Пожаловали къ намъ неожиданно,—старшій подалъ руку по-бабьи деревяшкой и плюхнулся на кожаный диванъ.

Старшій въ хорошемъ расположеніи и, обыкновенно такой строгій и молчаливый, разговорился охотно. Ему повезло: бросаетъ тюрьму и переходитъ на другую службу—старшимъ городовымъ находиться въ прихожей у губернатора. Должность хорошая.

— Трудно простому человѣку въ люди пробиться: всякій норовитъ тебѣ ногу подставить. Одинъ Богъ видитъ! Да,—Илья Иванычъ ударился въ воспоминанія,—пошелъ я на ярмарку, на Успенье тутъ ярмарка бываетъ, думаю себѣ: покатаюсь на каруселяхъ, солдату и это въ развлеченіе. Вотъ хожу такъ около палатокъ и слышу, разговоръ такой идетъ подозрительный про политику. Прислушиваюсь: такъ и есть! Туда-сюда, заглянулъ въ палатку, а тамъ наши—офицеры изъ нашего полка сидятъ и промежъ собой это обсуждаютъ, нехорошо. Я въ часть: такъ и такъ, говорю, пойдемте. Тутъ мы ихъ, голубчиковъ, и накрыли. Ну, а потомъ всѣхъ—подъ разстрѣлъ. Хуже послѣдней собаки такой человѣкъ: женатые, дѣти маленькія остались—какъ дѣти то помянутъ такого отца—вѣдь по міру дѣти пошли!

Илья Иванычъ даже сплюнулъ не то отъ удовольствія, не то отъ негодованія, а изъ подъ бѣлой кругомъ подстриженной бороды такъ и блеститъ, такъ и лѣзетъ въ глаза большая золотая медаль—за усердіе.

— Подлецы народъ,—продолжалъ онъ,—только въ уваженіе къ чину разстрѣляли, а повѣсить бы такихъ! Пусть бы себѣ поболтался, хе! на повѣшаннаго то и смотрѣть неприлично: такъ человѣкъ тотъ, съ позволенія сказать, и ужъ мертвый, а какъ кобель самый разсучій все въ такомъ видѣ, неприлично.

И полагая, должно быть, что слушатель не раскусилъ позоръ висѣлицы—не ясна ему разница повѣшанія отъ разстрѣла, онъ по просту непечатнымъ крѣпкимъ словцомъ выразилъ это неприличіе у повѣшенныхъ и, разсолодѣвъ, понесъ всякую белиберду о какихъ-то правилахъ, выгодахъ и разницахъ—ни два, ни полтора. И даже запѣлъ или такъ показалось, что запѣлъ, сложенную въ казармахъ, слащавую пѣсню: „Пахнетъ казенкой, пахнетъ любовью...“ какъ когда-то пѣвалъ молодымъ тонкоголосымъ солдатомъ.

Хлѣбниковъ дремалъ. Это случалось съ нимъ въ тягостныя минуты, когда что-нибудь крѣпко насѣдало на его душу и онъ терялся, не подбирая ни слова, ни дѣйствія на отвѣтъ.

Ему снится, сидитъ онъ будто въ подвальной комнатѣ, а съ нимъ Мазуровъ провокаторъ и они, голодные, уписываютъ жареныя сосиски, густо посыпанныя краснымъ пескомъ, инда на зубахъ хруститъ. Вотъ заглянулъ онъ въ окно: тучи страсть, гроза. И они поѣхали на вокзалъ. Ѣхали—тряслись, какъ бочки. А когда у подъѣзда вынулъ онъ кошелекъ, чтобы расплатиться, извозчикъ обругалъ слѣзавшаго Мазурова: будто Мазуровъ, ѣдучи, стянулъ у него изъ-подъ сидѣнья пирогъ. А на самомъ дѣлѣ стянулъ пирогъ Хлѣбниковъ, и это взорвало Хлѣбникова: онъ выхватилъ кнутъ, нарочно

закусилъ передъ извозчичьимъ носомъ пирогъ, да какъ жиганетъ кнутомъ, только искры посыпались. Ай, ай,— что онъ дѣлаетъ? Вѣдь это же не извозчикъ, это мальчикъ офицерскій—разстрѣляннаго сынъ! Но кнутъ не соглашается, хлещетъ.

— Пожалуйте въ общую!—услышалъ Хлѣбниковъ, какъ будто изъ-за тридевяти земель дошедшій до него знакомый суровый голосъ и открылъ глаза; Илья Иванычъ трясъ его за плечи безъ милосердія, часъ отправки этапа наступилъ.

По корридорамъ зажигаютъ лампы и входитъ въ тюрьму уютъ жилья, сглаживая суровость стѣнъ и рѣшетокъ. Что-то семейное, простое и тихое выступаетъ изъ-за крѣпко запертыхъ дверей, и не вѣрится, что за желѣзными дверями скованные оканчиваютъ убійцы свой постылый день.

Въ общей, куда въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ отправился Хлѣбниковъ, ужъ считали и провѣряли пересыльныхъ: каждый арестантъ подходилъ къ начальнику, конвойный стаскивалъ шапку съ арестанта, переспрашивая какъ звать и по фамиліи,

Въ толчеѣ Хлѣбниковъ сразу узналъ того самаго князя, про котораго таинственно сообщилъ ему часовой: князь стоитъ поодаль одинъ и особенный, въ длинномъ черномъ сюртукѣ и высокихъ воротничкахъ, онъ необыкновенно красивъ и фигурой, и лицомъ, лѣтъ двадцать можно ему дать, не больше. Около него кричатъ, но онъ не обращаетъ никакого вниманія, и только когда конвойный взялъ его за руку, чтобы надѣть на него наручники, онъ вскинулъ на него глаза—тревога передалась и ему.

Споръ о порціонномъ хлѣбѣ и дорожныхъ деньгахъ, начавшійся послѣ повѣрки, переходилъ въ ожесточенную схватку, грызню и ругань. Крикъ команды оборвалъ

споръ. Арестантовъ выстроили попарно и, какъ солдатъ въ баню, погнали изъ тюрьмы на вокзалъ.

Впереди идутъ тѣ, кто въ кандалахъ, бритые каторжане и звенятъ цѣпями, за ними просто уголовные въ наручникахъ, потомъ пересыльные—рвань всякая. Хлѣбниковъ попалъ въ самый конецъ, шелъ въ хвостѣ съ дѣтьми и бабами.

Медленно подвигается шествіе нестрашное—любой пожарный въ каскѣ куда пострашнѣй—и всѣ кажутся какими-то жалкими и ничтожными—несчастными, и въ голову не приходитъ, что среди этихъ смирныхъ и покорныхъ идутъ такіе, у кого руки въ крови, грѣхъ на душѣ, тѣ, кто рѣзалъ, душилъ, насиловалъ.

— Какъ тебя звать?—спросилъ Хлѣбниковъ свою пару—дѣвочку-подростка.

— Вольга,—отвѣтила дѣвочка и слезинка, какъ звѣзда въ вечерѣ, покорно переходящемъ въ ночь, мелькнула въ ея вспугнутыхъ затихавшихъ глазахъ.

2.

Іюльское красное утро.

Хлѣбниковъ стоялъ у открытаго рѣшетчатаго окна и глядѣлъ въ вольное поле. Было вѣтрено и хлѣбъ по полямъ подъ вѣтромъ падалъ, словно кланялся. Кому онъ кланялся? Не ему же, собравшемуся, какъ ежъ въ свой игольный панцырь, и не этому биткомъ набитому арестантскому вагону, зашевелившемуся послѣ скрипучей, душной до тошноты ночи?

Вольга съ взъерошенными волосами—она только что умылась—любопытная, цѣпляясь за рѣшетку, засматриваетъ въ поле.

— А ты докторъ?—спрашиваетъ она Хлѣбникова.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Хлѣбниковъ.

— А я думала, докторъ: въ тюрьмѣ ты все съ книж-

кой ходилъ, мама и говоритъ, что докторъ съ нами поѣдетъ.

— Я настройщикъ, музыку настраиваю.

— Настройщикъ? — переспрашиваетъ удивленная Вольга и такъ вдругъ хохочетъ, словно бы чуднѣе имени отродясь не слыхивала и становится разговорчивая не по вчерашнему, болтая и про то и про се, что ни попадетъ на глаза и ни долетитъ до ея, какъ у звѣрка, остраго и чуткаго розоваго уха.

Она идетъ въ каторгу съ матерью. Мать осудили за убійство: родного брата убила.

— Мама, какъ вѣнчалась,—разсказываетъ Вольга,— дядя не хотѣлъ и, какъ сѣли всѣ за столъ, мама вдругъ почернѣла вся и обмерла. Стали искать, нашли подъ вѣникомъ три огарка и всѣ съ концовъ зажжены были. Дядя пустилъ огарки на воду, мама и ожила. Мама мнѣ сама разсказывала, какъ ее испортить хотѣлъ дядя. А потомъ лошадь у насъ была хорошая и вдругъ слезами плачетъ—захворала, чѣмъ-чѣмъ ни лѣчили, не помогло,— пала. И корова и теленокъ и всѣ свиньи подохли. Стали искать, и на столбѣ въ конюшнѣ обвязаны женскимъ волосомъ лежатъ въ тряпочкѣ лапки по локотокъ—три крысьи и три бѣлочьи. А дядя то все пристаетъ. Мама́ и согласилась, пошла съ нимъ за амбаръ да тамъ и задавила его. Такъ ему и надо.

— Такъ ему и надо,—повторяются Вольгины слова да гдѣ-то тамъ, подъ вагономъ. Но кому бы тамъ быть? Да это вѣтеръ.

— На-строй-щикъ!—смѣется Вольга,—а ты... кого ты убилъ?

Хлѣбниковъ тоже смѣется. Какъ странно: ему и въ мысли никогда не приходило убивать. И почему его спрашиваютъ? Да это вѣтеръ.

Поля такъ и волнуетъ,—падаетъ хлѣбъ, словно кланяется. А Вольги ужъ нѣтъ: крикнула что-то по-птичьи

и скрылась. Подъ лавкой?—нѣтъ. Да не въ окно же улетѣла?—нѣтъ

— Вольга! Вольга!

Хлѣбникову захотѣлось написать письмо. У него нашлась открытка и огрызокъ карандаша. Прилаживаясь, Хлѣбниковъ сталъ писать—выходили каракули и блошьи ноги. Но это неважно, только бы написалось. Тамъ на волѣ оставался одинъ его товарищъ, съ которымъ онъ хотѣлъ теперь подѣлиться—сказать, какъ жалко ему той жизни, которая идетъ на волѣ попрежнему, какъ вчера и третьяго дня, и все-таки завидная, дорогая, дороже всего.

Передавъ письмо конвойному, Хлѣбниковъ задержался: конвойный по складамъ принялся за чтеніе. Выходитъ очень смѣшно. Конвойный подсмѣивается. И другіе солдаты подхохатываютъ: очень смѣшно.

И вдругъ Хлѣбниковъ почувствовалъ, что его оскорбляютъ—такъ онъ чувствовалъ себя, когда при арестѣ приставъ схватилъ его за руку. Тогда Хлѣбниковъ ударилъ пристава, а теперь—онъ искрошилъ бы этого солдата. Но онъ молча отходитъ, блѣдный, губы трясутся, а сердце, словно кто-то въ кулакѣ сжимаетъ. Онъ ужъ снова у окна,—едва протолкался. Окно облѣпили арестанты: всѣмъ хочется посмотрѣть на городъ, къ которому подходилъ поѣздъ. Вольга тоже карабкается. Какой то рваный, безносый бродяга держитъ ее подъ мышки,—дѣвочка визжитъ.

— Арестанты, эй, арестанты!—подбрасывая шапки, кричали на откосѣ пузатые ребятишки, какъ въ царскіе дни кричатъ у плошекъ ура.

Поѣздъ остановился.

Въ вагонѣ подымается давка. Достать кипятку и какъ можно больше,—вотъ что занимаетъ всякаго. Дверь охраняютъ часовые,—шашки на-голо. Гремятъ посудой, галдятъ, столько рукъ лѣзетъ за кипяткомъ,

шпарятся. Дѣло дошло до драки. Унимаютъ и уламываютъ и такъ и сякъ: кулакомъ и шашкой.

— Ты мнѣ голову проломишь, морда,—одна голова то!—обороняется какой-то.

Старушенка-пересыльная тычется съ чашкой—воды капля, все расплескалось.

— Какъ котъ наплакалъ,—жалуется старуха, она вся засиверѣла, клюквенная.

— Всѣмъ хватитъ,—утѣшаетъ часовой, передавая чайникъ,—обопьешься, паскуда.

— Въ горлѣ пересмякло,—хнычетъ старуха, расплескивая послѣднюю каплю.

Поѣздъ тронулся. Поѣхали. Вагонъ размѣщается. Словно за самоваромъ, такъ мирно и тихо. Въ чемъ-въ чемъ, а въ чаю да въ хлѣбѣ вагонъ друженъ. Не задираютъ, не ругаются.

Странникъ въ рыжей скуфейкѣ, самъ тощій съ козьей бородкой и въ синихъ большущихъ очкахъ, примостился въ бабьемъ углу. Заводится душеспасительная бесѣда,—странникъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Всѣ святыя мѣста обошелъ, странствуя: былъ и на святомъ островѣ Соловцѣ, въ Іерусалимѣ и на Аѳонѣ. На Аѳонѣ о. Михаилъ питался осьминогами.

— Въ родѣ копченой колбасы— одинъ ѳиміамъ эти осьминоги,—о. Михаилъ сухо покашливаетъ,—а былъ я и въ Царьградѣ, а живетъ тамъ русь, литва, ляхи, грецы, жиды; русь одесную, прочіе же народы ошую.

— А турки, батюшка?

— Турки въ изобиліи по той мѣстности не водятся, попадется какой, такъ больше изъ негодящихъ: сарацынъ. И безчисленное множество въ землѣ той всѣхъ благъ и благорастворенiй видимыхъ и невидимыхъ: всякое деревцо цвѣтъ свой выпускаетъ, и ель и сосна розаномъ цвѣтетъ, на дубѣ же маврійскомъ тюльпаны. А Москва-рѣка тамъ шире Волги...

Бабы охаютъ. Вотъ бы туда попасть, хоть на денекъ одинъ!

Отъ святыхъ мѣстъ переходитъ о. Михаилъ къ житіямъ.

А на другомъ концѣ другой разговоръ. Чай располагаетъ, такой ужъ напитокъ словесный.

— Эмаліоль! Что такое э-ма-лі-оль?

— Да ты разскажи толкомъ.

— Эмаліоль, — вступается конвойный,—это непріятель, какъ японецъ, въ желтыхъ моряхъ живетъ.

— Нѣтъ,—взъерошенный арестантъ перестаетъ улыбаться, онъ готовъ сызнова разсказывать: авось найдется такой, кто бы сказалъ ему, къ добру его сонъ или къ худу,—эмаліоль, да, вотъ снится, будто почесалось мнѣ въ боку, сталъ я чесать и вырвалъ бородавку. Смотрю, а на бородавкѣ насѣкомое—въ родѣ собачьей блохи—бѣлое, шея длинная, туловище кольцами свернуто, съ ногами, а на головѣ семь зубовъ,—ѣстъ бородавку. А я и говорю: „бородавка мертвая". Тутъ эта самая блоха подняла голову и сказала: „теперь я умру",—и стала вянуть. И говоритъ мнѣ чей-то голосъ: „имя насѣкомому—Эмаліоль". Тутъ я и проснулся.

Слушатели прихлебываютъ, дуютъ. Никто ничего сказать не можетъ.

— Надо спросить князя, князь все знаетъ,—такъ отыскивается выходъ.

— Князю виднѣе,—подхватываютъ голоса.

Князь только что проснулся и тоже пьетъ чай. Вонъ какъ обступили его,—всякій съ своимъ. Жалуются, просятъ защиты.

Древняя старушенка повеселѣвшая — на ея долю пришлось цѣлыхъ три чашки да съ верхомъ—пристаетъ жалостно:

— Заступись, кормилецъ, ваше сіятельство... спаси,

родной,—кровь нашу крестьянскую пьютъ—Шарыгинъ староста отъ Покрова по міру пустилъ...

Хлѣбниковъ едва протолкался къ князю.

— Что я для нихъ сдѣлаю, я такой же, какъ всѣ!— князь подвинулся, чтобы дать мѣсто.

Но и Хлѣбникову и всѣмъ почему-то ясно, всѣ чувствуютъ, что князь не такой, какъ всѣ, и если захочетъ,—сдѣлаетъ.

— На вечерѣ былъ въ гостяхъ, тамъ меня и арестовали, не дали переодѣться,—князь запахнулъ сюртукъ и улыбнулся.

И вотъ въ этой то улыбкѣ и сказался секретъ: почему такъ тянетъ къ нему и всѣ ждутъ отъ него какого-то чуда. А кто онъ, за что арестованъ? — спрашивать не рѣшаются и ходятъ по вагону самыя невѣроятныя исторіи и задаются вопросы какіе-то вокругъ да около.

Между тѣмъ, въ бабьемъ углу бесѣда все болѣе и болѣе оживляется. Рѣчь о. Михаила проникновенна.

— Вставъ Макарій зѣло рано,—разносится по вагону его умиленный голосъ,—и иде сквозѣ пустыню и срѣте на пути бѣса, на камнѣ сѣдяща... аки цѣпомъ нѣкіимъ пшеницу молотящи. Искушеше, бѣсъ, преподобнаго, вопроси его: имаше ли сицевый? И изъемъ преподобный... бѣ бо велій зѣло, яко же досязати ему до пятъ. И возвратиться бѣсъ въ мѣсто свое посрамленный, въ себѣ дивяся бывшему.

— Такъ ему и надо!— слышится голосъ Вольги.

— И сокрушени бяху врата адовы.

— Эмаліоль! Что такое э-ма-лі-оль?—взъерошенный арестантъ улыбается.

— Э-ма-лі-оль,—повторяютъ за нимъ арестанты, притискиваясь къ князю.

— Ничего не понимаю,—говоритъ князь,—такого слова нѣтъ.

— А вотъ если приснится тебѣ: увидишь ты ноги у змѣи, это къ смерти,—шамкаетъ старушенка.

— А я видѣлъ,—улыбается князь.

— Ваше сіятельство, одолжите папироску?—какой то ледящій, ощериваясь, семенитъ, какъ половой около кутящаго столика. Князь шаритъ по карманамъ, но портсигара не находится: украли.

— Жуликъ народъ пошелъ,—замѣчаетъ старикъ съ позеленѣвшей бородой,—противъ американскаго замка силу взялъ.

— Безъ табаку скверно,—ледящій хихикаетъ.

— Былъ у насъ начальникъ—звѣрь, неладно кончилъ: окунули его съ головой въ парашку,—старикъ подсаживается къ князю,—ты хоть руки на себя накладывай: табакъ воспрещалъ. Безъ табаку, некуримши,—извѣстно! Что дѣлать? И пристрастился я вѣникъ курить,—такой вѣникъ былъ, всякій день парашку имъ чистили,—и ничего, попривыкъ, папироски не надо. Съ годъ этимъ вѣникомъ пользовался.

На волѣ полденъ. Моритъ. Кто дремлетъ, кто слоняется. Лѣнь рта раскрыть.

Странникъ что-то напуталъ у бабъ, бабы его отъ себя прогнали и обиженный онъ отходитъ къ окну.

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа,— бормочетъ странникъ, а на лицѣ его такая скорбь, вотъ замѣтятъ бабы, не выдержатъ и упадутъ на колѣни и будутъ просить у батюшки прощенія.

Нѣтъ, и бабы умаялись, не смотрятъ. Все надоѣло. Нѣтъ ни до чего дѣла. Князя оставили въ покоѣ. Князь ходитъ по вагону. Въ этотъ часъ и князю можно.

— А ты ложись, егоза, я тебѣ сказку скажу,—безносый бродяга клещемъ прилипъ къ Вольгѣ.

Вольга капризничаетъ:

— Ты не умѣешь.

— Испытай!

— Ну, разсказывай.

Безносый шипитъ. Но дѣвочкѣ скучно. Сказка нескладная.

— Ты не умѣешь, я слушать не буду.

— Про слѣпую невѣсту, хочешь?

— Ну, про слѣпую невѣсту.

Безносый шипитъ:

— „Жила мать и дочь, дочь была слѣпая. Тычется туда-сюда, ничего рукой поймать не можетъ. Кротъ тоже слѣпъ да въ землѣ ему, что днемъ. Кротова доля куда завиднѣй! Что подѣлать—не обернешься. Пріѣхалъ женихъ ее сватать, а ужъ сосѣди тутъ-какъ-тутъ—шепчутъ ему въ уши: „эй, молъ, слѣпая она, глазомъ глядитъ, а ничего не видитъ". Пріѣхалъ женихъ, сидятъ за столомъ, угощаются, невѣста и говоритъ: „матушка, матушка, подбери иглу подъ порогомъ!" А иглу то раньше мать положила подъ порогъ, такъ ужъ было у нихъ сговорено для отвода. „Вотъ, думаетъ женихъ, сказали, что слѣпая, а она подъ порогомъ иглу увидала!" Какъ то вышли всѣ изъ избы, а женихъ, желая провѣрить, точно ли такъ хорошо невѣста видитъ, снялъ съ себя все это да говоритъ: „Ну, давай-ка, милая, поцѣлуемся!" Невѣста потянулась, чмокъ. — Тутъ-то ужъ женихъ — не надуешь! — скорѣй прощаться. А она къ матери: „Матушка, матушка, какъ всѣ изъ избы то вышли, я съ женихомъ цѣловалась, ой какъ цѣловалась, только носъ у него длинный, да горячій, а губы толстыя, а душа"...

— Еще про невѣсту!—требуетъ Вольга.

А безносый—мастеръ, самъ знаетъ. Его учить нечего, онъ еще и не то сладитъ,—дай ему волю.

Вотъ вечерѣетъ. Переволновалъ вѣтеръ поле, улегся. Стало прохладнѣй. Какъ хорошо на волѣ! Лѣниво склонился вечеръ, зрѣетъ нива. Такіе вечера не забываешь. Какъ хорошо на волѣ!

Вагонъ освѣтили. И опять по старому. Затѣвается споръ,—гдѣ жить лучше — въ Россеѣ или въ Сибири? И оказывается—нигдѣ, только тамъ, гдѣ насъ нѣтъ.

— У англичанъ лучше,—говоритъ кто-то, когда споръ затихаетъ.

А теперь на боковую. Спать пора!

Укладываются. Долго укладываются. Перебираютъ все тряпье. Ссорятся изъ-за мѣста. Упрекаютъ другъ друга. Вспоминаютъ обиды. Духота смертельная.

Къ Хлѣбникову, занимавшему съ княземъ одну лавочку, присосѣдился бѣглый. Бѣглый по привычкѣ насторожѣ и спать будто не спитъ—убѣжалъ онъ съ Сахалина, а гонятъ его по чужому имени куда-то подъ Тулу. Бѣглый заводитъ длинный разсказъ о своихъ похожденіяхъ, и какихъ разбойниковъ онъ видѣлъ, какъ Чехова на Сахалинѣ видѣлъ и вообще о всякихъ порядкахъ. Разсказчикъ, что охотникъ — привираетъ, но ужъ безъ этого и разсказа нѣтъ.

— Какъ ѣхали на Сахалинъ, по Индѣйскому океану насъ везли, жарища, — разсказываетъ бѣглый, —голыми везли. Ѣдемъ, по индѣйскому разговариваемъ, а въ головѣ все объ одномъ крутитъ: какъ бы бѣжать. Всѣ объ одномъ только и думали. И куда бѣжать, неизвѣстно: Китай одинъ да море. А подъѣхали къ Сахалину, холодно стало; пару поддали, не помогаетъ: зябко. Ну, устроился, работа легкая одно только названіе, у хозяина тяжельше. Три года такъ прожилъ, всего насмотрѣлся, полевой судъ видѣлъ. Сидитъ этотъ человѣкъ приговоренный, только что лицо видно да шею, знаетъ этотъ человѣкъ, что смерть ему предстоитъ. И всѣмъ плакать хочется, глядя на него. Сердце дрожитъ. Выйдетъ защитникъ, начнетъ просить, да это только такъ... эмаліоль!

Вагонъ засыпаетъ. Храпятъ, стонутъ, скрипятъ зу-

бами. И снится всѣмъ одинъ и тотъ же сонъ безнадежный—насѣкомое Эмаліоль ѣстъ вагонъ.

— Такъ ему и надо,—бредитъ Вольга, и она неугомонная угомонилась, свернувшись калачикомъ, спитъ на колѣняхъ у бродяги,—безносый бродяга ей какъ старая нянька.

Часовой пріоткрылъ дверь. Дышать нечѣмъ. Пусть воздухомъ съ воли прохладитъ! А изъ вагона отъ каторжанъ, а можетъ быть, съ вольнаго поля, не разберешь въ этой ночи, долетаетъ удалая пѣсня:

Поклонился онъ народу
Помолился на соборъ,
А палачъ въ рубахѣ красной
Высоко занесъ топоръ.
Покатилася головка,
Покатилась голова.

— Такъ ему и надо.

— Эмаліоль.

И барахтаются распластанныя тѣла, не одолѣть имъ неволи. Безъ конца тянется ночь.

Еще ни свѣтъ, ни заря арестантовъ подняли на ноги. Перекликали, пересчитывали. Къ ранней обѣднѣ зазвонили, поѣздъ пришелъ. Въ этомъ городѣ дадутъ передышку—недѣлю-двѣ въ тюрьмѣ отсиди—и дальше въ путь.

Долго высаживаютъ арестантовъ, собираютъ рухлядь на подводы, возятся съ наручниками. Потомъ выстроили и погнали съ вокзала въ тюрьму.

На одной изъ людныхъ улицъ съ арестантами встрѣтилась похоронная процессія. Небогатыя похороны. Голова покойника болталась во всѣ стороны и на каждой выбоинѣ ударялась то въ одинъ, то въ другой край ничѣмъ необитаго съ огромными щелями гроба. Одинъ изъ кандальниковъ, такой тихій и незамѣтный, вдругъ вырвался изъ строя и, рванувъ цѣпи, вскрикнулъ изступленно:

— Воскреснетъ! Въ третій день по писанію! — и въ страшныхъ корчахъ упалъ на мостовую.

Поднялась сумятица, крики, истерика. Чуть не опрокинули гроба. Пользуясь суматохой, кто-то изъ арестантовъ далъ тягу. Свистки, гамъ, погоня. Все перепуталось.

Нескоро улеглось. Мѣшкали—не торопились, торопиться некуда: покойника успѣютъ зарыть—земля приметъ, а въ тюрьму въ любой часъ впустятъ—дверь туда настежь.

Сумасшедшаго арестанта скрутили веревкой и на подводу. Сѣрая стѣна бритыхъ головъ, позвякивая цѣпями, тронулась въ путь. Трудно было идти. Припекало. И хоть бы дождикъ пошелъ! Ни облачка.

— Эмаліоль!—сказалъ князь Хлѣбникову, показывая на свои загрязнившіеся воротнички и на пыльныя пятна, всплывшія на сюртукѣ.

А до тюрьмы не ближній конецъ.

3.

Князя помѣстили съ Хлѣбниковымъ въ одной камерѣ. Суетливо и людно. Только вечерами свободно. И какъ ни отгоняютъ часовые, ихъ камера полна народа. Всѣ къ князю: кто за совѣтомъ, кто съ жалобой, кто просто такъ—душу отвести.

Вотъ въ сумерки прокрался какой-то сектантъ. Второй ужъ годъ сидитъ и пойдетъ въ Сибирь.

— За истину иду,—говоритъ,—всѣ мои братья осуждены, жду, когда и меня отправятъ,—а глаза такъ и горятъ: такому нестрашно, рѣзать будутъ—не пикнетъ, все вынесетъ, все вытерпитъ, странный этотъ сектантъ.

А вотъ чумазый съ огромными черными маслянистыми глазами арестантъ, прислуживающій въ камерахъ,

онъ не разъ ужъ заглядывалъ въ дверное окно, а теперь принесъ лампу и не уходитъ.

— Всемилостивѣйшіе господа,—говоритъ нараспѣвъ чумазый и при этомъ не безъ кокетства присѣдаетъ,— изъ духовнаго званія мы изъ Санктъ-Петербурга, имѣлъ священническій санъ. Арестовали меня въ Одессѣ, всемилостивѣйшіе господа, на заграничномъ пароходѣ и съ жандармами привезли сюда. Пять лѣтъ въ такомъ положеніи нахожусь. Лишенъ былъ священническаго сана, всемилостивѣйшіе господа. Священно-діакономъ я былъ въ Ярославскомъ монастырѣ и съ высокопоставленными лицами въ сношеніи находился, какъ съ вами бесѣдовалъ. И какъ почетный гражданинъ усердіемъ ихъ оставленъ здѣсь, а не изгнанъ въ роты. А папа мой протоіерей. Романы читалъ я и проповѣдывалъ...

Но чумазому не везетъ: надзиратели его не любятъ,— и въ этотъ его и въ слѣдующіе приходы выгоняютъ изъ камеры. Присѣдая, проповѣдникъ повинуется.

— Шпіонъ,—какъ-то сказалъ надзиратель,— гоните его въ три шеи, живо что стянетъ, шпіонъ.

А вотъ кузнецъ Тимоѳей—высокій здоровенный арестантъ; морщина, разрѣзающая его лобъ, дѣлаетъ лицо его такимъ грознымъ, что всѣ его побаиваются и арестанты и надзиратели. Онъ серьезный, все думаетъ, слова не проронитъ.

Вечеромъ подъ Ильинъ день должно быть трудно пришлось кузнецу и его прорвало.

— Господи,—вздохнулъ Тимоѳей,—полтора года еще, —и началъ свою повѣсть.

Онъ—кузнецъ, имѣлъ подъ Тулой хорошее заведеніе, держалъ работниковъ. Сынъ его Николай сошелся съ одной дѣвушкой и родился у нихъ ребенокъ. Узналъ объ этомъ какой-то князь и взялъ ее въ кормилицы. А потомъ вызываетъ Тимоѳея къ себѣ.

— Прихожу. Выходитъ князь съ княгиней и угова-

риваютъ меня женить сына на этой дѣвкѣ. Я отказываюсь. Пуще прежняго уговариваютъ, кузницу обѣщаютъ въ приданое дать, землю тоже. „Да у меня, говорю, одинъ вѣдь онъ, нешто можно, чтобы онъ ушелъ отъ меня, а такую дѣвку гулящую не возьму въ домъ и полагаю такъ, что никто изъ порядочныхъ людей не взялъ бы такую". Княгиня такъ и заерзала: князь то ее взялъ у одного мужика, такая была она до замужества какъ гулящая, и съ работниками связывалась и буквально все дѣлала, – вотъ она на свой счетъ и приняла мои слова. Съ тѣхъ поръ все и началось. Прихожу я какъ-то домой, жена брагу ставила. „Сходи, говоритъ, за мукой". Вышелъ я, подхожу къ колодцу, общій былъ колодецъ—всѣ оттуда воду брали, и вижу, стоитъ мужикъ изъ деревни. „Что это у тебя, говоритъ, кузница то отперта?" Бросилъ я ковшъ, побѣжалъ, смотрю, такъ и есть: дверь отперта. Сначала то подумалъ на Николая: пошелъ за гармоньей и забылъ запереть, а потомъ вижу, замокъ сломанъ. Ну, думаю, гости были. Вернулся домой, сказалъ женѣ и рѣшили къ старостѣ сходить, чтобы обыскъ произвести. А сынъ-то мой, надо вамъ сказать, опять спутался съ одной дѣвкой и та тоже родила. И узналъ про это князь, вызвали меня въ судъ и заставили этой дѣвкѣ по три рубля въ мѣсяцъ платить. И думаю я тогда: никто, какъ братъ этой дѣвки Иванъ сломалъ у меня замокъ. Обшарили Ивана—ничего нѣтъ, и ужъ хотѣли покончить, да урядникъ полѣзъ на чердакъ и вытаскиваетъ оттуда кое-какіе инструменты. Началось слѣдствіе. И вотъ какъ-то вечеромъ приходитъ этотъ Иванъ и прощеніе проситъ. Я ничего, поругалъ его да и говорю: „сумѣлъ своровать, сумѣй и подкинуть". А сидѣлъ у меня въ кузницѣ мужикъ одинъ, слышалъ разговоръ и за день до суда приходитъ опять и проситъ свезти его къ члену, какъ свидѣтеля. Ѣздилъ съ нимъ, засвидѣтельствовали. А какъ стали судить,

мужикъ-то и говоритъ, будто я его подкупилъ. Ивана-то оправдали, а меня-то вотъ въ тюрьму. Послѣ ужъ приходилъ этотъ мужикъ, каялся мнѣ, говоритъ, сдѣлалъ по договору: пять рублей дали да колбасу, вотъ и оклеветалъ. Господи, когда-то выйду отсюда!

И много еще разнаго народа поразсказало много разныхъ повѣстей и исторій, и изъ всего разсказаннаго одно выступало ясно, что никто виновнымъ себя не считалъ, а винилъ другого какого-нибудь Ивана, а этотъ Иванъ какого-нибудь Якова, а этотъ Яковъ какого-нибудь Петра и такъ одинъ на одного, пока не замыкался кругъ: никто не виноватъ и каждый виноватъ передъ другимъ.

Всѣ терпѣли жизнь, какъ какое-то наказаніе, но зачѣмъ надо было терпѣть ее и за что наказаны,—отвѣта не было, кромѣ одного: такова судьба—воля Божья, непостижимая уму человѣка. И, терпя жизнь, всякій тутъ вѣрилъ, что есть одно средство облегчить участь—передѣлать жизнь, и такимъ средствомъ представлялась воля, а тамъ ужъ за волей какъ-то само собой должны были явиться всѣ блага и счастье. Да вправду-ли воля поправитъ жизнь? Но такого вопроса не было.

Вечерами Хлѣбниковъ велъ разсужденія съ княземъ. Князь какъ-то безучастно слушалъ его, точно все у него рѣшено было и никакихъ загадокъ, а если что и было, то объ этомъ думать не стоило. Такъ выходило изъ его отвѣтовъ.

Хлѣбниковъ разсказалъ князю свою исторію. Исторія его была несложная. Съ тѣхъ поръ, какъ началъ онъ сознательно относиться къ жизни, къ тому укладу жизни, какой ведется изо-дня въ день, его мучило что-то неладное въ этомъ укладѣ: какая-то неправда и неправильность жизни. Пробовалъ отгонять отъ себя эти мысли, иногда это удавалось, но потомъ снова безпокойнѣй и и мучительнѣй напоминалъ ему голосъ, что нельзя такъ

жить, нельзя жить, поддерживая то, что неправда и неправильно. Надо поправить, измѣнить жизнь. Но какъ это сдѣлать? Тутъ то и подсунулись простыя средства. И онъ все бросилъ: дѣла не оберешься—и такъ побѣжала жизнь, во всю закипѣла—и думать некогда. Лучшаго времени не припомнитъ. Ну, конечно,—за дѣломъ-то не разберешься—попались друзья, выдали. И готово дѣло.

— Ну, а теперь вы также думаете?—спросилъ князь.

— Я думаю, далеко не все такъ просто, какъ тогда казалось.

— Какъ же вы жить будете?

— Вотъ въ этомъ все и дѣло. Ужъ очень все разное.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ же ему жить? Одни могутъ такъ, не спрашивая, а другимъ давай отвѣтъ. И есть же люди, которые отвѣтили себѣ и живутъ. Гдѣ они отыскали отвѣтъ?

— Вещи вы любите?

— Люблю. А вы знаете, князь, какъ жить?

Но князь только улыбнулся: будто и зналъ, будто и не зналъ.

Хлѣбниковъ нѣсколько разъ подходилъ къ этому вопросу, но всякій разъ вмѣсто отвѣта встрѣчалъ улыбку, и свѣтилась въ ней не то чистота младенца, не то проклятое бремя.

— А вы, князь, за что попали?

Князь улыбался.

4.

Изъ тюрьмы въ тюрьму, отъ этапа до этапа,—вотъ жизнь! Грязные и оборванные еле ноги передвигали несчастные, попавшіе въ адъ грѣшники. Случалось, мерли: и какъ спокойны были лица покойниковъ—являлась имъ смерть избавительницей доброй, и совсѣмъ

не страшнымъ съ косой скелетомъ, какимъ приходитъ она въ разгаръ жизни туда, гдѣ веселье и смѣхъ и жить хочется. Одинъ оставался знакъ—память о минувшемъ огнѣ неугасимомъ: тамъ, гдѣ скованы были руки отъ наручниковъ, перетягивая кисти рукъ, словно браслеты, лежали лиловые геенскіе подтеки.

Изъ тѣхъ, кто вышелъ съ Хлѣбниковымъ, оставалось немного. Затерялась гдѣ-то Вольга и безносый, и пропалъ куда-то старикъ съ позеленѣвшей бородой—курильщикъ, и Эмаліоль, и странникъ о. Михаилъ многострадальный. А въ Москвѣ строго: сейчасъ разсортировали—князя пустили къ уголовнымъ, Хлѣбникова засадили въ башню.

Не успѣлъ Хлѣбниковъ осмотрѣться, какъ къ нему впустили еще не стараго щеголеватаго господина, котораго почему-то въ конторѣ, гдѣ пришлось ждать Хлѣбникову, одинъ изъ надзирателей называлъ жуликомъ изъ Самарканда. Этотъ жуликъ изъ Самарканда оказался теперь важнымъ чиновникомъ одного министерства, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Васильевичемъ Петровымъ изъ Петербурга. Обвинялся онъ за выдачу секретнаго документа. На самомъ же дѣлѣ, какъ выяснилось, онъ и не думалъ выдавать, а просто кто-то изъ пріятелей любопытства ради взялъ у него эту бумагу и списалъ, а послѣ появилась она, гдѣ не слѣдуетъ. Такъ ни за что, ни про что попалъ этотъ весельчакъ въ списки политическихъ.

Жизнь съ Петровымъ легкая. Разговоръ чудной. Препровожденіе времени.

Петровъ читаетъ Библію, но чтеніе не идетъ, и, отрываясь отъ книги, онъ безъ умолку разсказываетъ анекдоты, анекдоты переходятъ въ воспоминанія, потомъ начинаетъ дурить: то представляетъ изъ балета, то изъ оперетки, то цыганскія цѣсни въ лицахъ, Вяльцеву...

Гай да, тройка! Снѣгъ пушистый,
Ночь морозная кругомъ...

Днемъ полагается прогулка. Около башни маленькій дворикъ, тамъ и гуляютъ. Со двора видѣнъ кирпичный корпусъ, гдѣ сидятъ уголовные. Въ одномъ изъ оконъ корпуса появляются два негра. Эти негры—въ родѣ представленія.

— Арапъ Иванычъ, — обращается Петровъ къ неграмъ,—спой намъ что-нибудь!

Негры, гремя кандалами. воютъ, ихъ бѣлые зубы, какъ снѣгъ. Что-то печальное и жуткое, пустынное поется въ ихъ пѣснѣ, и не смѣшно совсѣмъ, но Петровъ и надзиратели, поджавъ животы, гогочутъ.

— Ну, теперь довольно, Арапъ Иванычъ, сейчасъ старшій придетъ!—машетъ ключами надзиратель, до слезъ нахохотавшись.

Вечерами—въ башнѣ. Тишина въ башнѣ, только мыши скребутся да ведутъ тонко мышиную пѣсенку.

Петровъ караулитъ мышей.

Какъ-то вечеромъ вошелъ старшій—бородатый сѣдой старикъ съ масленнымъ лицомъ. Наканунѣ у Петрова пропала тряпка, Петровъ заявилъ старшему, старшій обѣщалъ отыскать.

— Вы, господинъ, на счетъ тряпки давеча спрашивали, пропала она куда-то, не отыскалъ.

— Не мышь-ли взяла?—подмигиваетъ Петровъ, вскидывая на носъ пенснэ.

— Мышь не мышь, а вотъ разсказывалъ мнѣ одинъ, тутъ же сидѣлъ, будто по ночамъ чортъ ходитъ, говоритъ, своими глазами видѣлъ: бѣлый весь, а борода черная.

— Какой чортъ?

— Ужъ не знаю, правда-ли, а страшно: одинъ ни за что бы здѣсь не остался. Завтра еще поищу.

Старшій ушелъ, стало страшно. Стало казаться, что

по ночамъ кто-то ходитъ, весь бѣлый съ черной бородой. И вся легкость пропала. Петровъ не балагурилъ. И когда надзиратель-хохотунъ по прозвищу Нусъ передъ тѣмъ, какъ отправиться въ Петровскій паркъ, щуря сладенькіе глазки, просилъ усы себѣ помазать, Петровъ молча подавалъ ему баночку съ кольдъ-кремомъ. И подъ негритянское пѣніе Арапа Иваныча ужъ не смѣялся, а понуро вздыхалъ.

— Политику разрабатываете?—заводилъ разговоръ другой надзиратель Плотва.

Петровъ, такой охотникъ языкомъ чесать, теперь не отзывался.

Вотъ какъ смутилъ покой башни этотъ непрошенный чортъ, который ходилъ ночью и воровалъ тряпки.

Нескладно шла жизнь.

Послѣ вечерняго чаю подъ Успеньевъ день, когда Хлѣбниковъ съ Петровымъ расхаживали молча изъ угла въ уголъ, а въ окно проникалъ дальній гулъ кремлевскихъ колоколовъ, дверь отворилась, и въ башню вошелъ маленькій изможденный человѣкъ, отрекомендовавшійся Котовымъ. И весь вечеръ разсказывалъ Котовъ, какъ по ошибкѣ посаженный въ общую къ уголовнымъ, онъ провелъ тамъ ночь, которая перевернула въ немъ все вверхъ дномъ и сдѣлала совсѣмъ другимъ на всю жизнь.

Онъ разсказывалъ о насиліяхъ, постоянныхъ среди замкнутой жизни здоровыхъ людей, у которыхъ вся природа претъ, находя себѣ выходъ въ извращенности, какую только можно представить себѣ; и не въ прихоти дѣло, не въ складѣ натуры—выходъ надобенъ.

— Попалъ туда какой-то молодой человѣкъ, красивый такой, такъ его на смерть замучили. Привели его днемъ, и цѣлый день арестанты присматривались, берегли, а какъ пришла ночь и камеру заперли, тутъ-то и пошло: набросилось на него человѣкъ пять и что-

что съ нимъ только ни дѣлали, и какіе-то два негра... Такъ на утро и снесли въ мертвецкую. Говорятъ, какой-то князь изъ аферистовъ.

— Князь?!—Хлѣбниковъ описалъ наружность своего спутника.

— Онъ самый,—подтвердилъ разсказчикъ,—это его.

Хлѣбниковъ и Петровъ слушали невѣроятныя исторіи, которыхъ оказалось въ памяти ихъ новаго сожителя многое множество и не только изъ тюремныхъ скитаній, но и изъ самой обыкновенной сѣренькой жизни, проходящей незамѣтно и съ виду скромно и даже примѣрно.

Нѣтъ, человѣческую природу аршиномъ, пожалуй, не измѣришь и не разложишь ее по клѣткамъ и судомъ однимъ не осудишь.

— Я ужъ и не знаю, какъ я теперь...—говорилъ, прощаясь съ Хлѣбниковымъ испытанный и бывалый человѣкъ, для котораго по его же словамъ, вчера еще все было ясно и понятно, и всякое дѣло спорилось, какъ едва-ли у кого.

5.

Отъ Москвы дорога ходчѣе пошла. Долго по тюрьмамъ не задерживали, не мучили проволочками. Важныхъ преступниковъ не было: всѣхъ въ Москвѣ задержали, чтобы въ Сибирь гнать. Шелъ всякій сбродъ.

Проститутка Амурчикъ—дѣвица невѣроятнаго роста въ пальто, изъ-подъ котораго торчитъ длинная красная кацавейка, и въ шляпкѣ, повязанной платкомъ, необыкновенно весела и совсѣмъ не падшая въ томъ смыслѣ, какъ это принято называть: по своей волѣ пала и падаетъ и, пока хватитъ силъ, падать будетъ. Отъ ея розсказней всѣ пріободряются, такъ жизнерадостны повѣсти изъ публичной жизни.

Проживала она въ какомъ-то дорогомъ притонѣ, звался притонъ „Золотые львы“, жила-была, веселилась.

— Сто чашекъ въ день кофею выпивала,—заливался Амурчикъ,—самъ воръ Козыревъ, экспропріаторъ, мнѣ письма писалъ,—эхъ, вы, жулики, не вашего ума дѣло!

Кромѣ Амурчика Хлѣбниковъ сошелся съ двумя предателями. Одинъ тихонькій и угнетенный, другой задирчивый и озлобленный, но и тотъ и другой очень мучаются. За выдачу товарищей они не получили никакой платы, никакого послабленія и ни въ какой охранкѣ они не служили, да такихъ и не примутъ, а выдали они, потому что испугались—такіе есть робкіе, хотя и хорохорящіеся люди, на которыхъ зачѣмъ-то взваливаютъ непосильное бремя.

— Да зачѣмъ же вы совались въ дѣло; знали же вы, чѣмъ это кончится?—допытывалъ ихъ Хлѣбниковъ.

— Не знаемъ, поддались, мы не выдавали, мы только подтвердили, насъ обманули, Полетаевъ всѣхъ выдалъ,—оправдывались предатели, валя вину на какого-то Полетаева.

— Бѣсъ попуталъ, — ввертывался старикъ, мелкій воришка.

— Каждому обязательно предстоитъ проявиться,—замѣчалъ философъ, исколесившій этапный путь съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ не разъ и не два по всей Россіи,—вотъ ты живешь тихо-смирно, и есть ты на бѣломъ свѣтѣ или нѣтъ тебя вовсе, самъ хорошенько не знаешь, а какъ уворуешь или поймаютъ тебя или еще что, такъ ты ужъ другое дѣло, ты—есть и существуешь на землѣ, какъ слѣдуетъ.

— Тоже и по глупости бываетъ, по неразумію,—вставляетъ мудрецъ, совсѣмъ на мудреца не похожій, а на какой-то финикъ.

— Жулики, не мудрите, всѣ вы пропащіе!—заливался Амурчикъ.

— Пропащіе не пропащіе, а главное ничѣмъ убѣдить его, дурака, нельзя,—стоитъ на своемъ мудрецъ.

Въ послѣдней тюрьмѣ, до которой дотащилъ поѣздъ Хлѣбникова, началось очень по глупому. Начальникъ, человѣкъ солидный и совсѣмъ не глупый—почитывалъ и даже очень—распорядился отобрать у Хлѣбникова книгу и очки, объясняя свое распоряженіе, какъ мѣру пресѣченія могущаго возникнуть побѣга.

— Ну что вамъ стоитъ: какихъ-нибудь три-четыре дня посидѣть такъ.

— Да я близорукъ, ничего не вижу.

— Тутъ въ тюрьмѣ и видѣть нечего.

Первый злополучный день Хлѣбниковъ провелъ не одинъ, съ нимъ помѣстилось еще нѣсколько человѣкъ политическихъ. Въ этотъ первый день почему-то—какая нибудь мѣра испытанія?—всѣхъ ихъ держали впроголодь. Ѣсть хотѣлось—ужасъ. Разговоръ вертѣлся около блюдъ.

— Хорошо бы тарелку щей!

— А я бы предпочелъ рыбную селянку.

— А телячьи ножки?

— Телячьи ножки... поросенокъ подъ хрѣномъ лучше.

— Чаю горячаго хоть бы съ булкой!

— Хорошо еще стерлядку разварную съ соусомъ!

— Да я и вареной говядины съѣлъ бы.

Вечеромъ безъ вечерняго чаю разсадили по одиночкамъ. Холодно, ѣсть хочется, пить хочется, да за что же это?—Мѣра, больше ничего.

На утро Хлѣбникову принесъ надзиратель одного кипятку.

— А чаю такого, какой у васъ Цоги-Лукъ написано, такого нѣтъ больше, Высоцкаго есть. Пожалуйте выписку на завтра.

Но Богъ съ ними, съ чаемъ и съ ѣдой! Первый разъ

за весь этапъ Хлѣбниковъ остался одинъ. Было какъ то хорошо думать, что онъ одинъ.

Гдѣ-то за тюрьмой играетъ музыка, осиплая труба, какъ голосъ стараго кузнеца Тимофея, проданнаго за пять рублей и колбасу, приговариваетъ: одинъ, одинъ, одинъ.

Хлѣбниковъ болтаетъ самъ съ собой: да, онъ тогда правду отвѣтилъ князю, онъ любитъ вещи, а какъ онъ любитъ лѣсъ, поле, рѣку и весной съ послѣдней козявкой оживаетъ, вотъ его выпустятъ на волю—онъ волю страшно любитъ.

— Ну а дальше то что?—вдругъ мѣнялъ болтовню на допросъ.

— Что дальше?..

Передъ глазами проходили всевозможныя сцены, въ ушахъ повторялись всевозможныя исторіи. И все представлялось такимъ, что имѣло право быть и вмѣстѣ недопустимымъ.

— А какъ нужно-то?

— Да нужно-ли?

Хваталъ себя за голову: можетъ, все такъ и есть, такъ и надо и вся бѣда въ его глазѣ, которому не видать всѣхъ пружинъ, онъ близорукъ, и безъ очковъ, онъ во всѣхъ смыслахъ близорукъ, надо какія-то очки.

— Если все такъ надо, какъ оно есть, то для чего оно понадобилось? Для того, чтобы случилось и было? Такъ? А для чего надо ему быть?

Глаза закрывались. Никакъ разобраться не можетъ. Ужъ очень все разное.

Послѣ двухъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ одиноко съ своими мыслями, въ безпощадныхъ допросахъ себѣ, на третью ночь онъ почувствовалъ то знакомое ему утомленіе, какое охватывало его въ тягостныя минуты растерянности, и онъ заснулъ.

И приснился ему на загладку сонъ.

Снится ему, будто стоитъ онъ на берегу рѣчки съ фотографическимъ аппаратомъ и снимаетъ двухъ носороговъ на другомъ берегу, а носороги не одни тамъ, какіе-то три балбеса лѣзутъ впередъ и застятъ. Бился онъ немало, не можетъ снять. Кричитъ балбесамъ: „эй, молъ, вы, на эту сторону переходите!“ Балбесы вошли въ воду, а онъ скинулъ съ себя сапоги—бухъ самъ въ рѣчку, хочетъ къ носорогамъ переплыть. Плылъ, плылъ и закрутило. Дна нѣтъ, четыре стѣны желѣзныхъ, а руки у него крестомъ сложены. И крутитъ и крутитъ. Вотъ какъ-то изловчился, пошевелилъ ногами и вынырнулъ. Влѣзъ на чугунный столбъ—сверху столба парниковая редиска—усѣлся на редиску и просидѣлъ семь дней и семь ночей, пока не сняли. И растворились желѣзныя стѣны—тамъ балъ, музыка, танцы, а то мѣсто, гдѣ онъ тонулъ—несгораемый шкафъ съ люкомъ и подпольемъ. Полѣзъ въ подполье искать мѣдныхъ пятачковъ, а ихъ тамъ мѣшокъ на мѣшкѣ. И сталъ онъ выбирать изъ мѣшковъ пятаки и кидать въ воду, чтобы узнать, глубока-ли вода. Потомъ подобралъ съ пола нѣсколько штукъ красныхъ коробочекъ, а его стыдятъ: „къ чему тебѣ эти коробочки?“ Онъ посмотрѣлъ, а коробочки то дырявыя, ни одной цѣльной. „Я коллекцію собираю!“—сказалъ онъ виновато. Но тутъ откуда то взялась какая-то дама, лѣзетъ цѣловаться, а губы у ней соленыя. Онъ отплевываться, плевался, плевался да всего себя съ ногъ до головы и оплевалъ. А дама и говоритъ: „не наступайте босыми ногами на ящура!“

Когда Хлѣбниковъ очнулся, въ городѣ звонили къ обѣднѣ: разбитый колоколъ вяло брякалъ. Раннее ненастное утро смотрѣло въ замутившееся окно.

— Собирай вещи!—кричалъ надзиратель, обходя камеры.

Съ этого дня началось новое путешествіе ужъ не

по желѣзной дорогѣ, а по способу пѣшаго хожденія. Это было въ Воздвиженье—14 сентября.

Разъ два три четыре—
Меня грамотѣ не учили,
Ни писать, ни читать
Только по двору скакать,

Приплясывалъ Амурчикъ, насмѣхаясь надъ замореннными, отекшими отъ устали „жуликами", у которыхъ въ чемъ только душа держалась.

Тысячу и больше верстъ прошелъ Хлѣбниковъ съ партіей. Осень кончалась, бѣлымъ снѣгомъ легла зима на землю. Тутъ ей на сѣверѣ любо.

Хлѣбниковъ не ждалъ, какъ ждали его спутники, того завиднаго времени, когда окончится путь. Странно ему было даже подумать, что наконецъ, все таки скажутъ ему: выбирай себѣ любую избу и живи! Да какъ же онъ жить будетъ? Не можетъ онъ такъ жить. Не послушаетъ. Уйдетъ... Ну гдѣ то нибудь въ лѣсахъ, гдѣ то нибудь на берегу широкихъ рѣкъ или въ самой толкотнѣ самаго большого города, но онъ найдетъ—если не обреченъ онъ только на одни поиски—его коснется что-то и глаза его откроются.

„Вѣдь не можетъ быть, чтобы все такъ и было, какъ видится, не можетъ быть, чтобы была въ мірѣ неправильность, иначе что же?—издѣвательство какое то, ерунда на постномъ маслѣ!"—такъ замыкался кругъ цѣпкихъ пытливыхъ думъ.

Въ Михайловъ день—8-го ноября этапъ пришелъ. Дальше этапъ не пойдетъ, дальше не гоняютъ, дальше только птица летитъ да плывутъ льды.

III.

Бѣдовая доля.

Льву Шестову.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Предлагая вниманію благосклоннаго читателя мои перепутанные, пересыпанные глупостями, разсказы, считаю долгомъ предувѣдомить, что вышли они изъ-подъ моего пера не какъ плодъ взбаламученной фантазіи, а какъ безыскусное описаніе подлинныхъ ночныхъ приключеній, въ которыхъ руководилъ мной вожатый ночи— Сонъ.

Отъ тигра до крючка.

Я—тигръ древняго, засыпаннаго пепломъ каменнаго города, рожденъ по указанію Бога, духъ мой обреченъ на терпѣніе по пророчеству царя Давида: азъ есмь до вѣка, во вѣки и вѣкъ вѣка.

Лѣниво и удобно я лежалъ въ Лѣтнемъ саду на дорожкѣ, глазѣя на публику. Гуляющихъ попадалось мало, смѣха не было, только кое-гдѣ хихикали гадко. Большинство же серьезно проходило по своимъ дѣламъ, и дѣло, которое несъ каждый, выставлялось такимъ важнымъ, что отъ совершенія его, казалось, зависѣло чуть ли не спасеніе всего міра. Видя лишь однѣ спины прохожихъ, я только по ихъ словамъ и отзывамъ, долетав-

шимъ до меня, могъ заключить о ихъ лицахъ и какіе у нихъ глаза. Возмущеніе подняло меня на мои крѣпкія ноги, въ ярости вскочилъ я на Домикъ Петра Великаго и, вонзивъ когти въ дерево, принялся совѣстить и доказывать этимъ людямъ, что они обманщики, что не совершить имъ и самаго пустяшнаго дѣла, такъ какъ зрѣніе ихъ мутно и коротко, души ихъ дряблы, а лица перекошены на сторону.

Обличая спасителей, я замололъ такую чепуху, что и у меня самого помутнѣло въ глазахъ, душа обмочалилась, а лицо перекосило. И вдругъ какимъ-то чудомъ я превратился въ голосистую птицу.

Я такъ громко пѣлъ, что, казалось, не было въ мірѣ уголка, гдѣ бы не раздавалась моя пѣсня. И оттого, что всѣ меня слушали, и оттого, что какъ разъ на томъ мѣстѣ на солнышкѣ, гдѣ я любилъ пѣть, была ужъ искусно подвѣшена клѣтка и я зналъ, что меня поймаютъ и посадятъ въ эту клѣтку, стало мнѣ неловко и опасно жить птицей. И вотъ, чтобы какъ-нибудь спастись и остаться на свободѣ, я, опустивъ крылья, вороватой лисой прокрался на Верейскую въ самый грязный паскудный кабакъ „Веселые острова", и, кое-какъ протолкавшись сквозь гущу захмелѣвшихъ и вдрызгъ пьяныхъ гостей, присѣлъ къ первому попавшемуся столику, а для отвода глазъ спросилъ себѣ бутылку самаго пьянаго забористаго вина.

Несмотря на то, что народу было тьма и негдѣ было повернуться, все-таки какая-то Саша Тимофеева присосѣдилась ко мнѣ и, охвативъ рукой мою шею, лѣзла прямо къ лицу.

— Милый другъ, увези меня куда-нибудь!—приставала она, похрустывая своимъ желтымъ кожаннымъ ремнемъ.

И по мѣрѣ того, какъ лицо ея темнаго мата съ огромными безъ зрачковъ сѣрыми глазами приближалось къ

моему лицу, тонкія, какъ паутина, сѣти откуда-то съ потолка медленно, но вѣрно опускались надо мной, я чувствовалъ, птичьи сѣти шелковыя опускались надо мной. А когда глаза моей возлюбленной такъ очутились близко, что слились въ одинъ сѣрый глазъ, сѣть коснулась моего темени и въ тотъ же мигъ отточенный тонкій крючокъ вошелъ мнѣ въ живое сердце и, зацѣпивъ за живое, чуть дернулъ—и ужъ грубо и слѣпо поволокъ меня черезъ эту Сашу, черезъ столъ вверхъ по потолку.

Обезьяны.

Насъ стянули со всѣхъ концовъ свѣта: изъ Австраліи, изъ Африки и Южной Америки, и я, предводитель шимпанзэ, опоясанный тканымъ гагажьяго пуха поясомъ, ломалъ себѣ голову и рвалъ на себѣ волосы, не зная, какъ вырваться изъ цѣпей, которыми мы были скованы по рукамъ и ногамъ, и улепетнуть на родину, но было ужъ поздно. Прогнавъ по цѣлинѣ черезъ поля, насъ выстроили, какъ солдатъ, на Марсовомъ полѣ, и герольды въ золотѣ со страусовыми перьями на шляпахъ, разъѣзжая по рядамъ, читали приговоръ.

Насъ обезьянъ обвиняли въ непроходимомъ распутствѣ, злости, бездѣльничаньѣ, пьянствѣ и упорно-злонамѣренной вороватости и, признавая необыкновенно блестящія природныя способности къ развитію и усовершенствованію, приговаривали примѣнить къ намъ секретныя средства профессора Болонскаго университета рыцаря Альтенара—потомка викинговъ Гренландіи, Исландіи и Сѣвернаго Ледовитаго Океана.

Со слѣпой материнской любовью и негодованіемъ я слѣдилъ, какъ по совершеніи всѣхъ шутовскихъ церемоній, началась расправа: эти безбожные люди потѣхи ради прокалывали насъ сапожнымъ шиломъ и потомъ

били желѣзными молотками, а другимъ намазывали шерсть мягкимъ и горячимъ варомъ и, закатавъ въ массѣ вара веревку и прикрѣпивъ ее къ тѣлу, продергивали въ хомутъ свободной и сильной лошади и волокли по землѣ подъ гикъ и гамъ, покуда не издыхала жертва, третьимъ же тщательно закалывали губы мѣдными металлическими булавками. И много еще было сдѣлано, какъ обузданіе, потѣхи ради.

Когда же Марсово поле насытилось визгомъ и стономъ, а земля взбухла отъ пролитой обезьяньей крови, а крещеный и некрещеный русскій народъ надорвалъ себѣ всѣ животы отъ хохота, прискакалъ на мѣдномъ конѣ, какъ вѣтеръ, всадникъ, весь закованный въ зеленую мѣдь. Высоко взвивавшійся арканъ стянулъ мнѣ горло и я упалъ на колѣни. И въ замерѣвшей тишинѣ, дерзко глядя на страшнаго всадника передъ лицомъ ненужной, ненавистной, непрошенной смерти, я, предводитель шимпанзэ Австраліи, Африки и Южной Америки, прокричалъ гордому всаднику и ненавистной мнѣ смерти трижды пѣтухомъ.

Клей—синдетиконъ.

Убирали комнаты—это самое несносное время передъ праздниками, развѣ сравнимое только съ переѣздомъ на другую квартиру—убирали, старались: съ потолка щетками поснимали закопченную пыль и паутину, вымыли окна и подоконники и принялись за полы. А грязи — не отмыть, не отскоблить, и отъ босыхъ ногъ слѣды. Уборкой заправлялъ какой-то неизвѣстный мнѣ человѣкъ, шершавый съ собачьей мордой. Этотъ самый человѣкъ, видя, что толку нѣтъ, забралъ свои пыльныя щетки и скребки, плюнулъ и скрылся.

Оставшись одинъ, я тихонько заглянулъ подъ кровать.

„Эге,—подумалъ я,—да вотъ гдѣ она сидитъ, эта грязная жила!“—и такъ мнѣ стало досадно и такъ не хотѣлось гнуть спину—просить извести эту грязь подъ кроватью и самому пачкаться; снялъ я съ себя пиджакъ и все до рубахи, взялъ синдетикона, обмазался имъ, какъ слѣдуетъ, легъ на полъ и давай кататься.

Черти.

Я лежалъ, прикованный къ желѣзной койкѣ, и не въ Обуховкѣ лежалъ я, а въ могилѣ, и не изъ Спасской части стащили меня сюда замертво, а прямо отъ Покрова послѣ отпѣванія.

Сердце рвется на части!—да за что же эти гробовщики такъ злобно похоронили меня, я вѣдь не сдѣлалъ имъ зла, ей-Богу, я не обижу мухи, я ружья не умѣю въ рукахъ держать, или вся вина моя въ томъ, что Емеля подарилъ мнѣ свои семь драгоцѣнныхъ дней молоть языкомъ, сколько влѣзетъ?

Когда я такъ терзался и мучился въ моемъ настоящемъ печальномъ состояніи, три чорта посѣтили меня. Двое изъ нихъ были мнѣ совершенно неизвѣстны: тихенькіе, слабенькіе, такъ въ чемъ душа держится,—а третьяго, хотя онъ и старался въ моихъ глазахъ передѣлаться, я сейчасъ же узналъ по голосу: это почтовый чиновникъ десятаго отдѣленія Киселевъ.

Всѣ трое чертей притворились смирными, ласковыми, безобидными и тонкимъ голоскомъ, какъ у дѣтей, что-то такое наивное и простенькое лепетали надо мной. Но я какимъ-то наитіемъ понялъ то, что таилось у нихъ на умѣ: они облюбовали и теперь опредѣленно подбирались къ моимъ конечностямъ и позвоночному хребту.

„Ну нѣтъ ужъ, подаркомъ вамъ не достанусь,—рѣшилъ я самъ съ собой,—накормлю васъ овсянкой!“—и,

напрягши всѣ мои силы, я оторвался отъ желѣзной койки и, врасплохъ бросившись на чертей, сталъ съ ними расправляться по-свойски.

Отъ одного остался мнѣ на память клокъ волосъ, другому я прокусилъ палецъ, а когда я торжествовалъ, этотъ Киселевъ схватилъ какой-то дряни въ горсть, и я не успѣлъ оглянуться, какъ онъ уже замазалъ мнѣ ротъ. И я сталъ задыхаться.

Иванъ Грозный.

И строемъ и вперегонку, уступая и толкаясь, мы бѣжимъ по Моросейкѣ на Красную площадь. Всѣ мы спѣшимъ къ Лобному мѣсту послушать Объявленіе, о которомъ возвѣщалось съ перекрестковъ и въ тупикахъ.

На Спасской башнѣ ужъ пропѣли часы полдень, народъ все прибывалъ, но Лобное мѣсто оставалось свободнымъ и только какіе-то мальчишки по временамъ завладѣвали имъ и тотчасъ же къ общему удовольствію и развлеченію летѣли вверхъ тармашками.

Съ помощью знакомаго полотера съ Зацѣпы я взобрался на кровлю Василія Блаженнаго, и отъ меня прекрасно видно было даже всякую мелочь.

Наконецъ, толпа, крякнувъ, осадила, головы обнажились, а на Лобномъ мѣстѣ показался маленькій человѣчекъ: онъ былъ въ высокихъ воротничкахъ и смокингѣ, а голова его была повязана платкомъ по-бабьи.

— Юродивый,—прокатилось по площади изъ устъ въ уста,—это юродивый самъ.

На Спасской башнѣ снова пропѣли часы и пѣли долго: тринадцать.

— Садитесь, господа,—сказалъ Юродивый, кланяясь на всѣ четыре стороны: Кремлю, Замоскворѣчью, Историческому музею и Рядамъ.

Такъ какъ я сидѣлъ, то, не смѣя ослушаться, все-таки подобрался, будто усаживаясь, всѣ же прочіе, стоявшіе внизу, хотя и было не совсѣмъ удобно, безпрекословно присѣли.

— Милостивыя государыни и милостивые государи,— запѣлъ Юродивый знаменнымъ распѣвомъ,—всѣ мы учились заповѣдямъ и всякій знаетъ, что ихъ десять штукъ. Не такъ ли, десять штукъ?

И въ отвѣтъ прогудѣла толпа, какъ гудятъ „Воистину воскресъ" на Пасхѣ въ церквахъ.

— Ну, вотъ, господа,—продолжалъ Юродивый тѣмъ же распѣвомъ,—а на самомъ дѣлѣ ихъ не десять, а четырнадцать. Отцы наши утаили отъ насъ, но и они мудрые да и всѣ мы искони блюли ихъ всѣ четырнадцать.

— Блюли,—проблеяла толпа.

— А! вотъ, видите!—пропѣлъ Юродивый,—а теперь по исчисленіямъ Кугельгейма фонъ Густава пришло время провозгласить ихъ полностью и начать исполнять не тайно, а въ открытую. Внимайте же и пишите въ сердцѣ, вотъ новыя заповѣди:

11-я.—Не зѣвай.

12-я.—Ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами.

13-я.—Прелюбы сотвори.

14-я.—Укради.

Юродивый залился такимъ веселымъ смѣхомъ и такъ затрясъ головой, что платокъ съѣхалъ ему на шею, и передъ опѣшеннымъ, сбитымъ съ толку народомъ вдругъ метнулись глаза и грозное встало лицо царя Ивана.

На Спасской башнѣ пропѣли часы и пѣли долго: четырнадцать.

Вѣдьма.

Я попалъ въ пустой домъ—обстановка всякая—столы, стулья, все есть, но какой-то онъ весь нежилой. Я не одинъ, со мной студентъ П. въ черной студенческой тужуркѣ, самъ съ черной бородой клиномъ, въ темныхъ очкахъ.

Одна за другой фигуры сначала неясно, потомъ отчетливѣе начинаютъ появляться вокругъ меня: это какіе-то все маленькіе тучные карапузы. И мнѣ стало страшно отъ ихъ присутствія въ этомъ нежиломъ домѣ.

— Смотрите въ окно,—говоритъ мнѣ студентъ, догадавшійся должно быть, что мнѣ страшно въ этомъ нежиломъ домѣ.

Я подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть. Окно выходило въ садъ. Но какъ-то такъ случилось, что я помимо воли бросилъ смотрѣть и перевелъ глаза въ комнату. Изъ движущихся фигуръ выдѣлилась теперь высокая женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Я подумалъ:

„Если ее перекрестить, она исчезнетъ".

И я перекрестилъ ее истово большимъ крестомъ разъ и другой, но эта женщина, глядя не меня съ недоумѣніемъ и какъ бы показывая мнѣ, что я ошибся, сама перекрестилась. Студентъ исчезъ. Я было къ двери. Остановился. Не могу. Не увѣренъ, не знаю: а что если и въ другихъ комнатахъ то же? И вдругъ я увидѣлъ другую женщину. Она лежала въ углу на кушеткѣ. Она была маленькаго роста, плотная, густо-румяная, носъ плоскій, а ротъ съ безобразно-выступающей нижней челюстью.

— Не этимъ надо,—сказала она, приподнявшись съ кушетки, и махнула краснымъ одѣяломъ.

И тотчасъ лицо высокой женщины съ ребенкомъ стало измѣняться, принимая самыя отвратительныя выраженія: носъ удлиннился—совсѣмъ длинный, за губы

заходитъ, а глаза, выскочивъ изъ орбитъ, повисли, какъ два мѣшечка.

А та съ кушетки румяная снова какъ махнетъ одѣяломъ, и ребенекъ на рукахъ женщины сталъ таять, туловище становилось все меньше и меньше, не стало ни рукъ, ни ногъ и осталась одна голова.

Пиленый сахаръ.

Скатился я съ крутого обрыва въ садъ. Да это загородный увеселительный садъ „Хуторокъ". Вонъ и касса. Подошелъ я къ кассѣ билетъ взять. Заглянулъ въ окошечко, а кассиръ-то знакомый—Бѣляковъ. Надо сказать, что съ этимъ Бѣляковымъ вышла у насъ одна нехорошая исторія и такъ все запуталось: сталъ я ему бѣльмомъ въ глазу.

Бѣляковъ пилъ чай въ прикуску, а другой кассиръ искалъ ему въ головѣ.

„Ну,—думаю,—пропалъ я, безъ побоя не отпуститъ, убьетъ онъ меня".

— Моръ на воши!—говорю имъ и вижу, Бѣляковъ побагровѣлъ весь, зажалъ въ кулакъ кусокъ пиленаго сахара, всталъ и пошелъ къ выходу.

— „Убью!"—отчеканилось во мнѣ, и я присѣлъ на корточки, сталъ такимъ маленькимъ и такимъ тоненькимъ да въ щель подъ дверь и затиснулся, затаилъ дыханіе, слушаю.

Бѣляковъ походилъ около кассы и презлой вернулся.

— Не нашелъ, а попадись только, я ему!—сказалъ Бѣляковъ другому кассиру, и они стали искаться.

А меня точно кто-то все подстегиваетъ: хочу не дышать и не могу удержаться и, какъ на грѣхъ, во рту зачесалось, я съ дуру-то полѣзъ почесать и чихнулъ.

Бѣляковъ тутъ-какъ-тутъ.

— А! вотъ онъ!—да какъ хватитъ: кусокъ сахара прямо такъ въ високъ мнѣ и вткнулся.

Dame de Noël.

Очень узкая, очень высокая комната безъ оконъ. Одинъ маленькій фонарикъ освѣщаетъ комнату. Посреди кровать подъ пологомъ.

Я осторожно подошелъ къ кровати, приподнялъ одѣяло и тотчасъ отшатнулся: на простынѣ сидѣло нѣсколько штукъ отвратительныхъ насѣкомыхъ—это какія-то разбухшія миндальныя шкурки съ черными пятнышками на спинѣ.

„Вотъ до чего довели!"—и, негодуя, я отошелъ къ двери, чтобы итти куда-то, отыскать кого-то и отомстить: я зналъ, чья это кровать...

На порогѣ стояла незнакомка: она была въ бѣломъ, подъ покрываломъ, золотая корона на головѣ и бѣлый свѣтъ шлейфомъ падалъ у ея ногъ.

— Завтра Рождество,—сказала она.

Я отступилъ, давая дорогу.

— Ты меня не узналъ?

— Въ первый разъ вижу.

— Dame de Noël.

— А!—я подпрыгнулъ отъ радости: и у насъ будетъ елка, серебряный дождь, золотые орѣхи.

— Ты самъ не знаешь, чего просишь, а такъ лучше для нея...

— Они заводныя?—обрадовался я, подумавъ о тѣхъ отвратительныхъ насѣкомыхъ съ черными пятнами на спинѣ.

Dame de Noël уже не было, да и я попалъ куда-то въ подворотню и сижу, какъ старикъ на пчельникѣ.

Чуть было не съѣли.

У меня было двѣнадцать подземныхъ каморокъ и двѣнадцать ключей,—ихъ у меня отняли. Я набралъ на дворѣ тряпокъ, ихъ тоже отняли. Ключи и тряпки унесли въ кладовую. А Власовъ— мой недавній сожитель, безъ котораго я шагу не ступлю,—ушелъ отъ меня.

Я совсѣмъ голый, а все-таки грабятъ меня—отнимаютъ послѣднюю кровь изъ тѣла. Какая-то трясучка накинулась на меня, со слезами я прошу ее оставить, не корчить такъ больно. Не слушается.

Я былъ нагло ограбленъ и зналъ, что меня не оставятъ живымъ, что меня гонятъ въ могилу, и ужъ больше не могъ терпѣть: я послалъ прислугу на Лиговку къ знакомому гробовщику за гробомъ.

Смерть моя приближалась, и съ каждой минутой мнѣ становилось ясно, что черезъ нѣсколько дней тѣло мое съѣдятъ съ хлѣбомъ, а кости въ гробъ положатъ.

Кое-какъ я сползъ съ лѣстницы и обратился къ швейцару за помощью: я просилъ его изъ послѣднихъ силъ моихъ и съ пролитіемъ послѣдней крови моей послать къ почтеннымъ лицамъ города извѣщеніе, чтобы пріѣхали завтра же похоронить меня, пока я еще не съѣденъ съ хлѣбомъ.

И когда я такъ просилъ швейцара и кланялся ему въ ноги, со стѣны соскочило объявленіе о снятіи калошъ и внезапно изъ стѣны, гдѣ висѣло это объявленіе, появился Власовъ. Покручивая свои колючіе пожарные усы, онъ подалъ мнѣ ключи, тряпки и пшеничной и аржаной муки для заварки густого клейстера.

Пожаръ.

Большущій домъ. Сколько этажей – не считалъ: много. А вокругъ дома народъ такъ кишмя кишитъ. Я подбѣ-

гаю къ дому, но зачѣмъ мнѣ этотъ домъ,—самъ не знаю. Я знаю: мнѣ надо во что бы то ни стало пробраться во внутрь. Съ трудомъ проталкиваясь, добрался я до дверей и вошелъ въ комнаты. Комнаты все неизвѣстныя,—изъ одной въ другую перехожу, ищу чего-то и вдругъ вижу: маленькая, такъ клѣтушка объ одномъ окнѣ, да и то въ заборъ выходитъ. Я туда. Остановился среди комнаты. Я узналъ памятную мнѣ, страшную по воспоминаніямъ комнату.

„И обои цѣлехоньки,—обрадовался я,—сѣрыми цвѣтами съ красной жилкой по водянистому полю, а тутъ вотъ мой столъ стоялъ, а тутъ вотъ... и съ тѣхъ поръ все пошло по другому безповоротно".

И хотя, кромѣ меня, никого не было въ комнатѣ, я обратился къ кому-то и все спрашивалъ объ этомъ безповоротномъ: какъ его вернуть и какъ забыть.

— Пожаръ!—донеслось со двора и съ улицы и, скользнувъ по пустымъ комнатамъ, вернулось:— пожаръ!

И я почувствовалъ, что мнѣ тѣсно, холодно и скучно. Кто-то пѣлъ въ комнатахъ, онѣ не казались пустыми, и вдругъ чѣмъ-то горячимъ обдало меня—и моя комната вспыхнула.

И въ огнѣ ужъ мнѣ стало весело. Я подумалъ:

„Дай проснуться, отыщу я большущій домъ, найду эту тѣсную комнату и подожгу".

Татаринъ.

Я взбирался на башню по крутой, необычайно узкой лѣстницѣ. Мнѣ говорили, что стоитъ только достичь верхней площадки, и оттуда ужъ прямой ходъ на небо: тамъ къ твоимъ услугамъ будетъ облако въ видѣ лодки— „каюкъ",—садись и плыви куда хочешь.

Ужъ подымался я, подымался, едва ноги плетутся и

терпѣнія нѣтъ—весь черепъ сжало, а все-таки какъ ни какъ понатужился и добрался. И что же вы думаете: никакого облака въ видѣ лодки - „каюка" нѣтъ, а стоитъ на площадкѣ татаринъ-старьевщикъ, и руки у него длинныя, до самой земли доходятъ. Я ужъ хотѣлъ было назадъ — въ самомъ дѣлѣ, что жъ это? — а онъ свои длинныя руки поднялъ да меня хвать за шиворотъ:

— Паразитъ ты, мерзкій, да не видать тебѣ, какъ ушей своихъ, ни облака, про которое ты изъ книжекъ вычиталъ, ни того, что тамъ за облакомъ,—прочисти напередъ глаза свои, видящіе во всемъ одну гадость, а тогда ужъ—милости просимъ!

Я не успѣлъ ни возразить, ни оправдаться, какъ ужъ татаринъ сталъ медленно опускать меня на землю. И когда до земли оставалось всего ничего, а отъ внезапнаго толчка заклевалъ носомъ и, ахнувъ, шлепнулся въ теплый пометъ.

Двойникъ.

Въ эту ночь я долго ворочался и не могъ заснуть: то зябъ, то мнѣ казалось, что какія-то блохи прыгаютъ по мнѣ. А когда, наконецъ, пришелъ Сонъ, я очутился въ просторной комнатѣ. Навзничь я лежалъ на кровати. И странно, лежа такъ на кровати, я вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ себя лежащаго, но какимъ не похожимъ на себя!

И вотъ тотъ непохожій, который былъ мною, поднялся съ кровати и пошелъ черезъ узенькій корридоръ въ другую комнату. Ну, ничуть онъ не походилъ на меня: онъ былъ высокій, остролицый, съ впалыми щеками и хищнымъ орлинымъ носомъ, на немъ надѣтъ былъ короткій шелковый пурпурный плащъ, поношенный и порядочно полинявшій, а въ глазахъ кипѣло столько злобы и такой жгучей и острой, что довольно

было одного его взгляда, чтобы прихлопнуть человѣка тутъ же на мѣстѣ, какъ муху. Онъ подошелъ къ кровати, на которой спалъ кто-то завернувшись съ головой въ одѣяло, и, всхлипнувъ отъ бѣшеной злобы, переполнившей съ краями всю его душу, схватился пальцами за простыню и потянулъ, и тянулъ ее изъ-подъ спящаго, вымещая что-то, срывая сердце на неповинной бѣлой ткани.

Моя дикая душа пьянѣла, я помиралъ отъ злобы.

Но тутъ Сонъ меня покинулъ.

Я лежалъ и не смѣлъ пошевелиться. Въ комнатѣ, гдѣ, кромѣ книгъ и игрушекъ, ничего не было, кто-то квакалъ. А была ночь.

Рысакъ.

Горѣлъ Петербургъ. На пожарныхъ каланчахъ вывѣшено было: сборъ всѣхъ частей,—да ничего не могли подѣлать. Горѣлъ Петербургъ со всѣхъ концовъ.

Я и еще одинъ человѣкъ, нерѣдкій спутникъ моихъ ночныхъ похожденій, покинувъ домъ, пріѣхали въ бараки. Въ баракахъ намъ отвели огромную комнату и тутъ оказалось, что мы не одни: съ нами неотлучно находится одинъ извѣстный русскій поэтъ.

Мы смотрѣли въ окно: улицы были запружены бѣглецами, и какія-то дамы, нагруженныя чемоданами и желтыми коробками изъ-подъ шляпъ, тянулись по тротуару, словно въ крестномъ ходу. Всѣ говорили, что пожаръ страшный, и не кончится. Пахло гарью.

Мы тоже рѣшили уѣхать. Взяли извозчика и втроемъ отправились въ Москву. Въ Москвѣ, не останавливаясь, проѣхали прямо на дачу въ Петровскій паркъ. На дачѣ никого не застали. Потомъ явился знакомый актеръ, и мы стали разсказывать, какой въ Петербургѣ страшный

пожаръ, какъ мы сидѣли въ баракахъ, какъ гарью пахнетъ и какъ мы заплатили извозчику семьдесятъ пять копеекъ.

— Теперь лошадь пропадетъ,—сказалъ поэтъ,—какъ же? сдѣлать безъ передышки отъ Петербурга до Москвы двадцать девять верстъ и сейчасъ же обратно въ Петербургъ двадцать девять, лошадь не выдержитъ.

Цвѣтокъ.

Я пересаживалъ мой любимый цвѣтокъ. Насилу-то собрался. И такъ я виноватъ передъ нимъ—за дѣлами не досмотришь и траву не выполешь во-время—вотъ кусты какіе! Все дѣла: то одно, то другое,—не поспѣваешь. „Въ этомъ-то и жизнь, когда не поспѣваешь!“ слышалъ я отъ кого-то. Ну, и Богъ съ нимъ, съ этимъ, пускай себѣ не поспѣваетъ на здоровье!

Я вытряхнулъ изъ горшка землю, бережно взялъ цвѣтокъ за стебель и, уткнувшись въ него, замѣтилъ у корней, гдѣ они узломъ спутаны, маленькій червякъ сидитъ. И только что протянулъ я руку за червякомъ, какъ мигомъ превратился червякъ въ змѣйку, а змѣйка, не мигнувъ, выросла въ змѣю. Тутъ ужъ отъ страха затряслись у меня поджилки, и я бухъ цвѣтокъ на полъ, хочу бѣжать, а ноги не слушаются и закричать не могу.

Огромный страшный кольчатый змѣй Аспидъ вывивалъ свою пасть надо мной и, коснувшись горячимъ жаломъ моего холоднаго носа, вдругъ превратился въ зубастую рыбищу. Господи, да это сама Ехинія! А ужъ Ехинія не Аспидъ, не долго думая, поддала пастью—ай!—крышка, только всего и успѣлъ за карманъ схватиться, бултыхъ въ нутро—поминай, какъ звали!

Красная капуста.

Я стою на берегу рѣки въ толпѣ народа. Кто-то говоритъ, что этотъ народъ соскочилъ съ картины Страшнаго суда изъ Сольвычегодскаго Благовѣщенскаго собора и что рѣка Дунай, Сафатъ и еще какъ-то, я не могъ разобрать названія, такъ какъ все это говорилось на тарабарскомъ языкѣ.

Мы всѣ чего-то ждемъ и очень волнуемся. Я не могу спокойно стоять и поминутно подбѣгаю то къ одному, то къ другому:

— Скоро ли?

Но вмѣсто отвѣта мнѣ показываютъ пальцами на какую-то темную массу, движущуюся со стороны лѣса.

На самомъ берегу, почти надъ водой, огорожено пространство, тамъ стоятъ два боченка, а на боченки положена доска. Я пододвинулся къ загородкѣ и, удобно примостившись, сталъ вглядываться въ движущуюся темную массу.

И понемногу начали обрисовываться странныя фигуры: впереди всѣхъ ѣхалъ на волѣ церемонимейстеръ — важный сановникъ съ коричневой бородой въ золотомъ кафтанѣ, въ рукахъ его блестѣло золотое жезло; за церемонимейстеромъ попарно шли дамы въ длинныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ босикомъ, а за каждой парой слѣдовали слуги, несшіе по два складныхъ стула и опахало. Наконецъ, подъ балдахиномъ показался король: онъ былъ въ голубой, какъ рѣка, мантіи, усѣянной серебряными звѣздами, на рукахъ бѣлыя рыцарскія перчатки, лицо темное негритянское, а носъ въ видѣ серебрянаго серпа.

Мой сосѣдъ, по профессіи фокусникъ, въ рыжемъ пыльномъ парикѣ, фыркнувъ, сказалъ по-русски:

— У этого короля, Наполеона, носъ приставной!—и вдругъ упалъ замертво.

И я видѣлъ, какъ въ толпѣ еще многіе упали, видимо наказанные за свое богохульство: теперь почему-то выяснилось, что это совсѣмъ не простой король.

Шествіе приближалось. Я разглядѣлъ стройнаго бѣлаго царедворца, очень юнаго: слѣдуя за королемъ, онъ отдавалъ приказанія. Потомъ опять потянулись дамы и слуги, а за слугами тряслись мужицкія телѣги, доверху нагруженныя красной капустой.

Всѣ глаза были устремлены на короля. Король ступилъ къ берегу въ огороженное пространство, и тутъ я догадался, что лицо его закрыто маской, а тотъ стройный царедворецъ неживой—автоматъ.

Слуги между тѣмъ сложили балдахинъ, разставили стулья. Бѣлыя дамы, подобравъ платья, усѣлись и, болтая босыми ногами, забормотали молитву. Король поклонился рѣкѣ, и, подозвавъ автомата, усѣлся съ нимъ на доску, положенную на боченки, но такъ, что середина доски осталась свободна.

Мы всѣ закричали ура и кричали до тѣхъ поръ, пока церемонимейстеръ съ коричневой бородой, въ золотомъ кафтанѣ не сдѣлалъ жезломъ знака. Наступила мертвая тишина.

— Что же ты говоришь,—сказалъ король, обращаясь къ автомату,—что эта скамья сломается, а видишь, мы сидимъ на ней вдвоемъ и она цѣла.

Голосъ короля былъ такъ молодъ и силенъ, что каждый изъ насъ подпрыгнулъ отъ поднявшагося и въ каждомъ изъ насъ чувствѣ молодости и силы. Мы готовы были умереть за короля.

Дамы прокричали ура.

— Императоръ, ты сидишь не такъ, сядь посерединѣ!—сказалъ автоматъ королю и, вставъ, отошелъ

къ оградѣ къ тому мѣсту, гдѣ я такъ хорошо примостился.

Не утерпѣвъ, я потрогалъ его сзади: что-то металлически-холодное коснулось моей руки, и я машинально отдернулъ ее, почувствовавъ судорогу какъ отъ электрическаго тока.

Король поднялся. Король оправилъ мантію. Король опускается на середину скамьи. И едва онъ коснулся ея, какъ доска переломилась. Король полетѣлъ въ рѣку.

Дамы заплакали. Мы закричали ура и бросились качать автомата и, подбрасывая его къ небу, подбрасывали вмѣстѣ съ нимъ красную капусту.

Жандармы и покойники.

Предо мной появилась черная морда, шерстяная, съ бѣлыми длинными зубами, помигала мнѣ и скрылась.

Я въ старомъ домѣ въ Москвѣ въ Толмачевскомъ переулкѣ, въ комнатѣ, гдѣ я родился. Маленькая дѣвочка, развернувъ альбомъ, показываетъ мнѣ сушеные цвѣты и о каждомъ цвѣткѣ спрашиваетъ: узналъ я его или нѣтъ? Я не успѣваю отвѣчать, за меня кто-то отвѣчаетъ.

— А вонъ эти цвѣты отъ Іуды, ты ихъ узналъ?— спрашиваетъ дѣвочка.

А я ужъ не въ комнатѣ, а въ собачьей конуркѣ и кричу благимъ матомъ. Накричался и опять попалъ въ комнату. На столѣ собранъ обѣдъ. Я присѣлъ къ столу и задремалъ.

И мнѣ приснилось, будто съ цвѣтами въ рукахъ входятъ въ домъ три жандарма.

Тутъ я проснулся и сталъ обѣдать. И не успѣлъ куска проглотить, дверь растворилась и вошли три жандарма.

— Я сейчасъ васъ во снѣ видѣлъ,—говорю я жандармамъ,—а куда же вы цвѣты дѣвали?

— Собака съѣла, — отвѣчаютъ жандармы, облизываясь.

Какой-то въ штатскомъ горбатый, Богъ вѣсть откуда взявшійся, усаживается противъ меня. Онъ мнѣ очень не нравится: я даже хотѣлъ его ударить, но почему-то раздумалъ.

Горбатый, подвязавъ себѣ салфетку, говоритъ, не сводя съ меня глазъ:

— Вашъ обвинительный пунктъ: вы, переправляясь черезъ рѣку, объясняли естественное происхожденіе родителей.

Я слушаю и недоумѣваю:

— Я ничего подобнаго не объяснялъ.

— Такъ кто-нибудь подслушалъ: взялъ да и записалъ ваши мысли,—тянетъ свое горбатый и катаетъ катушекъ изъ чернаго хлѣба.

— Ничего подобнаго!—отмахиваюсь обѣими руками и, слыша, какъ старая нянька Иринья мететъ полъ въ сосѣдней комнатѣ и прибираетъ, думаю: „Что же это такое: сонъ это или дѣйствительно сидитъ передо мной горбатый и обвиняетъ меня, Богъ знаетъ, въ чемъ?“

— А я съ вами давно хотѣлъ познакомиться,—говоритъ мнѣ извѣстный русскій писатель, умершій совсѣмъ недавно, котораго я нагналъ шедшаго по безлюдной улицѣ съ какимъ-то мальчикомъ.

— Гдѣ же вы теперь живете?—спрашиваю я писателя и кланяюсь.

— Въ Москвѣ,—отвѣчаетъ писатель,—въ домѣ Грузинской церкви на Воронцовомъ полѣ: церковь на горѣ, а мой домъ подъ горой въ репейникѣ, такое пустое мѣсто есть.

Я хотѣлъ спросить его, пишетъ ли онъ, но его ужъ не стало, да и я очутился въ пустой церкви, посреди ко-

торой вповалку лежали прямо на каменныхъ плитахъ покойники. Я сталъ вглядываться въ лица и скоро замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ, хотя уже совсѣмъ такой покойникъ настоящій, а шевелится. И вдругъ онъ поднялся и сталъ въ царскихъ вратахъ.

И мы смотрѣли другъ на друга. Онъ былъ голый, ноги дегтемъ измазаны, а по облику вылитый Сомовскій рисунокъ къ „Эме Лебефъ".

А старая нянька Иринья все мететъ полъ и прибираетъ. И котенокъ Дымка—любимецъ баюнъ трется у меня на плечѣ и мурлычетъ.

Финалъ.

Увы!—я издохъ. Окруженный фруктами и цвѣтами среди яблокъ, абрикосовъ, персиковъ, айвы, лимоновъ, грушъ, апельсиновъ, я валялся бездыханный въ чуланѣ и ждалъ послѣдней моей участи.

Царь той страны, гдѣ случилась со мной эта скверная исторія, славнаго царя Салтана внукъ—царь Авениръ—Индѣй повелѣлъ въ наказаніе тому, у кого чешется языкъ и кто говоритъ глупости, съѣсть меня — издохшую крысу.

И вотъ нашелся балагуръ, котораго схватили на какомъ-то костюмированномъ балѣ, и отправили ко мнѣ въ чуланъ. И онъ, улыбаясь, явился ко мнѣ въ чуланъ и, тронувъ меня кончикомъ своего остроносаго сапога, сказалъ...

Но что онъ сказалъ и чѣмъ все это кончилось: съѣлъ ли онъ меня или только полакомился фруктами, я, сколько ни старался, не могу возстановить въ моей куриной памяти и, хоть убейте меня, ничего не помню, въ чемъ и прошу глубоко извинить.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Провалился желѣзнодорожный мостъ. Нашъ вагонъ упалъ въ рѣку. Какимъ-то чудомъ я уцѣлѣлъ, и ужъ не могу сказать, какъ это случилось, только я очнулся на берегу и совсѣмъ какъ мать родила. Мнѣ стало неловко, задумалъ я себѣ изъ цвѣтовъ попону сдѣлать, собираю цвѣты, а по рѣкѣ далеко-далеко, вижу, мелькаетъ лодка. И вотъ плавно и чуть колеблясь стала подо мной земля отходить, и скоро я догадался, что я лечу,—я летѣлъ надъ рѣкой. А утро было такое чудесное, такъ бы и летѣлъ вѣкъ вѣчный, а по рѣкѣ плывутъ все гуси да лебеди, гуси да лебеди.

2.

Послали меня въ лѣсъ за орѣхами. „Ступай,—сказали,—собери намъ орѣховъ побольше". Вотъ я и хожу по лѣсу, высматриваю, да неудобно больно, все спотыкаюсь и все нѣтъ ни одной орѣшни. Наконецъ, напалъ, да только ни одного зрѣлаго, всѣ зеленые. „Все равно, понесу я имъ хоть зеленыхъ, если ужъ такая охота пришла..." Нагибаю вѣтку, хочу сорвать, а изъ-за куста, хвать, волкъ на меня. Вижу, дѣло плохо, и говорю: „Ты что жъ, волкъ, неужели меня съѣсть захочешь?!" А онъ будто молчитъ. И опять я къ нему. „Не ѣшь,—говорю,—сѣрый, я тебѣ пригожусь". А самъ себѣ думаю: чѣмъ

это я ему пригожусь? И пока я такъ раздумывалъ, волкъ меня съѣлъ.

3.

Надъ головой высоченное дерево, скрипитъ, вотъ повалится. А я стою подъ нимъ, стою, будто къ мѣсту прикованный.

Скрипитъ дерево жутко, листья осыпаются, а тамъ не то вѣтеръ, не то ужъ сама по себѣ, какъ передъ паденіемъ, трясется верхушка. А я ни съ мѣста.

Скрипитъ дерево, скрипитъ, подламывается, убьетъ оно... А я не могу уйти.

4.

Она сказала мнѣ:

— Эти двери мы взяли съ собой, нельзя было оставить ихъ въ старомъ домѣ. Ты знаешь, какъ онѣ дороги.

Я тихонько пріотворилъ дверь и вошелъ въ мою комнату, а онѣ чугунныя, старыя двери, плавно раскрывшіяся на невидимыхъ блокахъ, такъ же плавно и плотно за мной затворились. Я схватился за ручку двери, дернулъ изо всей силы, но дверь не шевельнулась. И я принялся колотить и стучать кулаками и звалъ. И, выбившись изъ силъ, упалъ у порога и слышалъ только, какъ колотилось ея сердце за старыми чугунными дверями.

5.

Я прошелъ узенькій трясущійся мостикъ отъ скалы къ скалѣ надъ пропастью. А ступить съ него прямо на берегъ невозможно: надо или перепрыгнуть, такъ сдѣлалъ это мой спутникъ, который ужъ стоялъ на берегу, протягивая мнѣ руки, или стать на перекладину—тоненькую дощечку, прикрѣпленную веревками къ какому-то

гвоздю гдѣ то въ облакахъ, а ужъ съ перекладины шагъ— и берегъ. Такъ я и хотѣлъ сдѣлать. Я ступилъ на перекладину, и только успѣлъ схватиться за руки моего спутника, какъ перекладина качнулась, закачалась и— пошла вверхъ и внизъ, выше и выше. И я взлеталъ на этихъ адскихъ качеляхъ, и мой спутникъ леталъ вмѣстѣ со мной—мы качались надъ бездною.

Замирало сердце и задыхалось—и задохнулось.

6.

Тихій осенній дождь, пылящій по густому туману. Я не знаю, куда я иду и зачѣмъ и что меня гонитъ итти? Я долго шелъ и, наконецъ, остановился у городскихъ воротъ. Стражники, молча, отворили ворота, и я очутился на узкой улицѣ между двумя высокими стѣнами домовъ. Какіе-то мужчины и женщины, на головахъ которыхъ были полныя корзины съ хлѣбомъ, двигались мнѣ навстрѣчу. Поровнявшись съ этимъ страннымъ шествіемъ, я остановилъ одного и сказалъ:

— Дай мнѣ розанчикъ.

И мнѣ подали. А я и не знаю, ѣсть мнѣ розанчикъ или въ карманъ положить и снести домой, и вообще то: куда я иду?

— Звѣрей выпустили! звѣрей выпустили!—кричалъ какой-то человѣкъ, пробѣгая мимо меня, а лоскутья красной изодранной рубахи развѣвались у него за плечами, какъ красныя крылья.

И на всѣхъ проходящихъ напалъ такой страхъ, и всѣ, кто былъ поблизости меня, побросали корзины съ хлѣбомъ и пустились бѣжать.

А этотъ отчаянный крикъ... да, теперь ясно, это былъ мой крикъ.

Звѣри, едва замѣтные, быстро выростая, наступали. Черная и дымчатая шерсть на спинахъ щетенилась, и

ярко-желтыя пятна на брюхѣ, переливаясь, жирныя, лоснились. И я стоялъ одинъ, окруженный со всѣхъ сторонъ красными разинутыми пастями; языки красные ходили въ нихъ, какъ маятники.

— Нате вамъ, звѣри, розанчикъ!

И едва я проговорилъ это „нате вамъ звѣри, розанчикъ", какъ всѣ звѣри до одного, и большіе и малые, сѣрые и черные, единоухи и единозубы, рогатые и кусатые, пригнули лапы и задремали.

7.

Попалъ въ кружокъ голыхъ: такъ всѣ безъ всего и ходятъ. „Не очень-то ловко этимъ несчастнымъ",—подумалъ я, глядя на всѣ эти тощія, толстыя, желвастыя, костлявыя, безобразныя фигуры.

Вотъ было бы неловко, если бы мы вдругъ да одѣлись,—сказалъ мнѣ одинъ голый, видимо, подслушавшій мою мысль.

— А развѣ такъ зазорно въ платьѣ?

— Зазорно не зазорно...

— Какіе вы всѣ уроды,—перебилъ я.

— А уроды, такъ и убирайся отсюда, пока цѣлъ,—осердился на меня другой голый.

— А какой самый большой грѣхъ?—спросилъ я.

— Огонь погасить считалось большимъ грѣхомъ. Только мы въ этомъ неповинны, голышемъ въ пожарную команду не примутъ.

— Я тоже не хочу въ пожарные, — согласился я и, отойдя въ сторонку, снялъ сапоги.

8.

Подымалась буря на морѣ, а я сѣлъ въ лодку, потому что мой спутникъ—безстрашный гребецъ. Но когда

мы достигли глубочайшаго мѣста, мой гребецъ сложилъ весла и, насмѣшливо глядя мнѣ въ глаза, поднялся и, схвативъ меня за шиворотъ, какъ кошку, бросилъ въ воду. И я пролетѣлъ всѣ подводные слои: зеленый, мутный, черный, густо-черный и опять: мутный, зеленый, и снова очутился въ лодкѣ. Мы плывемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, но доходитъ какая-то точка, и мой гребецъ складываетъ весла и повторяется все сначала. И, кажется, нѣтъ конца, безъ передышки.

9.

Переѣзжаемъ на новую квартиру: я да мой пріятель — старый чудакъ, который только и дѣлалъ въ жизни, что мѣнялъ квартиры, пока смерть не уложила его въ послѣднюю, откуда трудно уже двигаться. Вещей у насъ много—цѣлый возъ, а лошаденка крохотная, еле тащитъ, такъ какая-то сивка. Съ грѣхомъ пополамъ все-таки добрались до дома. И только что въѣхали въ ворота, возъ—на бокъ, а сивка подогнула подъ себя ноги и стала кошкой, кошка мяукнула и сію же минуту подъ мостикъ. Пріятель мой за ней, шарилъ-шарилъ— „Поймалъ!“—кричитъ и тянетъ, а какъ вытянулъ, смотримъ: вмѣсто кошки мячъ и доска. „Ну, теперь, значитъ, въ лапту будемъ играть“!—обрадовался чудакъ и, какъ бывало въ дѣтствѣ, пустился по двору скакать да мячъ подшвыривать. А я перетаскалъ въ домъ всѣ вещи, разставилъ по порядку, затопилъ печку, поставилъ самоваръ, вымылъ руки и сѣлъ на табуретку отдохнуть. Входитъ пріятель, лица на немъ нѣтъ, подсѣлъ ко мнѣ, плачетъ: „Не могу,—говоритъ,—привыкъ я къ нашему старому дому, а мячикъ кошка съѣла“. Всталъ и вышелъ. Отворилъ я окно, гляжу, а онъ ужъ на пустомъ возу, хлестнулъ сивку и поскакалъ во весь духъ, свиститъ да похлестываетъ.

10.

Я проходилъ по полю среди зацвѣтающей нивы. Пѣлъ жаворонокъ, а со скошеннаго луга доносило свѣжимъ сѣномъ. Мнѣ встрѣтились двѣ женщины, онѣ несли корзину съ полевыии цвѣтами, а въ цвѣтахъ сидѣла дѣвочка.

— Куда идете?—спросилъ я.

— Цвѣты идемъ собирать,—отвѣчали женщины съ корзиной.

И я пошелъ за ними. Шли мы молча, и такъ, не говоря ни слова, дошли до озера.

— Вонъ твои цвѣты!—засмѣялись женщины, показывая на озеро.

Я стоялъ одинъ на берегу озера, а цвѣтовъ никакихъ не было. И съ пустыми руками я повернулъ домой. Зацвѣтая, колыхалась нива, и пѣлъ жаворонокъ. И вдругъ я увидѣлъ въ колосьяхъ ту самую дѣвочку, которую несли въ корзинѣ. Она бросилась ко мнѣ, обняла меня за шею рученками и тихо на ухо сказала:

— Возьми меня съ собой!

Взялъ я дѣвочку на плечи, но шагу не сдѣлалъ съ своей ношей, какъ кругомъ все потемнѣло, задвигались тучи и только надъ головой воронкой сновалъ зеленоватый свѣтъ. А съ земли подымались какія-то странныя птицы съ змѣиными хвостами, и все летѣло туда, къ этому свѣту. Птицъ было великое множество, онѣ не каркали, и, какъ нѣмыя, мычали, и скоро хвостами закрыли свѣтъ. Погасъ свѣтъ, и птицы замолкли. И вотъ среди ночи я опять услышалъ откуда-то изъ страшной дали голосъ маленькой дѣвочки:

— Возьми меня съ собой!

А я и самъ не знаю, куда себя-то дѣвать.

11.

Я прятался въ каютѣ парохода, но тѣ, отъ кого я прятался, какимъ-то песьимъ нюхомъ отыскивали меня. Всѣ они были съ человѣчьими лицами, а туловище ихъ было лягушиное и на рукахъ у всѣхъ перчатки. Такъ какъ они были очень вѣжливы и любезны, то не убивали меня, какъ простые разбойники, а, будто лаская, давили меня мягкимъ брюхомъ и, тихонечко забираясь подъ рубашку, будто гладя, напирали мнѣ на сердце. На окнѣ сидитъ галка и кричитъ. А я знаю, чего она кричитъ, она сейчасъ влетитъ въ комнату, сядетъ мнѣ на плечо и станетъ глаза мнѣ клевать...

— Галка,—прошу я мою черную гостью,—побереги мнѣ глаза, я тебѣ жемчужную ленточку на горлышко навяжу, я тебѣ отдамъ мои руки, только оставь глаза!

Я забился въ уголъ каюты, а тѣ люди лягушиные въ перчаткахъ ужъ идутъ, шарютъ у двери, сейчасъ найдутъ.

12.

Скользя руками по карнизу и опустивъ ноги внизъ на воздухъ, я передвигаюсь по безконечной деревянной крышѣ какого-то безконечнаго зданія. Солнечный свѣтъ ударяетъ мнѣ въ глаза. Подъ руками отваливаются гнилушки, соскальзываютъ руки—духъ захватываетъ, и хотѣлось бы упасть что ли, чтобы конецъ!—но я передвигаюсь.

Мелькаютъ деревья, рѣки, рѣчки, городъ.

13.

Всѣ говорятъ, что мы ѣдемъ на полюсъ.

Мы, дѣйствительно, плывемъ по какой-то рѣченкѣ и мой спутникъ—шаршавый, закутанный въ синюю сто-

ловую скатерть, правитъ весломъ. И какъ-то такъ произошло, что мы и пріѣхали на полюсъ: стоитъ большой каменный домъ, а около кучка народа, и всѣ суетятся и о чемъ-то спорятъ.

— Что случилось?—спрашиваемъ мы у оборваннаго, засаленнаго парня, шелушащаго сѣмечки.

— Да на проходномъ чердакѣ вора ищутъ, всѣ семь дворниковъ весь чердакъ обыскали, а нашли всего-навсего пиджакъ старый,—теперь трое сидятъ тамъ, караулятъ.

„Пропадетъ наше бѣлье",—подумалъ я.

— Да пожалуйте въ эмалированныя комнаты,—сказалъ парень и загоготалъ.

14.

Я подползъ подъ строющійся огромный домъ. Домъ строили такъ, что вся постройка висѣла на воздухѣ, а не падала, потому что толстый канатъ, прикрѣпленный къ фундаменту, соединялъ ее съ землей. Я подползъ съ топоромъ въ рукахъ подъ этотъ огромный домъ и, примостившись какъ разъ въ центрѣ у каната, ударилъ по немъ топоромъ и рубилъ его изъ всей силы. И когда казалось мнѣ, что еще ударъ и домъ рухнетъ, кто-то сверху плюнулъ на меня.

15.

Мой братъ и я, мы вошли въ церковь. Шла вечерня. Иконъ не было,—производился, должно быть, ремонтъ. На пустомъ иконостасѣ сбоку свѣтился золотой кругъ. Передъ этимъ кругомъ стоялъ священникъ въ эпитрахили. Пѣлъ дьячекъ. Никого, кромѣ насъ, не было. И намъ было неловко, что никого, кромѣ насъ, не было.

Вечерня кончилась. Мы подошли къ священнику

подъ благословеніе. Вышелъ изъ алтаря дьяконъ и говоритъ брату:

— У васъ все есть, чтобы рости, а у васъ,—онъ обратился ко мнѣ,—нѣтъ ничего.

А я подумалъ: и вправду, на братѣ—матросская курточка, если бы онъ ее носилъ, она лѣзла бы вверхъ, на мнѣ же—нѣтъ. И замеръ отъ страха: носъ къ носу стоялъ передо мной человѣкъ, который, я это почувствовалъ, замышляетъ противъ меня недоброе. Я бросился въ окно. Думаю: зачѣмъ это братъ дружитъ съ такимъ? Въ это время въ домъ, въ которомъ я очутился, входитъ мой знакомый—хромой—и подаетъ мнѣ сапожное шило: такъ вотъ онъ чѣмъ собирался пырнуть меня! Мы сѣли въ лодку и, свистя соловьями, стали отчаливать. И подвернулся какой-то мальчикъ, прыгнулъ къ намъ, и медленно стала погружаться лодка.

16.

Я подошелъ къ поѣзду, который стоялъ далеко за городомъ въ полѣ. Я прошелъ всѣ вагоны, остановился у послѣдняго, раздѣлся и хочу купаться. И вдругъ поѣздъ тронулся и, пыхтя, сталъ ускорять ходъ. А я бѣжалъ за нимъ, хотѣлъ нагнать, но онъ спѣшилъ и уходилъ отъ меня все дальше въ глубь поля. А тутъ подошли какіе-то бритые люди и говорятъ: „На тебѣ билетики, считай!“ Билетиковъ была цѣлая кипа, а требовалось, всѣ пересчитавъ, уложить по номерамъ. Сталъ я считать и раскладывать, и когда дошелъ до конца, явились опять бритые и принесли новую кипу, смѣшали старые билетики, и началъ я сызнова считать и раскладывать. И всякій разъ, какъ я доходилъ до конца, приходили эти бритые, несли новые и новые билетики, мѣшали старые, а я считалъ—чортъ бы ихъ побралъ!

17.

Лежу въ пустой комнатѣ и чувствую, что подъ кроватью привсталъ кто-то, повернулся и затихъ. Я насторожился, слышу: лапы хрустнули, и теперь шершавое что-то поползло по полу и, должно быть, наткнувшись брюхомъ на мои сапоги, заворочалось, отдохнуло и и опять поползло.

Я лежу, не шелохнувшись, и знаю, что оно близко, что вотъ обойдетъ оно стулъ, намѣтится и вспрыгнетъ на меня.

18.

Завелись въ домѣ мыши и бѣгаютъ. Я подкараулилъ одну мышку и поймалъ за хвостъ. А она хвать!—и укусила меня за палецъ. И изъ того мѣста, куда она укусила, выросли длинные волосы. Я выпустилъ мышь, упала она на полъ, сидитъ и не уходитъ.

— Надо осторожно,—нешто можно такъ?—надо приласкать!

И я взялъ тихонько за лапку, погладилъ мышку, а ужъ она на шею ко мнѣ, вытянула мордочку, усиками водитъ.

19.

Мы стояли на краю кратера. Длинный, который отъ меня не отходитъ вотъ ужъ сколько времени и разсказываетъ мнѣ всякія глупости, перепрыгнулъ, не облизнувшись, а я упалъ. И вотъ со страшными усиліями въ чернотѣ я цѣпляюсь руками за какія-то вѣшалки и подымаюсь вверхъ на землю. А Длинный будто кричитъ мнѣ:

— Вылѣзай скорѣй, я тебѣ макароны сварилъ, боюсь простынутъ, солененькія.

Богъ съ тобой и съ макаронами—чернота ѣстъ глаза, хоть бы вылѣзти-то.

20.

Изъ скворешницы вылетѣла стая голубей. Одинъ бѣлый съ красными глазами покружился со стаей и камнемъ упалъ къ моимъ ногамъ. Я поднялъ его и, высоко подбросивъ вверхъ, крикнулъ:

— Лети, догоняй твою стаю, эвона!

А голубиное сердце такъ и ходило подъ бѣлыми перьями. И снова голубь лежалъ у моихъ ногъ.

Я подбросилъ его и крикнулъ еще громче, чтобы летѣлъ онъ за стаей и догонялъ ее.

Но бѣлый голубь, взлетѣвъ высоко, куда выше стаи, палъ ко мнѣ, и голубиное сердце подъ бѣлыми перьями не билось.

21.

Красная, раскаленная, слегка покрытая пепломъ степь. Два красныхъ и сильныхъ борца схватились въ отчаянной схваткѣ. И тотъ, который выглядѣлъ старше и тѣло котораго было смуглѣй, побѣдилъ. Я бросился къ этому побѣдителю и, схвативъ за руку, укусилъ и, не вынимая зубовъ, захлебываясь въ темной густой крови, выбивающейся изъ раны, смотрѣлъ въ его глаза, помутнѣвшіе отъ боли, смотрѣлъ долго и зналъ вѣрно: онъ вырветъ руку и прихлопнетъ меня.

А кровь такъ и льется.

22.

Весь домъ содрогался отъ грома. На мигъ голубовато-бѣлый свѣтъ открывалъ небо и снова становилось темно, какъ осеннею ночью. А былъ полдень. И я, какъ

слѣпой, бродилъ по угламъ, ища ключъ отъ двери моей комнаты, гдѣ я самъ себя заперъ. И когда я упалъ отъ отчаянія и думалъ о днѣ, котораго никогда не будетъ, странное разлилось вокругъ, будто радужное облако, которое выплывало въ окно изъ бѣлаго дня.

А знакомый голосъ, носовой, сказалъ съ оттяжкой:

— Битый небитаго везетъ.

23.

Нечего было дѣлать, я взялъ единственное, что нашелъ во всемъ домѣ,—старый тюфякъ, и понесъ его куда-то по широкой дорогѣ, которой конца не видать. Когда еще я подымалъ мою ветхую ношу, мнѣ показалась она необыкновенной, и вотъ я снялъ чехолъ и присѣлъ, увидѣвъ сплошное гнѣздо: сѣрыя насѣкомыя кишѣли и, поѣдая другъ друга, липкія, тутъ-же водились.

— Ахъ!—кто-то вскрикнулъ за моей спиной.

Я наклоняюсь все ближе къ отвратительной живой гущѣ——А тотъ же голосъ опять—

Разсвѣтало.

24.

Ко мнѣ пришелъ К., мой знакомый музыкантъ и сочинитель, уѣзжаетъ надолго, можетъ быть, навсегда, пришелъ проститься.

И я поцѣловалъ его въ макушку. А онъ обертывается ко мнѣ и, притрогиваясь носомъ къ моему носу, говоритъ:

— Надо вотъ такъ, такъ цѣлуются сфинксы.

Я же подумалъ: ты-то, можетъ быть, сфинксъ, а я всего только птица.

25.

Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ я не отхожу отъ больной старухи: у нея толстыя ноги и птичій носъ.

Она лежитъ на кровати и охаетъ, а я сижу возлѣ на стулѣ и исполняю всѣ ея прихоти. Я боюсь ее оставить, она очень безпокойная. Мнѣ показалось, что она заснула, слава Богу, заснула! Я тихонько вышелъ изъ комнаты. Потомъ отворяю дверь, смотрю, а изъ печки только ноги ея торчатъ. Господи, что же это такое!— бросился, чтобы изъ печки ее вытащить, схватился за ноги, а ноги ужъ мертвыя.

26.

Попалъ на литературный вечеръ. Скучища смертная. Предсѣдатель—старецъ въ черныхъ очкахъ, въ черной оправѣ спитъ. А читаютъ все извѣстныя истины, но съ такимъ глубокомысліемъ, будто до этого вечера никто о нихъ и не зналъ. Я лежалъ у эстрады и смотрѣлъ въ ротъ чтецамъ. Потомъ взялъ извозчика и поѣхалъ на санкахъ домой. Но дома мнѣ сказали, что меня ждетъ какая-то дама.

— Кто такое?

— Жена архимандрита.

— Что вамъ надо?

А она—огромная подъ потолокъ и вдругъ, какъ заплачетъ да тоненько такъ...

27.

Долго шли мы по рѣкѣ въ бродъ, видны были только наши головы, впереди мой пріятель, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ, вѣчно пьяный съ краснымъ отекшимъ лицомъ, за нимъ я. Онъ шелъ лѣниво, опустивъ свою взлохмаченную сѣдую голову, изрѣдка оглядываясь и лукаво подмигивая мнѣ. Вотъ мы добрались до какого-то дома и мокрые вошли въ залъ. Тамъ балъ, много

танцующихъ паръ и веселая музыка. Сразу все остановилось, всѣ обратили на насъ глаза. А мы мокрые, какъ гуща.

— Танцовать! танцовать!—вдругъ всѣ закричали, и грянула музыка, и звуки такіе были веселые, подмывали кружиться, безъ конца, безъ передышки...

А мнѣ больше не хотѣлось итти въ бродъ, я сѣлъ въ вагонъ и поѣхалъ. Поѣздъ остановился среди открытаго поля. Я пошелъ въ станціонную будку и сѣлъ у окна.

— Ѣдутъ, ѣдутъ!—пробормоталъ стрѣлочникъ, проходя мимо, и тотчасъ прокатила карета, въ окнѣ виднѣлась пара, она—въ вѣнчальномъ уборѣ, онъ—во фракѣ—молодые! И только что молодые скрылись, загрохотали огромныя дроги, а на дрогахъ лежалъ громадный трупъ. Лошади неслись во весь духъ, не было кучера, никто не правилъ.

Я выскочилъ изъ будки, пошелъ по полю. Поле пыльное и вѣтеръ пыльный.

28.

Умеръ нашъ отецъ. Насъ четыре брата. И вотъ, будто мы всѣ вчетверомъ подняли гробъ и спускаемся внизъ по лѣстницѣ. И вдругъ крышка треснула и большой кусокъ откололся отъ гроба. А мы все несемъ и страшно намъ, потому что не знаемъ, что въ гробѣ осталось, а не знаемъ потому, что не видимъ, а посмотрѣть не можемъ. И спускаемся по лѣстницѣ внизъ.

29.

Ясный день бабьяго лѣта. Я вышелъ на террасу и смотрю на облетѣвшій садъ, а по желтой, листьями по-

крытой дорожкѣ, ведущей къ террасѣ, вижу, старуха идетъ старая-престарая, оборванная, лицо мокрое, такое сморщенное, кажется совсѣмъ черное. И взяла меня жуть, страшно старухи: не спроста идетъ; чувствую, замышляетъ она какую-то пакость. Я съ террасы—къ двери, да по лѣстницѣ на верхъ, самъ бѣгу, а самъ слышу,—она тоже бѣжитъ. Я—въ одну комнату, она за мной, я—въ другую, и она тутъ какъ тутъ. Я забился въ уголъ за кровать, скорчился весь: Господи, думаю пронеси, хоть бы мимо прошла.

— Чего ты меня боишься,— слышу голосъ старухи,—я—твоя мать!

— У меня мать совсѣмъ не такая,—говорю ей, а самъ ужъ думаю: неужто моя мать стала такой?

А старуха наклонилась, да за шею меня цапъ.—Я закричалъ.

30.

Подыматься было очень трудно въ этомъ странномъ зданіи, похожемъ на башню, съ пустой середкой,—почти невозможно. Мѣстами ступеньки были обглоданы, такъ что сажени полторы приходилось перешагивать и ползти. Насъ взбирается много, но мы другъ друга не знаемъ, хоть и дѣлаемъ видъ, что до самыхъ корешковъ въ каждомъ каждому ясно. Внизъ смотрѣть нельзя, а кто посмотритъ — были и такіе смѣльчаки,—тотъ—готово дѣло—прямо головой въ погребъ. Погреба никто не видитъ, только всѣмъ извѣстно, что онъ существуетъ, холодный и темный. Наконецъ, достигли площадки: площадка крѣпкая, желѣзная, на желѣзныхъ брусьяхъ.

Классная дама, не то монашенка изъ классныхъ дамъ—стоитъ на площадкѣ и каждому показываетъ въ окошко міръ. Она такъ и говоритъ:

— Смотрите, дѣти, міръ.

Солнечный закатъ, огромные дома, гигантскіе колодцы—журавли, пожарныя части и церковь—высокая колокольня, а на крестѣ прицѣпились люди и тоже на міръ смотрятъ. У нихъ страшнѣе, чѣмъ у насъ, какъ только они держатся!

На міръ долго смотрѣть не разрѣшается, и классная дама даетъ каждому сало. Мы мажемъ правый бокъ саломъ, женщины подвязываютъ юбки, и такъ спускаемся: на веревкѣ спускаться по салу легко.

— Здѣсь внизу, навѣрное, фрески есть старыя?—обращаюсь я къ моему сосѣду—старику въ алюминіевыхъ сапогахъ.

— Старое, очень старое зданіе, Каиново.

Старушка съ мышиными лапками крестится:

— Иконы,—говоритъ она, показывая единственнымъ пальцемъ на стѣну,—всякія обмоленныя и необмоленныя, Сиротка-Спаситель, четыре праздника.

Иконъ, дѣйствительно, много, а въ маленькія рѣшетчатыя окна, по которымъ приходится скользить туловищемъ, видны схимники.

Мимо погреба проходили очень осторожно, боялись упасть.

— А если итти Богу молиться?—спрашиваетъ старуха съ мышиными лапками.

— Все зависитъ отъ Миракса Мираксовича,—отвѣчаетъ молодой человѣкъ, рогастый.

И мы незамѣтно скучиваемся и стараемся, если можно, такъ держаться, чтобы разнять насъ нельзя было, потому что краснокожіе, которые живутъ въ комнатахъ, окружающихъ погребъ, проснулись. Вонъ они схватили одного мальчика и потащили, а куриныя перья, покрывающія красныя бедра, такъ и мелькаютъ. Насъ все меньше и меньше, а ихъ цѣлая армія.

— Теперь васъ, навѣрное!—говоритъ какъ бы шутя больная женщина съ мѣшкомъ для провизіи, на мѣшкѣ левъ нарисованъ.

А мнѣ только и хочется, попасть бы въ середину, и я начинаю быстро считать, думаю, поможетъ, а ноги ужъ деревенѣютъ... Пропалъ,—схватили!

КОНЕЦЪ.

Примѣчаніе. Къ всякому сну одинаковое заключеніе: — „Тутъ и проснулся".

Мака.

С. П. Ремизовой-Довгелло.

1.

Сашѣ въ апрѣлѣ минуло три года. Три года, какъ владѣетъ Саша старымъ замкомъ славныхъ Задоръ и всей землей Оленовской съ широкой степью, полями, лугами и лѣсомъ до бабушкиной вишневой Гаёвки, которую тоже считаетъ своей.

И вотъ ужъ три года, какъ впервые послѣ многихъ лѣтъ въ одной изъ замковыхъ башенъ затеплился свѣтъ, а днемъ по саду зазвенѣлъ дѣтскій голосокъ, а на закатѣ выглянула изъ окна башни дѣвочка въ красной, шитой золотомъ, шапочкѣ, и всѣ отъ мала до велика: и бабушка Ефросинія Ивановна, и дядя Андрей, и тетя Вѣра, и тетя Лена, и дѣвочка-нянька Галька и вся дворня съ Надеждой ключницей, коровницей Ѳедоской, старой горничной Полей до молодыхъ поденщицъ: Марьи, Варвары, Ѳимы, Катерины, и старый кучеръ Давыдъ, и сторожъ Тарасъ, и землемѣръ Бектеръ, и докторъ Коротокъ, и Кузнецовскій сосѣдъ Брюхъ и Брюхова дочка—гимназистка Маня, и учитель ея, студентъ Михаилъ Петровичъ, и батюшка о. Евтихій со всѣмъ церковнымъ причтомъ, и старая охотничья собака Кадошка и двѣ другія дворняшки, Буцикъ и Мишка, и подтишковая собаченка Дранка и, наконецъ, коза Машка,—словомъ, всѣ обитатели замка и сосѣди на много верстъ до самой желѣзной дороги признали въ дѣвочкѣ свою королеву и подчинились ея капризной волѣ.

Единственная только тетушка Татьяна Аѳанасьевна—тетушка дѣдушки Юрія Александровича, властолюбивая и поперечная, не знающая надъ собой иной воли, кромѣ Божеской и государевой, долго не хотѣла сдаваться, но и та въ концѣ-концовъ покорилась, и о Рождествѣ подарила Сашѣ фамильный медальонъ.

И Саша крѣпко берегла эту золотую знатную игрушку, запрятавъ ее въ самый уголъ отведеннаго ей краснаго шкапчика подъ охрану лысаго зайца съ барабаномъ и двухъ золотыхъ волошскихъ орѣховъ, сохранившихся отъ первой елки. И ходила за медальономъ, какъ за своимъ сокровищемъ: купала его въ своей ванночкѣ вмѣстѣ съ голышками бѣлымъ и чернымъ, а съ „мерблюдомъ", заводной зеленой лягушкой, велосипедистомъ, волчкомъ и тремя красавицами-куклами: Катюшкой безглазой съ пробитымъ черепомъ, Алексѣевной безрукой со стертымъ лицомъ, и самой нѣжной и самой любимой Вѣрой въ тряпочкахъ, совсѣмъ безголовой, выкидывала его изъ окошка козѣ поиграться, какъ выкидывала тетушкины звонкіе ключи отъ безчисленныхъ, набитыхъ добромъ, сундуковъ, чтобы имъ травки на волѣ поѣсть и чтобы по травкѣ побѣгать.

Красный шкапчикъ, доверху полный, хранитъ много разныхъ сокровищъ: много лежитъ и стоитъ тамъ любимыхъ игрушекъ.

Если спросятъ Сашу: какъ она любитъ?—она тотчасъ крѣпко обниметъ какого-нибудь картоннаго медвѣдя, либо вындрика звѣря—безухаго о двухъ лапкахъ стремящагося зайца и скажетъ:

— Вотъ какъ люблю!

Всякій день осаждается замокъ: всѣ хотятъ посмотрѣть королеву. И Саша, ласковая, охотно всѣхъ принимаетъ, со всѣми здоровается и разговариваетъ, а въ знакъ своей милости избраннымъ отдаетъ весь свой красный шкапчикъ, но потомъ все отбираетъ.

Такова ужъ воля этой бѣленькой дѣвочки въ красной, шитой золотомъ, шапочкѣ, королевы Оленовской.

2.

Саша—дѣвочка толстенькая и щечки у нея толстенькія и губки такія же, а надъ ними носикъ торчитъ и не простой, а съ защипкой: и его потрогать манитъ и тронуть страшно,—очень ужъ мягкій и маленькій. Саша говоритъ: онъ мяконькій—и если его трогаютъ, такъ вся морщится, звѣркомъ вся кажется, такимъ звѣркомъ съ синими прелукавыми глазками.

А волоски у Саши хоть по времени и не маленькіе, растутъ, какъ по-настоящему, и хоть отрасли порядочные, да коску все-таки не заплетешь никакъ, развѣ такую самую маленькую—съ хвостикъ.

Завелась дурная привычка выдергивать волоски.

И сколько разъ Арапъ навѣдывался и, скаля бѣлые зубы, черный, про выдранные волосики справлялся, но Саша чумазаго ничуть не забоялась, напротивъ, сдѣлала своимъ первымъ приближеннымъ и, конечно, выдергивать волоски не переставала—всякій день этимъ занималась.

Такой оказался у ней пальчикъ—большой на лѣвой рукѣ—дерунъ называется.

Дальше да больше—и полысѣла головка; пришлось тетѣ Ленѣ по совѣту того же Арапа остричь подъ гребенку Сашу, и очутилась Саша совсѣмъ голенькая съ овсяными пенушками на лобастой головкѣ. Да не тутъ-то было, и онѣ, эти пенушки, еле замѣтныя, дались ей, какъ самыя долгія: безпрестанно пальчикомъ-деруномъ дотрогивается и такія крохотныя вырываетъ.

Ручки у Саши маленькія, какъ у мамы и у бабушки, а ноготки, что жемчужинки. И опять бѣда: большой палецъ на правой рукѣ нехорошій — замуслеванный

кладетъ его Саша себѣ въ ротикъ и сосетъ, какъ медвѣдюшка, вотъ почему одинъ онъ сосунъ нехорошій. Пробовали отучать, дѣлали подходы всякими манерами: и мазали-то пальчикъ горчицей и мазали хиной, и ни злая горчица, ни горькая хина не возымѣли своего дѣйствія,—оближетъ, поплюетъ и опять въ ротикъ.

Звали Арапа, думали, повліяетъ, а вышло какъ разъ обратное: оказалось, что и самъ Арапъ сосетъ да и превкусно, потому что, какъ тутъ же растолковала Саша: пальчикъ гораздо вкуснѣй шеколадки.—Что подѣлаешь? Ничего не подѣлаешь,—осталось Индѣйцевъ призвать. Эти Индѣйцы нападеніе дѣлаютъ на тѣхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые одни въ садъ забираются и тамъ клубнику съ молочкомъ ѣдятъ,—и пока Индѣйцы нападеніе дѣлали, Саша пальчикъ не сосала; но вотъ проходило нѣкоторое время, Индѣйцы пропадали, появлялся какой-нибудь Великанъ-Волшебникъ или Египетъ или Зеленый котъ изъ Театра, и опасность кончалась,—принималась Саша снова за пальчикъ.

Дерунъ да Сосунъ—сущая бѣда.

А какая она веселая,—просто такъ, очень ужъ весело. И когда улыбается, надъ верхней губкой темное родимое пятнышко нѣжитъ улыбку, и глядѣлъ бы и цѣловалъ бы да въ самое пятнышко, чуть-чуть влажное, когда жарко.

— Саша, я тебя съѣмъ!

— Что?

— Съѣмъ, говорю, потому что... что жъ я съ тобой сдѣлаю, такая ты...

— Макая?—и ротикъ зубастый снова улыбается.

— Такое точно родимое пятнышко,—замѣчала тетушка Татьяна Аѳанасьевна, пристально вглядываясь и разсматривая плутоватую правнучку,—было у бабушки Елизаветы Михайловны, а покойная графиня Лидія Пет-

ровна на этомъ мѣстѣ мушку носила, что означало вѣтренность, такъ и скончалась.

О мушкахъ тетушка вспоминала съ особеннымъ чувствомъ и часто, а Саша требовала подать ей немедленно мушку и кричала, не успокаивалась, пока не ловили ей настоящую муху.

— Вылитая мать,—говорила тетушка и ужъ сама съ собой продолжала нить дорогихъ воспоминаній о далекихъ временахъ, богатыхъ, не теперешнихъ.

Своевольная дѣвочка; своевольной и настойчивой, обойдешь всѣ государства, а такой не найдешь: что захочетъ, все на своемъ поставитъ. Да и такой разбойницы врядъ ли сыскать.

Ужъ возьмется разбойничать—ни на что не посмотритъ, такая озора: то помчится мыть руки и, прежде чѣмъ успѣютъ поймать, вымочится до локтей, то стащитъ у дяди Андрея табакъ и примется набивать папиросы, и, конечно, весь табакъ на полу очутится.

Сашѣ нравится въ церковь къ обѣднѣ ходить. И какъ только услышитъ звонъ, сейчасъ же торопится въ церковь. Ходитъ она съ тетей Леной и съ мамой. Зимой рѣже, лѣтомъ чаще. Лѣтомъ носитъ на цвинтаръ цвѣточковъ дѣдушкѣ на могилу.

Всякій знаетъ, что съ батюшкой она пріятельница. Батюшка о. Евтихій ей просвирку присылаетъ, а на Троицу цвѣтовъ далъ отъ жертвенника. Зато, какъ пріѣхалъ батюшка съ крестомъ на первый день Рождества, такъ она ему все „Рождество Твое, Христе Боже нашъ“—отхватила и нигдѣ, кажется, въ словахъ не ошиблась.

Когда Саша причащается, всегда какія-нибудь исторіи бываютъ: либо на всю церковь разговаривать примется, либо просто требуетъ, чтобы поскорѣе причащали, либо ужъ запоетъ да такъ,—совсѣмъ другое.

Пѣніе вообще любимое занятіе Саши. Она и сама поетъ и другимъ велитъ, чтобы пѣли.

И весь замокъ зиму и лѣто соловьемъ заливается: поетъ бабушка Ефросинія Ивановна, поетъ тетя Вѣра и тетя Лена, поетъ мама.

Ну, а кто ужъ дѣйствительно поетъ и съ удовольствіемъ, такъ это дядя Андрей. Прежде, бывало, чуть ротъ раскроетъ, и всѣ, какъ одинъ, напускаются на него и просятъ перестать, а теперь ужъ не то, теперь пой во всю, пожалуйста, потому что Саша очень одобряетъ да еще и требуетъ всякій разъ повторенія.

А что дѣлается на Святкахъ, когда въ замкѣ зажигается елка, въ печкахъ ухаетъ солома, а за окномъ вѣтеръ и метель, застилая окна бѣлоснѣжной плахтой, своевольные, носятся въ дикой охотѣ.

Заунывныя колядки наполняютъ старый замокъ. Двадцать пять лѣтъ, какъ о. Евтихій строго запретилъ колядовать, но тайкомъ колядуютъ. И долгій припѣвъ, заунывнѣй всей пѣсни, сливается съ метелью и вѣтромъ: „Святый вечоръ"...

Саша садится среди дивчатъ и сидитъ съ внимательной мордочкой, не шелохнется, и кажется, она все понимаетъ и видитъ: и какъ Матерь Божія въ шинкѣ Сына повиваетъ и какъ Христа распинали, и какъ соколъ-конь прощается... „Святый вечоръ"...

— Еще!—требуетъ королева, не давая передышки.

Ужъ дивчата изъ послѣднихъ орутъ, но властное: „еще и еще!" не прекращается.

Казачекъ смѣняетъ колядки. Ловко танцуетъ Ѳедоска. И танцуетъ до упада, пока не околотитъ Саша всѣ себѣ ручки, хлопамши въ ладошки.

На елку приходятъ сосѣдскія дѣти,—Брюховы дѣти, которыхъ, кромѣ гимназистки Мани, еще штукъ десять. Саша вертитъ ими по-свойски: заставляетъ пѣть и пля-

сать и первая поетъ и пляшетъ, потомъ доритъ и надѣленныхъ отпускаетъ домой.

Подъ Новый годъ Саша щедруетъ.

„Щедрикъ-ведрикъ! Дайте вареникъ, грудочку кашки, кольцо колбаски. Щей того мало, дайте сала, щей того трошки, дайте лепоски, або дайте кобасу, я до дому донесу“... повторяется съ утра до вечера, какъ повторяется несчетно разъ: „Сій, Боже, роди, Боже, жито, пшеницу, всяку пашницу. Съ праздникомъ, съ Новымъ годомъ!“ —когда на Новый годъ Саша засѣваетъ.

Шумно проходятъ Святки,—„макое“ время.

3.

Бабушка много играетъ съ Сашей за долгую зиму: по утрамъ онѣ возятъ куколъ съ игрушками по залѣ кататься и заѣзжаютъ то въ столовую, то въ спальню, то въ кабинетъ, то въ диванную, потому что все время какой-то будто дождикъ идетъ. И каждый разъ выгружаютъ пассажировъ и опять всѣхъ усаживаютъ. Потомъ готовятъ кукламъ обѣдъ, кормятъ всѣхъ куколъ. Куклы танцуютъ, ходятъ въ школу, хворяютъ, бѣгаютъ,—и за всѣмъ надо глазъ имѣть и все надо сдѣлать, чтобы куклы были довольны.

Еще только тепломъ чуть повѣетъ и снѣгъ въ саду загрязнится, а Саша ужъ просится на сѣнокосъ погулять и все мечтаетъ о лѣтѣ, когда даже бабушка, такъ думаетъ Саша, будетъ молодая и станетъ бѣгать по саду.

Съ тетей Леной чаще игра въ сѣнокосъ: усаживаетъ Лену на полъ, будто на копицу, а сама около ходитъ, сгребаетъ сѣно.

Но вотъ дни прибываютъ, жарче играетъ солнце, и всякій день увѣряетъ Саша, что куклы ходили и говорятъ, что просохло, что вѣтеръ обѣщалъ не шумѣть, а дождь—не идти.

Снѣгу все меньше, такъ кое-гдѣ бѣлѣетъ, а на желтыхъ нарциссахъ ужъ большіе бутоны.

И Саша гуляетъ по саду и все вспоминаетъ, какъ было лѣтомъ, какъ ходила купаться мама, гдѣ онѣ съ Леной играли и какъ уронили кружку въ колодецъ.

— Когда снѣгъ сойдетъ,—говоритъ Саша,—такъ мы ее достанемъ, привяжемъ палку, къ палкѣ тряпку и будемъ доставать.

Такъ ждутъ не дождутся Весны—теплаго времени.

И она, наконецъ, пріѣзжаетъ въ Оленовку на сошечкѣ, на бороночкѣ, на ржаномъ колосу красна—„макая“ съ тепломъ да съ Пасхою.

4.

Старый да малый—тетушка да Саша, не разберешь.

Сталъ у тетушки костыль пропадать,—тетушкѣ подъ сто, безъ костыля не въ мочь двигаться. Хватится тетушка пройти прогуляться, а костыля нѣтъ, какъ въ воду канулъ, вотъ и ищутъ и Саша ищетъ и хоть бы улыбнулась, плутовка...

Ну, и тетушка въ долгу не осталась: стали у Саши игрушки пропадать.

Тетушка любитъ проводить время въ уединеніи. Въ сумеркахъ, въ грустные закатные часы одна садится гдѣ-нибудь въ углу портретной и, глядя на черноглазую Сомовскую жеманницу въ завиткахъ и бантикахъ, передвигаетъ палочки — игрушку съ Козло-баранами. Козло-бараны мѣрно стукаются деревянными лбами, изъ золотой рамы улыбается жеманница, и улыбается тетушка,—на какихъ только веселыхъ балахъ она ни танцовала, а какіе были тогда кавалеры, какіе вальсы...

И, вдоволь наигравшись, тетушка прячетъ игрушку, достаетъ другую, какого-нибудь Кузнеца-Медвѣдя, и Кузнецъ-Медвѣдь куетъ ей золотое стародавнее время...

И ей не кажется, что скоро ужъ въ могилу, нѣтъ ей шестнадцать лѣтъ, а можетъ быть и меньше.

Встаетъ Саша спозаранку вмѣстѣ съ бабушкой и тетушкой, только одна горничная Поля встаетъ раньше.

Всякое утро тетушка проходитъ въ залъ молиться чудотворной Задоринской Божьей Матери. Лѣвой рукой она строитъ кукишъ на отогнаніе Бѣса и, крѣпко держа его за спиной, принимается молиться. Саша, еще не одѣтая, въ однихъ чулочкахъ и лифчикѣ, сбѣгаетъ изъ башни въ залъ тоже молиться и, неумѣло, по-чудному крестя себѣ лобикъ, кланяясь, ловитъ лѣвой рученкой трясущійся тетушкинъ кукишъ.

Со страхомъ и трепетомъ, забывая молитву, озирается тетушка: не отпорхнулъ-бы отъ нея Ангелъ Хранитель.

И часто ей кажется, что Ангель Хранитель отпархиваетъ. День не удается, всѣ тетушку обижаютъ, тетушкѣ не даютъ любимаго пупочка.

Нѣтъ милѣй изъ всѣхъ кушаній, какъ вареный куриный пупочекъ. Пупочкомъ можно многое сдѣлать: можно заставить Сашу съѣсть супу и говядины, а не кушать одно молочко и безъ хлѣба, можно заставить переодѣться, умыть мордочку, хоть за мытьемъ дѣло не останавливается, другой разъ требуетъ, чтобы и всѣ умывались и безъ всякой нужды, часъ же на часъ не приходится, но самое главное—этимъ пупочкомъ можно заставить не гулять подъ дождемъ.

Тетушка таскаетъ у Саши пупочки и такъ это ловко, что услѣдить невозможно; хватятся, а отъ пупочка только одна жилка тянется.

— Надо откладывать на другое блюдо,—скажетъ тетя Вѣра. Она старшая, и это выходитъ строго.

А тетушка и вида не подастъ. Съѣла.

Съ обѣдомъ вообще не легко. За обѣдомъ всегда что-нибудь да неладное выходитъ.

Сашу усаживаютъ на высокій раскладной стульчикъ, подвязываютъ подъ шейку салфетку. Тетя Лена начинаетъ разсказывать долгія повѣсти. Содержаніе повѣстей складывается изъ обыденной жизни, просто и съ такой несложной развязкой и съ такими очевидными подробностями, которыя если и бываютъ такъ ясны, то только во снѣ. Разсказывается, напримѣръ, какъ Брюхова Маня въ гимназію уѣзжала. Маня, дядя Андрей, сосѣдъ Брюхъ и землемѣръ Бектеръ—безъ нихъ дѣло не обходится. И подъ такія повѣсти Саша кушаетъ. Не дай Богъ тетѣ Ленѣ запнуться и не отвѣтить на прерываемые разсказъ вопросы: почему? гдѣ? сколько? когда? и на постоянныя поднукиванія: а дальше? а дальше?—тутъ ужъ подымется такой крикъ и такія польются слезы, что ни Маня, которая лѣтомъ аккуратно появляется за первымъ блюдомъ, ни самъ пупочекъ, никакой коржикъ не утѣшатъ ни горькихъ слезъ, ни пронзительнаго отчаяннаго крика.

А то бываетъ и такъ: садиться за столъ, а Саши нѣтъ, видѣли сію минуту тутъ вотъ, и нѣтъ нигдѣ, изъ-подъ носа скрылась. Ума не приложатъ, искамши; обѣгаютъ садъ, заглянутъ на клунѣ, въ амбарахъ, обыщутъ дровотню, возовню, хлѣвъ, конюшню, а она какъ ужъ совсѣмъ обезножатъ, при всѣхъ тутъ возьметъ да изъ печки и вылѣзетъ—черная измазанная—арапъ-арапомъ и такъ смѣется—мертвый въ гробу разсмѣется, и такъ отъ смѣха весело станетъ,—умереть можно.

На кухнѣ тоже осматривайся. Станутъ раскатывать тѣсто, чтобы въ печь хлѣбы ставить, ужъ какъ схоронятся, Надежда ключница и дверь припретъ и табуреткой заставитъ, а Гàлька примется пѣсни пѣть казацкія да разбойничьи, и все какъ будто есть, такъ нѣтъ-же: сквозь щель проберется и обязательно своими ручками булку возьмется дѣлать, и покатится тѣсто по полу и уваливается грязное и пыльное, а потомъ чтобы печь...

Одному Кадошкѣ въ удовольствіе—этотъ Кадошка! не тронуть, не выгнать изъ комнаты—ему все и идетъ.

Издавна славилися Задеры большимъ хлѣбосольствомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ объявилась Саша, и того больше. Не только Кадошку, но и всякаго, хочешь не хочешь, подвернулся, и напоитъ, и накормитъ, прямо напичкаетъ: пей, ѣшь до отвала, только чуръ не отказываться,—суетливая дѣвочка.

Сашѣ все хочется, чтобы всякое дѣло самой дѣлать и собственными руками. У ней есть своя маленькая метелка изъ бурьяна, которой она всякое утро полъ мететъ. Метелка больше соритъ, чѣмъ соръ собираетъ, но зато сколько старанія: подъ каждую кровать залѣзетъ и около каждаго дивана разъ десять нагнется.

Порядокъ прежде всего.

Послѣ обѣда Саша играетъ съ Маней въ Калечину-Малечину, въ пряталки и въ песочекъ.

Въ Калечину-Малечину играютъ такъ: гдѣ-нибудь у стараго плетня выбираютъ палочку, уставляютъ палочку отвѣсно на указательномъ пальцѣ ладонью вверхъ и, проговоривъ обращеніе: „Калечина-Малечина, сколько часовъ до вечера?“ начинаютъ вприпрыжку считать, пока палочка съ пальца не свалится. На какомъ числѣ счетъ оборвется, столько часовъ, выходитъ, и осталось до вечера.

У Саши число наибольшее, потому счетъ у ней свой и ведется по-своему: разъ, два, три, десять, двадцать да десять да двадцать да и обсчелся, притомъ она хитритъ: большимъ пальцемъ сосуномъ палочку придерживаетъ.

Въ пряталки—игра всѣмъ извѣстная. Прятаться можно вездѣ: и въ хлѣву и у Дранки въ конуркѣ, только не подсматривать. Саша прячется за дверью. Просто, а не догадаешься.

Все это игры мирныя, а вотъ съ песочкомъ всегда неудовольствія. Саша не допускаетъ возможности, чтобы

кто-нибудь, кромѣ нея, могъ сдѣлать, напримѣръ, „канетку“, и когда Маня подноситъ ей песочную конфетку,—да лучше бы не подносила!

Надоѣстъ, идутъ въ комнаты. Саша читаетъ книжки. Ей читаетъ тетя Лена. И многое ужъ знаетъ Саша на память и слушаетъ такъ, будто сама она Степка-растрепка, Мальчикъ Гоша, Барбосъ, и гримасничаетъ: и гдѣ только такихъ гримасъ подсмотрѣла! Нынѣшнимъ лѣтомъ мама подарила Азбуку. Эта Азбука стала любимой книгой.

Во всякое время любитъ Саша смотрѣть картинки. За много годовъ „Нива“ вся пересмотрѣна. Каждая картинка пригоняется къ жизни въ замкѣ, а если ничего общаго не находится, то складываются исторіи тоже будто замковыя, но которыя на памяти обитателей замка что-то не проходили.

И все разспрашиваетъ и хоть сама на все свой отвѣтъ и по-своему дастъ, не наоберешься вопросовъ, осыпаетъ ими, что градомъ. Поется-ли пѣсня, разсказывается-ли сказка или просто такъ что-нибудь говорится, ужъ жди вопроса: зачѣмъ осень? зачѣмъ надо ѣсть? зачѣмъ быть здоровой? зачѣмъ Богу молиться?—такъ на все безъ конца.

Саша знаетъ русскихъ поэтовъ. Она показываетъ на портретъ Пушкина и называетъ его „Пускинъ“, а Лермонтова хоть и показываетъ, но выговорить не можетъ.

Послѣ чтенія книжекъ и разсматриванія картинокъ и безконечныхъ вопросовъ, она усаживается за тетушкины клавикорды, ей кладутся на пюпитръ ноты, и игра начинается. Ноты необходимо перевертывать, тетради мѣнять, а то сердится.

Она страсть какая сердитая, сердитѣй самого старика землемѣра Бектера, который слыветъ на селѣ у людей „огненной строкой“. А строка, извѣстно, по сердитости первая.

Такъ все въ занятіяхъ, и не увидишь, какъ проско-

читъ время и идетъ къ вечеру. Пора на прогулку. Тетя Лена, Маня и Саша отправляются въ поле.

Въ замкѣ водворяется тишина. Тетушка съ бабушкой играютъ въ „зѣваки", въ саду или на кухнѣ варятъ варенье,—тамъ тетя Вѣра. И только что мухи войдутъ въ самую сласть поджаристыхъ пѣнокъ, какъ снова шумъ врывается въ замокъ. Съ поля приносятъ цвѣты, вѣночки и коробъ разсказовъ: кто-нибудь непремѣнно попадется на дорогѣ въ полѣ, чаще, конечно, тѣ изъ знакомыхъ, которыхъ видитъ и знаетъ только Саша да Арапъ, ея неизмѣнный и вѣрный кавалеръ.

Станетъ закатываться солнце, готовится Саша въ кроватку.

Объ эту пору въ капризахъ открываются непостижимыя болѣзни. Чаще заболѣваетъ ножка, и Саша прихрамываетъ. Одно время очень забезпокоились, но ни студентъ Михаилъ Петровичъ, ни докторъ Коротокъ ничего не нашли опаснаго: если и болѣла нога, то лишь у бабушки, у которой всегда къ погодѣ ломитъ ногу.

Прежде чѣмъ уложить Сашу, надо уложить всѣхъ ея куколъ. Куклы готовы, чередъ за Сашей.

Передъ сномъ на горшочкѣ сонными губками разсказываетъ Саша тетѣ Ленѣ, что узнала новаго на свѣтѣ и кого нынче встрѣтила, и что-нибудь про Сонъ и какъ собаки лаютъ...

Если была днемъ гроза и гремѣлъ громъ, она разсказываетъ о громѣ, дождикъ шелъ—о дождѣ и еще что-нибудь такое, что большому трудно понять и тетѣ Ленѣ тоже, хоть и привыкла къ Сашѣ, спитъ въ одной комнатѣ, ни на шагъ не отходитъ.

— Громъ живетъ за небомъ,—разсказываетъ Саша,—тамъ же тучи, дождикъ живетъ на крышѣ, тамъ-же и птички.

6.

Засыпаетъ Саша, а съ нею бабушка Ефросинія Ивановна и коза Машка, чтобы Сашѣ за ночь молочка приготовить.

Мало-по-малу весь замокъ и кругомъ на Оленовкѣ все засыпаетъ.

Не спитъ только тетушка Татьяна Аѳанасьевна. Тетушка гадаетъ на картахъ. У тетушки карты свои никогда не обманываютъ. Она гадаетъ на Амазонкѣ и Гишпанцѣ, кладетъ карты въ четыре ряда по девять въ рядъ. И каково огорченіе бѣдной, когда какого-нибудь Астролога или Сфинкса или Пушки не хватаетъ въ колодѣ Сашины проказы.

Изъ караулки выходитъ сторожъ Тарасъ съ колотушкой, стучитъ, и Буцикъ и Мишка и Дранка то залаютъ, то затаятся, то завоютъ въ три голоса—гулко.

Днемъ Сонъ спитъ, а живетъ вечеромъ. Съ вечера подымается онъ и къ ночи приходитъ въ замокъ. Онъ прямо проходитъ по лѣсенкѣ въ башню къ Сашѣ, чаще всего не одинъ. Сонъ разсказываетъ сказки или беретъ Сашу за ручку и выводитъ изъ башни въ поле гулять, зимою по бѣленькой травкѣ, лѣтомъ по краснымъ цвѣточкамъ. Сонъ, какъ и мама, въ саду изъ мальвы дѣлаетъ „барышень“: сорветъ розовый цвѣточекъ, перевернетъ его чашечкой вверхъ, перевяжетъ лепестки травой, вотъ вамъ и „барышня“.

Разъ Сонъ да Саша шли себѣ по полю къ татарскимъ могиламъ, такъ на Оленовкѣ зовутся курганы, а навстрѣчу имъ Волкъ.—„Возьмите, говоритъ, меня съ собой погулять, сѣраго!—„Ладно“. Вотъ и пошли. Гуляли-гуляли, все похорошему—мѣста волку знакомыя, ведетъ гдѣ покраше, а потомъ у Волка ни съ того, ни съ чего вдругъ хвостъ и отвалился, и началъ Волкъ убиваться: безхво-

стому-то непріятно, а Саша всякую ночь кричать: страшно—не отвалился бъ и у нея хвостикъ.

Тетя Лена, слыша крики, такъ думала, что у Саши животикъ болитъ, и погрѣшили на Козу, будто отъ ея молочка сладкаго. Приходилъ студентъ Михаилъ Петровичъ, осматривалъ докторъ Коротокъ, оба микстуру прописали пить черезъ два часа по столовой ложкѣ. Саша микстуру пила и по ночамъ кричала.

Да спасибо Бойчихѣ, а то бы дитя навѣкъ искалѣчило.

Жила была на селѣ одна старая-престарая старуха—Бойчиха, хата прямо подъ замкомъ. Говорили, что вѣдьма: и портить и пользовать можетъ. Вотъ къ ней и обратились.

— Волка испугалась,—сказала старуха,—можно поправить.

Пришла Бойчиха рано, только что печь затопили, пошептала, поносила Сашу, земляными жесткими пальцами гладила по розовой грудкѣ и по спинкѣ, потомъ взяла галунъ-траву да на галунъ-траву испугъ прямо въ огонь и вывела. Сгорѣла трава, и какъ рукой—хоть бы за ночь разъ пикнула: у волка тутъ хвостъ приросъ, теперь и бояться нечего.

А то разъ Сонъ привелъ Монашка. Такого Монашка Саша какъ-то на картинкахъ видѣла: простой Монашекъ въ черной шапочкѣ, руки сложены. Поставилъ Сонъ Монашка въ ногахъ у кроватки, а самъ вдругъ и пропалъ куда-то.

Раскрыла Саша глазки, покликала тетю Лену. Встала тетя Лена, зажгла лампочку, Монашка не видитъ, а онъ-то стоитъ, какъ стоялъ, смотритъ на Сашу, ручки сложены.

Въ башнѣ съ тѣхъ поръ по ночамъ свѣтъ теплится.

А Монашекъ, должно быть, свѣта не любитъ,—не приходилъ больше. Зато Сонъ привелъ съ собой Мука...

Мака Сашѣ страшно понравилась, и Саша Макѣ.

И привязалась Мака къ Сашѣ, что даже въ любое время одна безъ Сна близко подходитъ и разговариваетъ. Макина голоса никто не слышитъ, кромѣ Саши, а то, что говоритъ съ ней Саша, хоть и всѣмъ слышно, но ни слова понять нельзя, слова какія-то другія, не-русскія.

Если что Сашѣ очень по сердцу, про то она говоритъ, что оно „макое“: тетя Лена макая и коза Машка макая и мама макая и дядя Андрей, если поетъ и когда привозитъ изъ города шеколадку, тоже макой.

Дружба съ Макой—водой не разольешь. Свиданія часты.

— Лена,—говоритъ Саша, прекращая игру или прерывая какой-нибудь занятный разсказъ,—я пойду къ Макѣ,— и подымается въ башню въ другой конецъ замка, въ другую, не Сашину, гдѣ хранится фамильный архивъ и библіотека и гдѣ жилъ когда-то дѣдушка Юрій Александровичъ.

Тамъ живетъ Мака.

7.

Сашѣ три года—три тысячи, а можетъ быть, трижды три тысячи, годами свой вѣкъ не мѣряетъ.

Она думаетъ, что испоконъ вѣку жила въ замкѣ, что она внучка не бабушки Ефросиніи Ивановны, а тети Лены, и считаетъ себя большой и старой, старѣй всего рода Задоровъ и старше тетушки, а тетушкѣ не подъ сто, всего шестнадцать лѣтъ, а можетъ быть, и меньше.

Саша часто подымается на Макину башню.

Башня старая, мышей много: и въ библіотекѣ, и въ архивѣ имъ есть что покушать, и онѣ днемъ и ночью скребутся.

Тамъ разговариваетъ Саша съ Макой, тамъ караулитъ сѣренькихъ мышекъ и радуется, когда, не боясь ея глазокъ, подходитъ какая-нибудь совсѣмъ близко и умывается лапкой.

Въ дѣдушкиномъ кабинетѣ висятъ портреты: одинъ, когда дѣдушка былъ молодымъ,—въ офицерскомъ мундирѣ, а потомъ совсѣмъ старымъ, сѣдой съ большой сѣдой бородою, а глаза синіе, какъ у Саши.

Саша дѣдушку знаетъ, она его видѣла: однажды вмѣстѣ со Сномъ приходилъ дѣдушка ночью къ кроваткѣ и разговаривалъ, сказалъ, что черезъ полтора года совсѣмъ къ ней въ замокъ придетъ. И, забѣгая въ кабинетъ, она все ждетъ, не придетъ-ли дѣдушка въ замокъ.

Мама Оля разсказываетъ Сашѣ чудесныя сказки: про старика и старуху и про золотую рыбку—про старика и старуху, которые жили у самаго синяго моря, про кота въ сапогахъ, про мальчика-съ-пальчика, про лисичку-сестричку, про царевну-лягушку.

— Хочешь, Оля, я разскажу тебѣ сказку,—вызывается Саша, когда мама кончитъ.

— Ну, разскажи.

И Саша разсказываетъ свою коротенькую сказку:

— Жили мужики, ловили рыбку, ничего не поймали и спать легли.

Вотъ и вся сказка.

Есть и другая—хитрая сказка о томъ, какъ пѣтушекъ съѣлъ медвѣдя.

Саша очень любопытствуетъ у мамы и проситъ, чтобы та разсказала ей, какая была мама, когда была маленькая.

— Когда я была маленькая, я была большая шалунья,—охотно и въ сотый разъ разсказываетъ мама,—вотъ поставили однажды самоваръ на табуретку и всѣ ушли. Я открутила кранъ, задѣла за самоваръ, и онъ на меня весь перекувырнулся. Стала я страшно кричать: ошпарила ножки. Прибѣжала бабушка, прибѣжалъ дѣдушка, прибѣжала тетушка, прибѣжала прабабушка. Уложили меня въ кроватку, послали за докторомъ. При-

шелъ докторъ, стали снимать чулочки, а съ чулочками вмѣстѣ и кожка слѣзла. Я плакала: больно мнѣ такъ, страшно. Долго пролежала въ постелькѣ, потомъ ножки поправились, другая кожка выросла.

— А третья?—перебиваетъ Саша.

— А третьей не было. Сначала я стала ползать: разучилась ходить, а потомъ опять ножками стала бѣгать.

Сдвинувъ бровки, слушаетъ Саша любимую повѣсть и, когда повѣсть приходитъ къ концу—ножки поджили и мама опять стала бѣгать,—она вся прояснится и захохочетъ.

— Еще!

И мама разсказываетъ сызнова.

— А когда я была маленькая,—вспоминаетъ Саша,—лежала я съ тобой въ колясочкѣ, а потомъ одѣвала тебя...

Но это было давно, такъ давно, когда Саша была маленькая, и, вспоминая свое собственное дѣтство, она увѣряетъ, что и опять будетъ маленькая.

— Кто тебя приласкаетъ, когда я умру,—сказала однажды Саша въ минуту такихъ воспоминаній и крѣпко обняла маму, будто какъ Медвѣдюшку.

Всякій день обычно послѣ моленья съ тетушкой Саша приходитъ маму будить, и подымается тутъ дымъ коромысломъ: ходятъ медвѣдями на четвереньках, бодаются, представляютъ грозу, вѣтеръ, громъ, молнію, дождикъ. А Саша пугаетъ: она надуваетъ щечки и, крехтя, толстымъ голосомъ говоритъ, что она не Саша, а лягушка-квакушка. Потомъ мама чешетъ Сашѣ спинку и плечико: очень ужъ Саша любитъ, чтобы ей спинку чесали.

Мама сказала какъ то Сашѣ:

— Знаешь, Саша, я видѣла Маку.

Саша погрозила пальчикомъ и, взобравшись на колѣни, сказала на ухо:

— Тише ты, мама, не надо говоритъ громко.

— Почему же не надо?

— Не надо!—ужъ настойчиво и хмуря бровки повторила Саша.

— А ты знаешь, какая она, твоя Мака?

— Ты не говори громко, ты никому не говори,—шопотомъ сказала Саша,—Мака старая беззубая барышня, проситъ папироску, а курить не можетъ, потому что рта у ней нѣтъ, а только два языка...

И, разсказывая такъ о своей любимой Макѣ, Саша улыбалась; темное родимое пятнышко нѣжило улыбку.

IV.

Звѣздочка.

Ко мнѣ прилетаетъ Звѣздочка и, когда мнѣ не спится, разсказываетъ, что она видѣла по развольному синему небу.

Прошлой ночью Звѣздочка разсказала про своихъ сестеръ. У Звѣздочки тоже есть сестры: одну зовутъ Курнявка, другую Кошенятка, а третью Царевна. Царевна—самая младшая и изо всѣхъ самая красивая, у Царевны есть собачка Кадо. А звѣздочка самая старшая,—имъ вродѣ матери.

Царевну просваталъ Принцъ. Весело играли свадьбу, а танцамъ конца не было, такъ растанцовались, что просто бѣда. Но вотъ подъ утро послѣ ужина, когда за шапки взялись и стали прощаться, Принцъ обнялъ Царевну и они поднялись на воздухъ. Къ счастью Кадо, не отходившая отъ Царевны, успѣла уцѣпиться за платье и тоже поднялась. Такъ втроемъ они и улетѣли.

Сестры думали, что это нарочно, а потомъ стали скучать и плакали. И какъ ни старалась Звѣздочка утѣшить ихъ, были онѣ безутѣшны.

Однажды послѣ дождика спустились съ неба два плаща, а въ плащахъ—записка: „Надѣньте плащи и приходите. Ваша Царевна“.

Обрадовались сестры, надѣли плащи и тотчасъ же поднялись на воздухъ и полетѣли. И долго ли онѣ ле-

тѣли, про это никто не знаетъ, а очутились онѣ на лунѣ—на той самой сторонѣ ея, которая людямъ никогда видна не бываетъ.

Съ тѣхъ поръ тамъ и живутъ въ Царицыномъ домѣ на Козьей улицѣ. № 9, возлѣ башни Кукуреку.

Пальцы.

Жили-были пять пальцевъ—тѣ самые, которыхъ всякій у себѣ на рукѣ знаетъ: большой, указательный, средній, безымянный—всѣ четверо большіе, а пятый мизинецъ—маленькій.

Проголодалися какъ-то пальцы, и засосало. Большой говоритъ:

— Давайте-ка, братцы, съѣдимъ что-нибудь, больно ужъ моритъ.

А другой говоритъ:

— Да что же мы ѣсть будемъ?

— А взломаемъ у матери ящикъ, наѣдимся сладкихъ пирожныхъ,—кажетъ безымянный.

— Наѣсться то мы наѣдимся,—заперечилъ четвертый,—да этотъ маленькій все матери скажетъ.

— Если скажу,—поклялся мизинецъ,—такъ пусть же я не выросту больше.

Вотъ взломали пальцы ящикъ, наѣлись до сыта сладкихъ пирожныхъ, и разморило.

Пришла домой мать, видитъ: слипшись, спятъ пальцы, одинъ не спитъ мизинецъ.

Онъ ей все и сказалъ.

Такъ и остался на вѣки самъ маленькій, а тѣ четверо съ тѣхъ поръ ничего не ѣдятъ, да съ голодухи голодные за все хватаются.

Розовая куколка.

Дѣтская игра.

1

— Ты розовая куколка?
— Я.
— Гдѣ твоя мама?
— На полѣ.
— Что она дѣлаетъ?
— Вѣнокъ плететъ.

Шуу!—полетѣла. Изъ воска слила себѣ крылышки. Не угнаться за розовой куколкой...

2

Небо. Земля. Адъ. Рай. Черный сарай.
— Кто на небѣ?
— Богъ.
— Кто на землѣ?
— Камушки.
— Кто въ аду?
— Дождикъ.
— Кто въ раю?
— Солнышко.
— Кто въ черномъ сараѣ?
— Ты.

Шуу!—полетѣла. Изъ воска слила себѣ крылышки. Не угнаться за розовой куколкой.

3

— Ты розовая куколка?
— Я.
— Чего же ты хочешь?
— Яблочка.
— Этого?
— Этого.
— Попалась!

Такъ до самаго вечера розовая куколка то улетала, то попадалась. И только, когда на дворѣ стало черно, какъ въ черномъ сараѣ, и въ норкѣ крысенокъ принялся за работу, она задремала въ своей бѣлой кроваткѣ съ яблокомъ и съ Коташкой, который всегда въ домъ на ночь приходитъ и мурлычитъ на ушко такіе чудесные разсказы, что и сказать невозможно.

Таракашки.

Не вкривь, не вкось,—прямо по неровнымъ, крутымъ ступенькамъ пробирались онѣ на своихъ тонкихъ ногахъ.

Онѣ пробирались по каменной лѣстницѣ вверхъ ко мнѣ.

Стали въ дверяхъ.

— Мы таракашки,—сказали онѣ.

Я спохватился, отошелъ отъ окна.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!—таракашки шевелили усиками, усатыя, одна побольше, другая поменьше, осматривались,—мы къ тебѣ, ты пустишь?

— Конечно, что вы! Только тутъ, видите...

Таракашки шевелили усиками:

— Ничего, у насъ дѣла по горло, самъ знаешь, первое дѣло—яйцо, снесемъ яйцо, сядемъ.

— Вамъ бы хоть травки... Придутъ полъ подметать...

— А это вотъ тебѣ, твоя ягода!—таракашки протянули лапочки, а на лапочкахъ и вправду настоящая ягода.

— Малина!

— Она самая, прямо изъ бора.

— Въ сыру-бору нынче весело!

— Еще бы не весело, небось тебя не забыли... — и, распустивъ свои долгія крылышки, пошли таракашки въ самый уголъ, покрыли другъ-дружку крылышками.

— Таракашки, давайте хоть чай пить, а потомъ вмѣстѣ въ лѣсъ?

Но таракашки ни гу-гу - несли яйцо.

Погребеніе мухи, блохи и комара.

Ихъ надо было непремѣнно и во что бы то ни стало поймать: муху, блоху и комара. Иначе невозможно, нельзя же съ пустыми руками совершать такое дѣло, а не сдѣлать этого нельзя. Сегодня ихъ праздникъ—первое сентября.

Муха далась легко. За окномъ между рамъ въ ватѣ сидѣла одна помятая съ полнымъ животомъ свѣжей замазки, хоть и не приглядная—объ одномъ крылѣ, а все-таки муха.

Пустилъ я муху въ коробочку изъ-подъ спичекъ пошелъ за блохой.

Штука не легкая!—и куда-куда ни совался, куда ни засматривалъ, нигдѣ блохи не оказывалось. Пробовалъ искаться,—не выходитъ. Наконецъ, въ передней—стой, попалась! — какая-то собачья, неповоротливая; должно быть, принесли ее на ногахъ съ улицы, а, можетъ, кто и на шляпѣ принесъ.

Пустилъ блоху къ мухѣ въ коробочку.

Теперь дѣло за комаромъ. Ну-ка, сударикъ, гдѣ ты тутъ?—Отчаялся! нигдѣ его не было, хоть бы самаго общипаннаго, все равно—никакого. Ужъ и то, и сё, перебиралъ старыя книги, лазилъ по угламъ за шкапы,—авось, думалъ, гдѣ-нибудь въ паутинѣ да и сидитъ какой. И нашелъ не комара, а ножки тоненькія—дрыгалки, можетъ быть, совсѣмъ и не комариныя...

Пустилъ ножки въ коробочку къ блохѣ и мухѣ.

Дѣло сдѣлано.

Гробикъ смастерить просто. Высыпалъ кнопки, отрѣзалъ кусочекъ бѣлой промокашки, положилъ промокашку на донышко, переложилъ туда звѣрей, вдвинулъ донышко въ крышку,—и готово.

Пора за главное. Одѣлся и вынесъ.

Но дворъ сплошь былъ мощеный, не было уголка, гдѣ бы лежала хоть горстка чистой земли.

Повернулъ въ ворота на улицу. Шелъ по мокрымъ камнямъ среди каменныхъ домовъ, несъ свою ношу.

Надъ городомъ спускался тяжелый желтый туманъ, изнывалъ бѣлый свѣтъ закутанныхъ фонарей.

Расползалась грязь, и нигдѣ не было ни кусочка чистой земли.

Поднялъ выброшенную на тротуаръ вѣтку герани, обернулъ геранью коробку и дальше.

Плыла рѣка тяжелая, какъ туманъ, волновалась темная, какъ вспаханная земля,

И бросилъ я коробку въ рѣку, — поплыла коробка: муха, блоха и комаръ, и плыла по рѣкѣ въ море—океанъ.

Оно приметъ ихъ, оно не можетъ не принять заснувшихъ звѣрей, и сохранитъ тамъ на своей груди, чтобы весной вернуть.

Сгущался тяжелый желтый туманъ.

Бѣлый свѣтъ фонарей разрѣзалъ каменный городъ.

Колдунъ.

Народное сказаніе.

Колдуна звали Иванъ Тараканъ. Но какъ знавали его, былъ колдунъ не черный, а всегда бѣлый: бѣлая борода, бѣлая рубаха, бѣлые портки. Спина у колдуна была колесомъ согнута, и никогда глаза его не видѣли неба, а тѣнь отъ него падала на землю такая страшная, что не только ребятишки, сами старые да бывалые, завидя его издали, прятались кто куда.

Колдунъ ненавидѣлъ ладъ. Когда бывалъ онъ на свадьбахъ, а на свадьбы онъ пробирался почти всякій разъ, онъ портилъ жениха и невѣсту или кого изъ гостей, кто осмѣливался непочтительно относиться къ нему. Когда видѣлъ онъ дружную жизнь, онъ портилъ мужа съ женой, отца съ сыномъ, мать съ дочерью. А когда онъ сердился на кого или кто выводилъ его изъ себя, онъ присаживалъ тому на носъ килу. А когда обходили его приглашеніемъ на свадьбу, онъ бросалъ порчу на дорогу, гдѣ проѣзжалъ поѣздъ, и тогда свадьба сбивалась съ толка.

Колдунъ портилъ женщинъ, и онѣ лаяли собакой, мяукали кошкой; а испортивъ, онъ таилъ у себя запертой замокъ. Однажды у него украли запертой замокъ и положили его на порченную. Порченная назвала его имя.

Всполошился народъ, порѣшили прикончить Таракана, да руки видно коротки: куда ужъ простому съ такимъ тягаться.

Колдунъ зналъ порчи временныя и вѣчныя: времен-

ныя, которыя отговариваются заговорами, вѣчныя, которыя остаются до конца жизни. Онъ портилъ людей за тысячу и болѣе верстъ, онъ выпускалъ изъ-за пазухи змѣю, и она залѣзала въ чрево, и тогда испорченный чувствовалъ, что порча подкатывается подъ сердце и лежитъ, какъ пирогъ.

А тѣ, кто враждовали другъ съ другомъ, тянулись къ нему, какъ обозы въ торговый городъ по ранней зарѣ, а онъ, ненавидя ладъ, отдавалъ имъ свое богатство. Влюбленные просили навести сухоту на дѣвичью красу,—онъ напускалъ сухоту, и дѣвушка чахла.

Колдунъ зналъ всю поддонную, онъ видѣлъ въ землю на семь пядей и бралъ отъ людей вещи, которыя ему нравились, увѣряя, что въ нихъ водится нечистая сила. Въ короба съ деньгами онъ напускалъ мертвыхъ мышей, онѣ заводились и не давали покою. И потомъ онъ охотно избавлялъ отъ мышей, а также и отъ денегъ. Онъ приготовлялъ снадобья для порчи и зналъ слова. Изъ него истекала сила, эта сила приводила въ недвижность, въ страхъ и трепетъ всякаго человѣка. Онъ зажималъ рты собакамъ, утолялъ ярости змѣй.

Черти служили колдуну. Черти, разъ вызванные, не отстанутъ, и они являлись къ нему и требовали себѣ работы. И что бы онъ ни заставлялъ ихъ дѣлать, и легкое и трудное, они все дѣлали и снова являлись за новыми требованіями. Онъ посылалъ ихъ вить веревки изъ воды и песку, перегонять тучи изъ одной земли въ другую, срывать горы, засыпать моря, дразнить слоновъ, которые поддерживаютъ землю. Если бы не далъ колдунъ имъ дѣла, то истомился бы, и неотвязные черти задушили бы его.

Дѣтямъ дарилъ колдунъ крестики: на крестикахъ вырѣзанъ былъ воронъ. Дѣти, нося на шеѣ такой крестикъ, хирѣли.

Что было дѣлать крещеннымъ, куда схорониться, какъ уберечься отъ страшнаго глаза?—да нечего дѣлать: значитъ, живи и терпи, а тамъ ужъ видно будетъ.

Когда появлялся человѣкъ, имѣвшій тоже нѣкоторую власть и знавшій слово, колдунъ узнавалъ его домъ: онъ бралъ змѣиное кольцо, вѣшалъ его на женскомъ волосѣ и дожидался, куда вѣтеръ будетъ качать кольцо и куда кольцо будетъ дѣлать наклоненіе. И узнавъ по наклоненію кольца домъ, силой воли своей выгонялъ того человѣка. А равнаго колдуну не было.

Ужъ стали поговаривать, что и смерти ему нѣтъ, будто и она боится его, да ошиблись,—ей, страшной, ничего не страшно: какъ пришла, такъ и скосила.

Померъ колдунъ, но и тутъ не ладно: не успѣвъ передать всѣхъ своихъ знаній, онъ приходилъ къ своей дочери въ домъ полночью, одѣтый въ бѣлый саванъ, и шарилъ по всѣмъ мѣстамъ, садился за столъ и съѣдалъ все, что она ему предлагала. Или, появляясь полночью, стучалъ въ двери и окна, истреблялъ скотъ и лишь при пѣніи третьихъ и послѣднихъ пѣтуховъ исчезалъ.

Въ тягость стали ей посѣщенія. Не вытерпѣла дочь, пошла и донесла на отца. И выкопали колдуна изъ могилы, положили въ гробъ ничкомъ, подрѣзали пятки, вбили осиновый колъ межъ плечами и завалили землей крѣпко.

А онъ такъ или этакъ даетъ себя знать — Иванъ Тараканъ.

Бѣсовское Дѣйство.

„Бѣсовское дѣйство“ поставлено было на театрѣ В. Ѳ. Коммиссаржевской въ С.-Петербургѣ. Первое представленіе состоялось въ Варваринъ день (4 декабря) 1907 года. Ставилъ пьесу Ѳ. Ѳ. Коммиссаржевскій, декораціи рисовалъ художникъ М. В. Добужинскій. Музыка поэта **М. А. Кузмина.**

Бѣсовское дѣйство

надъ нѣкіимъ мужемъ а также смерть грѣшника и смерть праведника, сіесть преніе живота со смертію

представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Животъ.
Нѣкій инокъ Иванъ, закопавшійся въ пещерѣ, онъ же Оруженосецъ Живота.
Смерть.
Демонъ Аратырь.
Демонъ Тимѣлихъ.
Ангелъ Хранитель.
Ангелъ Смерти.
Привратникъ Ареѳа.
Страстный братъ Евстратій.
Грѣшная Дѣва, она же маска--Турица.
Туръ, Медвѣдь, Кобылка, Волкъ, } маски.
Странникъ.
Три чорта,—два наряженныхъ ангелами, а третій—Главнымъ.

Время дѣйствія: съ вечера Прощенаго воскресенья до Свѣтло-Христова воскресенія.

Мѣсто дѣйствія: у пещеры и въ аду.

ПРОЛОГЪ.

Лысое поле. Распутье. На распутьѣ большой лысый камень. Начало звѣздной ночи. Слѣва съ широкой дороги выѣзжаетъ Животъ—храбрецъ и богачъ, наслаждающійся красотами міра и не думающій о смерти и будущемъ судѣ. Его окованный конь звѣровиденъ. За Животомъ слѣдуетъ пѣшій юноша—Оруженосецъ.

Животъ, размахнувшись мечомъ, разсѣкаетъ камень. Конь остановился.

ЖИВОТЪ.

Вызывающе. Есть ли на свѣтѣ, на всей поднебесной, кто могъ бы возстать противъ меня и сразиться со мной, царь или звѣрь? Подумавъ, дерзко. — Если бы я былъ на облакахъ, а въ землѣ утверждено было кольцо, я повернулъ бы землю и весь свѣтъ.

Смерть въѣзжаетъ, крадучись, справа. Лицо у ней человѣчье, обликъ-же весьма страшенъ. На ней навѣшано много разнаго рода орудій казни: серпы, ножи, бритвы, веревка; за плечами коса.

ЖИВОТЪ.

Вдругъ ее видитъ. — Кто ты, страшный, полный червей?

СМЕРТЬ.

Остановилась, какъ вкопанная. — Не знаешь меня? Помолчавъ, гордо. — Я та, что никого не боится и все побѣждаетъ, я та, что любитъ всѣхъ равно и никого не щадитъ.

ЖИВОТЪ.

Сверху внизъ. — Откуда ты? чего отъ меня хочешь?

СМЕРТЬ.

Мрачно. — Я изъ нѣкоего царства, разъѣзжаю по полю по городамъ и селамъ, такъ ѣзжу изъ царства въ царство и истребляю все, что рождено. Помолчавъ немного.— Я хочу сокрушить тебѣ сердце.

ЖИВОТЪ.

Задѣтый, заносчиво. — Я силенъ и храбръ, я бился на многихъ ратяхъ. я побивалъ полки, я прогонялъ и ставилъ королей, я изъѣздилъ весь свѣтъ, я покорилъ всѣ народы и нигдѣ не нашелъ себѣ равнаго,—никого, кто бы могъ возстать противъ меня и сразиться со мной; страхъ отъ меня сталъ на всю землю, я—Животъ. Презрительно. А ты — одна, а конь твой отъ голода падаетъ. Я пощажу твою хвастливую старость, бѣги!

СМЕРТЬ.

Невозмутимо. — Я состарилась многолѣтнею старостью и конь мой старъ и хилъ, я не хороша, не красна и одна, но хорошихъ и красивыхъ и сильныхъ; молодыхъ или старыхъ, все равно, я—одна — неотвратимая побѣждаю, и ни одинъ человѣкъ до сихъ поръ не уходилъ отъ меня, и никому никогда не уйти.

— Слыхалъ ли ты когда-нибудь про смерть?

ЖИВОТЪ.

Хвастливо. — Эй! не мало я видѣлъ отъ моей руки смерть многихъ людей.

СМЕРТЬ.

А что себѣ чаешь?

ЖИВОТЪ.

Увѣренно.—Быть всегда сильнымъ и славнымъ, царствовать надъ всею землей.

СМЕРТЬ.

Какъ будто жалѣя. — Слушай, безумный, всѣ надежды—пустыя; что твоя сила и слава? — какъ приду, такъ и возьму.

ЖИВОТЪ.

Разъяренный. — Что-жъ! выходи — ты съ своею кривою косою и съ червивымъ оружіемъ, а я стану вотъ съ этимъ мечомъ.

СМЕРТЬ.

Какъ вихрь. — Оружіе мое увидишь окровавленнымъ надъ собой.

ЖИВОТЪ.

Поднимая мечъ.—Я готовъ.

СМЕРТЬ.

Стой! — Подъ твоими ногами лежитъ много людей, цари, богатыри. Меня никто не осилилъ, со мной никто не справился—самъ Господь Іисусъ Христосъ изволилъ вкусить — и сколько народа родилось послѣ Адама, и всѣхъ прибрала и всѣхъ приберу, это я—твоя смерть.— Взмахиваетъ косой.

Оруженосецъ, сначала поддакивавшій жестами своему господину и вмѣстѣ съ тѣмъ все больше робѣвшій, бросаетъ оружіе и прячется за обломкомъ камня.

ЖИВОТЪ.

Отстраняясь. — Коси своею косою траву и болото, а за что меня хочешь косить? Теряется. — Я тебя не ждалъ,— я не посылалъ за тобою,—ты меня не знаешь.

СМЕРТЬ.

Какъ паукъ. — Нѣтъ, ужъ я тебя отъ себя не отпущу.

ЖИВОТЪ.

Немного овладѣвая собой. — Мечъ у меня остръ, но я биться съ тобой не хочу, давай жить по душамъ, вмѣстѣ, ты—Смерть, я—Животъ. Кто болѣе насъ? Роняетъ мечъ.

СМЕРТЬ.

Хочешь ты или не хочешь, я отъ тебя не уйду.

ЖИВОТЪ.

Хватаясь за послѣднее спасеніе.—Госпожа моя Смерть, у меня есть золото,—я отдамъ тебѣ золото, у меня есть власть,—я отдамъ тебѣ власть, у меня есть слава—все бери, только отпусти меня.

СМЕРТЬ.

Холодно. — Въ мірѣ все можно купить, можно купить человѣка съ душой и съ сапогами, меня, — никогда, не нуждаюсь, я не собираю богатствъ,—да если бы и собирала, не хватило бы мѣста, гдѣ ихъ класть.

Изъ ада вылѣзаетъ демонъ Аратырь, пребывавшій денно и нощно съ Животомъ; въ рукахъ у него желѣзный крюкъ и свитокъ, гдѣ записаны грѣхи Живота, онъ приготовился брать душу. Другой демонъ Тимѣлихъ, который растолкалъ Аратыря соннаго и утомленнаго и во время пренія Живота со Смертію расчесывалъ и приглаживалъ ему хвостъ и подтачивалъ когти, подмелъ теперь полъ и сталъ перебирать оковы, которыми связываютъ демоны человѣческія души. Одновременно съ появленіемъ на землю Ара-

тыря спускаются съ неба два ангела:— Ангелъ Хранитель со свиткомъ и Ангелъ Смерти съ трезубцемъ. У Ангела Хранителя лицо печально. Ему Аратырь развернулъ свой свитокъ и знаками показываетъ, что дѣло безспорно. Ангелъ Хранитель отходитъ въ сторону, плача.

ЖИВОТЪ.

Слѣзаетъ съ коня, на колѣняхъ.—Госпожа моя Смерть, ты одна — справедлива, пощади! отврати отъ меня гнѣвъ свой, я не готовъ, дай мнѣ покаяться, дай мнѣ сроку— одинъ день —

Смерть молчитъ неумолимо.

ЖИВОТЪ.

Одинъ часъ —

Смерть молчитъ неумолимо.

ЖИВОТЪ.

Одну минуту—

СМЕРТЬ.

Безпощадно. — Нѣтъ. Я проколю тебѣ глаза за то, что они съ жадностью и вожделѣніемъ смотрѣли на міръ, я отрѣжу тебѣ уши, я оторву руки, которыя грабили и поджигали, и ноги, поспѣшныя на все злое, вырѣжу сердце, не знавшее ни любви, ни милосердія, вырву душу, отдамъ ему. — Показываетъ на подбоченившагося Аратыря. — И онъ повлечетъ ее въ адъ на муку мученскую, а потомъ ты воскреснешь, чтобы послѣ Суда кипѣть въ неугасимомъ геенскомъ огнѣ. Слѣзаетъ съ коня.

ЖИВОТЪ.

Голова его склонилась, руки разрознены, челюсти вытянуты.— Лучше быть птицей, рыбой, звѣремъ, тварью, червемъ, чѣмъ человѣкомъ. —

Смерть, подошедшая къ Животу, при послѣднихъ его словахъ наклоняется надъ нимъ и начинаетъ свою работу.

ТИМѢЛИХЪ.

Которому надоѣло разбирать запутавшіяся оковы, высовывается изъ ада, къ Аратырю. — Скоро ты тамъ?

АРАТЫРЬ.

Сейчасъ! – всѣ двадцать ногтей содрала, принялась за сердце.

ТИМѢЛИХЪ.

Пріятно нюхая воздухъ. — Смрадъ то какой!

АРАТЫРЬ.

Подмигнувъ Ангелу Смерти, который чувствителенъ къ запаху грѣховъ и которому этотъ запахъ непріятенъ; скороговоркой. — Грѣхъ пахнетъ вкусно.

ТИМѢЛИХЪ.

Поджаренымъ снеткомъ. Отъ удовольствія и злорадства григоточетъ.

Смерть между тѣмъ обдѣлала свое дѣло. Къ Животу ринулся Ангелъ Смерти и Аратырь. Ангелъ Смерти ударилъ трезубцемъ, и Аратырь, обнявъ вышедшую душу и потрясая ее вверхъ и внизъ, поволокъ, крутя и мутя, въ адъ. Тамъ съ помощью Тимѣлиха поднесъ ее Змію, который, схвативъ душу въ пасть, изрыгнулъ ее въ жарчайшій неугасимый огонь. И Ангелъ Хранитель и Ангелъ Смерти поднялись на небо.

СМЕРТЬ.

Сѣла на коня; обращаясь къ публикѣ.-- Да будетъ это памятно всѣмъ людямъ. И ѣдетъ по трупу.

Оруженосецъ вылѣзаетъ изъ-за камня, съ ужасомъ озирается вокругъ и медленно идетъ въ противоположную сторону.

Доносится монастырскій колоколъ.

На сценѣ остается конь, трупъ и мечъ, а въ аду Аратырь и Тимѣлихъ надъ горящей душой.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Передъ пещерой. Налѣво отъ пещеры идетъ монастырская ограда, въ оградѣ ворота. У воротъ часовня. Наискосокъ отъ пещеры святой колодецъ. Время позднее. Послѣдній день маслены—Прощеное воскресенье.

Откуда-то издалека доносится подбирающійся танецъ, онъ звучитъ неровно,—то разгорится, то совсѣмъ изсякнетъ.

АРАТЫРЬ.

Въ монашеской одеждѣ, поддерживая старика-привратника, ведетъ его къ часовнѣ. — Иди, отецъ, иди съ Богомъ, тамъ тепло, не безпокойся, я покараулю. Полежишь немного, а завтра, какъ прочухаешься, встанешь, и пойдешь себѣ къ службѣ, какъ ни въ чемъ не бывало; служба долгая по великопостному и цѣлыхъ семь недѣль безъ отдышки,—напостишься, успѣешь.

ПРИВРАТНИКЪ.

Брыкается. — Я спать не буду, буду—молиться.

Аратырь скрывается съ Привратникомъ въ часовню и черезъ минуту выходитъ одинъ, затворяетъ за собой дверь, надвигаетъ плотнѣе скуфью и становится на мѣсто Привратника.

ТИМѢЛИХЪ.

Который въ аду наряжался монахомъ, высовывается изъ ада; не громко окликаетъ. — Аратырь?

АРАТЫРЬ.

Я.

ТИМѢЛИХЪ.

Ты одинъ?

АРАТЫРЬ.

Одинъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Вылѣзаетъ и, приближаясь, показываетъ на часовню. — Тамъ?

АРАТЫРЬ.

Пускай себѣ дрыхнетъ.—Съ этой дрянью возиться, только руки пачкать.

ТИМѢЛИХЪ.

Наши всѣ въ разгонѣ?

АРАТЫРЬ.

Прощеный день,—работы по горло.

ТИМѢЛИХЪ.

Иванъ скоро выйдетъ?

АРАТЫРЬ.

Приближается полночь.

ТИМѢЛИХЪ.

Канитель!

АРАТЫРЬ.

Съ нимъ будетъ нелегко.

ТИМѢЛИХЪ.

Садясь на скамейку. — Я не припомню, кого бы я не провелъ за носъ.

АРАТЫРЬ.

Поводя плечами. — Да и кого водить? — эту мелочь?! Немного помолчавъ, раздраженно. — И втемяшутъ люди себѣ въ голову, будто мы безъ нихъ и дыхнуть не можемъ, ходимъ по пятамъ—Га! никудышные.—Передразнивая кого-то.— Все знаютъ и все понимаютъ, а еще есть и такіе—„ничего не понимаемъ, ничего не знаемъ". Зло смѣется.

ТИМѢЛИХЪ.

И всѣ туда пойдутъ. Показываетъ на небо. — Въ селенія праведныхъ.

АРАТЫРЬ.

Туда и дорога. Покорно благодаримъ. Прислушиваясь къ подбирающемуся танцу. — Бестіи, ловко разжигаютъ!

ТИМѢЛИХЪ.

Не обращая вниманія. — Да, рѣдко попадается настоящій— и все-таки, какого ни возьми, люди—народъ трусливый.

АРАТЫРЬ.

Жалкій.

ТИМѢЛИХЪ.

Растерянный.

АРАТЫРЬ.

Съ гадливостью. — Добряки и злючіе и всего понемножку.

ТИМѢЛИХЪ.

Вотъ, говорятъ, что насъ столько, сколько листьевъ и травы на землѣ, это—неправда.

АРАТЫРЬ.

Отчетливо, какъ бы подводя итогъ. — Все неправда.

ТИМѢЛИХЪ.

Встаетъ, нетерпѣливо. — Да скоро ли онъ выйдетъ?

АРАТЫРЬ.

Тебѣ все вынь да положь. Ему тоже хочется поскорѣе. Всѣ иноки сѣли теперь заговляться, а онъ крохи въ ротъ не бралъ, стоитъ, ждетъ. Потомъ начнетъ исповѣдаться, затянутъ Плачъ Адамовъ.

Слѣва появляется пара ряженныхъ: Кобылка и Волкъ. Они, должно быть, съ игрища. Маски сбились.

ВОЛКЪ.

Тянетъ за собой Кобылку, задыхаясь. — Скорѣй! Скорѣй!

КОБЫЛКА.

Тутъ люди.

ВОЛКЪ.

Какіе люди?

КОБЫЛКА.

Побойся Бога!

ВОЛКЪ.

Нѣтъ, не могу.

КОБЫЛКА.

Смотри, пещера.

ВОЛКЪ.

Я люблю. Не безъ борьбы овладѣвъ Кобылкой, увлекаетъ ее въ часовню. Дверь за ними затворяется.

Аратырь и Тимѣлихъ, присѣвшіе на корточки, минуту молчатъ.

АРАТЫРЬ.

„Люблю“,—га!

ТИМѢЛИХЪ.

Прыснувшій отъ сдерживаемаго смѣха. — Взаправду!

АРАТЫРЬ.

Всю ночь, какъ въ пеклѣ.

ТИМѢЛИХЪ.

А завтра подуетъ холодокъ.

АРАТЫРЬ.

У ней въ ту же ночь заведется зародышъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Слюнявый, съ хвостомъ.

АРАТЫРЬ.

И все селедки проситъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Боль. Немочь.

АРАТЫРЬ.

Скука.

Тимѣлихъ приподнимается, подходитъ къ часовнѣ, хочетъ отворить дверь. Аратырь тоже всталъ. Въ это время справа, шатаясь, какъ пьяный, вбѣгаетъ растерзанный Страстный братъ Евстратій.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Растерянно озираясь.—Отцы, пропустите, ради Бога!

АРАТЫРЬ.

Строго. — Кто ты и зачѣмъ въ такую пору?

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Я — братъ Евстратій, погибаю, измученъ блудной страстью.

АРАТЫРЬ.

Коротко и внушительно.—Нельзя. Своихъ довольно. Приходи завтра по-утру.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Нѣтъ силы до утра дождаться,—согрѣшу. Умоляюще и плаксиво. — Смилуйтесь, отцы! я слышалъ, въ обители спасается святой подвижникъ.

АРАТЫРЬ.

Переглянувшись съ Тимѣлихомъ и въ чемъ-то согласившись, твердо. — Есть.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Кто? какъ его увидѣть?

АРАТЫРЬ.

Иванъ. Онъ скоро будетъ тутъ.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Онъ старый?

АРАТЫРЬ.

Нѣтъ.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Давно въ монастырѣ?

Тимѣлихъ, бросившій дверь часовни, теперь подошелъ къ Аратырю и они, какъ коршуны, надвинулись надъ своей жертвой.

АРАТЫРЬ.

Послѣ небольшого молчанія, играя. — Онъ юношей оставилъ міръ и много претерпѣлъ отъ искушеній, удручая плоть свою. Онъ по два, по три дня не ѣлъ, проводилъ всѣ ночи безъ сна.

ТИМѢЛИХЪ.

Какъ Аратырь. — Лютой жаждой морилъ себя, носилъ тяжкія желѣза.

АРАТЫРЬ.

Будто ударяя. — И не нашелъ покоя.

ТИМѢЛИХЪ.

Нагой ходилъ въ морозы. Такъ провелъ три года.

АРАТЫРЬ.

Будто ударяя.—И не нашелъ покоя.

ТИМѢЛИХЪ.

Разъ пошелъ вонъ въ ту пещеру и тамъ молился. Вдругъ услышалъ голосъ: Иванъ, Иванъ, тебѣ нужно здѣсь затвориться,—невидѣніемъ и молчаніемъ борьба окончится и Господь тебѣ поможетъ.

АРАТЫРЬ.

Сегодня онъ затворится въ пещерѣ, останется одинъ весь постъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Онъ хочетъ вырыть яму и всего себя засыпать, оставивъ только голову и руки.

АРАТЫРЬ.

Онъ твердъ, какъ древесная накипь.

ТИМѢЛИХЪ.

И крѣпокъ, какъ желѣзо.

За оградой слышится пѣніе стиха „Плачъ Адамовъ", который поется выходящими изъ трапезы иноками.

„Восплакался Адамъ, передъ раемъ стоя:
„Ты раю, мой раю, прекрасный мой раю!
Мене ради, раю, сотворену бысте,
Еввы ради, раю, заключену бысте".
Евва согрѣшила, Богу согрубила,
Законъ преступила, Адама прельстила,
Весь родъ нашъ отгнала отъ раю святого,
А свой погрузила, во тьмѣ помрачила.

Адамъ вопіяше Богу со слезами:
„Увы мнѣ, грѣшному, увы беззаконному!
Уже азъ не слышу архангельска гласа,
Уже азъ не вижу райскія пищи!“
Адамъ вопіяше Богу со слезами:
„Боже милосердный, помилуй насъ грѣшныхъ!“
Проговорила Евва, Адаму глаголя:
— Адаме, Адаме, ты мой господине!
— Не велѣлъ намъ Богъ жить въ прекрасномъ раю,
— Ничтоже вкушати отъ райскія пищи,
— Сослалъ насъ Господь Богъ на трудную землю,
— Намъ хлѣба снѣдати отъ потнаго лица,
— Намъ правдою жити, а зла не творити.
А мы, братія-други, прибѣгнемъ ко церкви,
Проліемъ мы слезы ко Вышнему Творцу,
И онъ насъ избавитъ отъ вѣчныя муки.
Воззримъ мы, братія, на вѣчные гробы:
Ахъ гробы вы, гробы, превѣчные домы,
Житіе временное, слава суетная.
Очи наши—ямы, руци наши—грабли:
Что очи завидятъ, то руци заграбятъ.
Взяти мы съ собою ничто же не можемъ:
Только мы возьмемъ саванъ да сорочку.
Какъ будемъ мы мертвы, прижмемъ руци къ сердцу,
Души наши пойдутъ по своимъ по мѣстамъ,
Тѣло наше будетъ червемъ на снѣденье,
Кости наши будутъ землѣ на преданье.
Тогда не поможетъ имѣніе наше.
Рече Исусъ Христосъ Петру же и Павлу:
„Кто у раю плачетъ?“—Евва возрыдаетъ.—
Рече Исусъ Христосъ Петру же и Павлу:
Отверзете Адаму вы райскія двери:
Въ раю ему быти, во вѣки вѣковъ.
Аминь“.

Аратырь и Тимѣлихъ, сгорая отъ нетерпѣнія и предвкушая удовольствіе, стоятъ вытянувшись; ихъ красные рты полу-раскрыты.

Пѣніе у воротъ прекращается.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Опьяненный разсказомъ демоновъ и пѣніемъ „Плача" въ экстазѣ.—Иванъ Многострадальный!

АРАТЫРЬ.

Вдругъ осѣдая, къ Тимѣлиху.—Поправь мнѣ хвостъ.

Ворота растворяются и въ сопровожденіи иноковъ выходитъ Иванъ,—онъ въ грубомъ вретищѣ, босой, простоволосый. Иноки, какъ на великомъ выходѣ, становятся по сторонамъ, Иванъ въ середкѣ.

ИВАНЪ.

Тяжко, самъ съ собой.—Душа моя скорбитъ. Пришелъ мой часъ.

Страстный братъ порывается къ Ивану; Аратырь же и Тимѣлихъ, хоронясь за его спиной, удерживаютъ его.

ИВАНЪ.

Простите въ чемъ согрѣшилъ передъ вами.—Кланяется въ землю.

ИНОКИ.

Кланяясь ему въ отвѣтъ.—Богъ проститъ прости и насъ.

ИВАНЪ.

Простите.

ИНОКИ.

Богъ проститъ.

ИВАНЪ.

Простите.

ИНОКИ.

Богъ проститъ.

Аратырь и Тимѣлихъ выпускаютъ Страстнаго брата.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Бросаясь къ Ивану.— Отецъ, постой, освободи, дай помощь, одолѣваютъ страсти, нѣтъ мнѣ мѣста — —

ИВАНЪ.

Братъ — —

Съ крикомъ врываются маски: Медвѣдь и Туръ, преслѣдующіе Турицу; маски сбились. Поднимается шумъ и суматоха. Иноки бѣгутъ вразсыпную, натыкаясь и сбивая другъ друга съ ногъ; за ними слѣдуетъ Страстный братъ. Среди криковъ выдѣляется —

ТУРЪ.

Стой, ни съ мѣста!

МЕДВѢДЬ.

Вскидывая топоромъ.—Убью!

ТУРЪ.

Я первый

МЕДВѢДЬ.

Моя.

ТУРЪ.

Моя.

Бьются. Слышится, какъ кто-то стравляетъ: „Бей — бей! — бей подъ ноги! — вали его!“ — *и потомъ какъ камень на голову:*

АРАТЫРЬ.

Ничья.

Туръ и Медвѣдь оба падаютъ мертвыми.

ИВАНЪ.

Стоитъ одинъ въ какой-то сверхсильной борьбѣ, крѣпко сжалъ руки, не знаетъ что дѣлать, потомъ отъ нахлынувшаго сердца.—

Земля, ты будь проклята! Твои глаза и руки, лицо и ноги, и все, что есть отъ тебя, твоего — будь проклято!

Аратырь, нечеловѣчески изогнувшись и хохоча глазами, показываетъ Ивану на Турицу, маска съ которой совсѣмъ сбилась и видно лицо. Глаза Ивана и Турицы встрѣтились. И среди долгаго молчанія, кажется, будто что-то хрястнуло. Вѣки у Ивана тяжело упали и, какъ слѣпой въ свой уголъ, онъ медленно, но вѣрно пошелъ къ пещерѣ, растворилъ дверь и, глухо захлопнувъ, скрылся.

Бьетъ полночь.

ТИМѢЛИХЪ.

Спустя минуту, прислушиваясь и показывая на пещеру.—Ростъ кротъ.

АРАТЫРЬ.

Дьявольски увѣренно, съ насмѣшкой.—Посмотримъ.

Оба медленно спускаются во свояси.

На сценѣ два трупа и Турица.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Вечеръ середы пятой недѣли Великаго поста—Стояніе Маріи Египетской. Въ аду неугасимый огонь ярче.

На скамейкѣ у воротъ сидитъ Привратникъ и Странникъ- болѣзненный отрокъ съ острымъ личикомъ.

ПРИВРАТНИКЪ.

Продолжаетъ разсказывать житіе.—„Женщинъ я не позналъ отъ рожденія моего". Она же сказала: „Я выкуплю тебя изъ рабства, поставлю господиномъ всему моему дому и хочу имѣть тебя своимъ мужемъ, ибо мнѣ жалко видѣть, какъ безумно гибнетъ твоя красота". Получивъ надъ нимъ власть, женщина одѣла его въ дорогія одежды и кормила его сладкими кушаніями и, обнимая нечистыми объятіями, безстыдно увлекала на мерзкое дѣло. Блаженный же, видя ея неистовство, еще больше прилежалъ молитвѣ и посту, предпочитая для Бога въ чистотѣ ѣсть сухой хлѣбъ и воду, чѣмъ въ скверне дорогія блюда и вино. Тогда посрамленная женщина приняла въ сердце другой лукавый помыслъ,— приказала посадить блаженнаго на коня и со множествомъ слугъ водить по городамъ и селамъ всей своей земли, говоря: „Все это твое, распоряжайся, какъ хочешь". И дала имъ наказъ: „Это вашъ господинъ, а мой—мужъ; встрѣчаясь съ нимъ, кланяйтесь ему". Блаженный, посмѣявшись надъ безуміемъ женщины, сказалъ ей: „Напрасно тру-

дишься, не можешь прельститъ меня тлѣнными вещами сего міра, ни украсть мое нетлѣнное богатство; пойми и не трудись напрасно". Женщина съ яростью сказала ему: „Или не знаешь, что ты мнѣ проданъ". И, отчаявшись въ своей надеждѣ, нанесла тяжкія раны преподобному, растянувъ его, велѣла бить жезломъ, такъ что земля пропиталась его кровію. Но никакое томленіе— ни огонь, ни мечъ, ни раны, не могли разлучить его отъ Бога—Христа Небеснаго Жениха. А женщина, между тѣмъ, съ безстыдствомъ еще сильнѣе склоняла его на грѣхъ, такъ что приказала насильно положить его на одрѣ своемъ, обнимала и цѣловала его, но и этимъ прельщеніемъ не могла привлечь къ своему желанію. Преподобный сказалъ: „Напрасны, женщина, твои усилія; не думай, что я не творю этого грѣха, потому что безуменъ или не могу, но изъ-за страха Божія и гнушаясь тобою, нечистая". Получивъ такой отвѣтъ, женщина приказала давать ему сто ударовъ, а потомъ собственноручно отрѣзала ему тайныя мѣста.

Преподобный лежалъ, какъ мертвый отъ кровотеченія, и немного собравшись съ силами, пришелъ вонъ въ ту пещеру. Показываетъ туда, гдѣ затворился Иванъ.—И жилъ богоугодно, подвизаясь въ постѣ, молитвѣ, бдѣніи и всѣхъ иноческихъ добродѣтеляхъ, которыми и побѣдилъ до конца всѣ козни нечистаго. Тутъ и погребенъ.

СТРАННИКЪ.

Слушавшій съ большимъ вниманіемъ и мечтательно, встаетъ.— Прощай, отецъ, пойду, началось Стояніе.

ПРИВРАТНИКЪ.

Не обращая вниманія.— И я отъ юности моей, боримый страстію, получилъ отъ преподобнаго исцѣленіе.

СТРАННИКЪ.

Пойду. Уходитъ.

ПРИВРАТНИКЪ.

Самъ съ собой. — Великія бывали искушенія.—Сидитъ съ улыбкой на губахъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Проходя мимо часовни, подходитъ къ Привратнику. — Отецъ весна!--посмотри: цвѣтокъ!

ПРИВРАТНИКЪ.

Ну дай.

ТИМѢЛИХЪ.

Подаетъ цвѣтокъ.—Прямо изъ-подъ снѣга.

ПРИВРАТНИКЪ.

Нюхаетъ цвѣтокъ.—Подснѣжникъ.—Засыпаетъ съ цвѣткомъ въ рукѣ.

Тимѣлихъ медленно отходитъ къ пещерѣ; извивая головой, дѣлаетъ знаки. Аратырь тотчасъ изъ невидимой щели пещеры высовываетъ голову.

ТИМѢЛИХЪ.

Ну что?

АРАТЫРЬ.

Ты сказалъ, чтобы подкладывали больше огня?

ТИМѢЛИХЪ.

Двое работаютъ, не покладая рукъ. Дрова сухія—горныя.

АРАТЫРЬ.

Кивая головой въ сторону Привратника.—Спитъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Я далъ ему понюхать лѣпку.

АРАТЫРЬ.

Прислушиваясь.—Читаетъ канонъ Андрея Критскаго.

ТИМѢЛИХЪ.

Смѣется, потомъ оборвавъ смѣхъ. — Думаешь, нынче покончить?

АРАТЫРЬ.

Время идетъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Опасно.

АРАТЫРЬ.

Всѣ ли въ сборѣ?

ТИМѢЛИХЪ.

Я послалъ за самыми отчаянными со всѣхъ двадцати мытарствъ.

АРАТЫРЬ.

Наряды въ порядкѣ?

ТИМѢЛИХЪ.

Масокъ сколько угодно, не хватаетъ вѣнчиковъ; три короны.

АРАТЫРЬ.

Обойдемся.

ТИМѢЛИХЪ.

Змія выпустимъ?

АРАТЫРЬ.

Увидимъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Змій говоритъ: если ты съ этимъ разумникомъ не управишься, онъ поставитъ тебя искушать глупыхъ.

АРАТЫРЬ.

Со злостью. — Змій поглупѣлъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Не все же быть мудрымъ.

АРАТЫРЬ.

За нимъ большія заслуги, впрочемъ, не имъ свѣтъ кончился. Гордо молчитъ. — Да, что мыши?

ТИМѢЛИХЪ.

Плохо. Сначала, какъ ты велѣлъ, онѣ только по немъ ходили, потомъ стали грызть. Мышь отъ жары дохнетъ.

АРАТЫРЬ.

Горячась.—Такъ напусти червей. Пускай ползаютъ вдоль и поперекъ, вдоль и поперекъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Ладно.

АРАТЫРЬ.

Перемѣняя тонъ, не безъ озорства.—Покажу ему хвостъ на прощанье.

Тимѣлихъ угрюмо молчитъ.

АРАТЫРЬ.

Выгибая шею отъ усилія растопыриться, какъ можно шире, передразниваетъ Ивана, читающаго Канонъ Андрея Критскаго. — „Виждь мое смиреніе и скорбь мою“.

ТИМѢЛИХЪ.

Ну, лѣзь.

Аратырь вылѣзаетъ, онъ наполовину розовый,—тѣло женщины.

Озираясь, подошла къ колодцу съ ведрами Грѣшная Дѣва—Турица.

Тимѣлихъ и Аратырь, застигнутые врасплохъ, вдругъ ее замѣчаютъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ. — Боишься?

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ. — Страшно?

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ. — Увидятъ?

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ. — Узнаютъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ. — Куда дѣвала дѣтей?

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ. — Гдѣ твои малютки?

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ. — Въ печкѣ.

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ. — Въ хлѣву.

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ. — Подъ порогомъ.

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ. — На чердакѣ.

ТИМѢЛИХЪ.

Показывая на нее пальцемъ. — Подъ кроватью.

АРАТЫРЬ.

Показывая на нее пальцемъ. — Свиньи сожрали.

ТИМѢЛИХЪ.

Набрасываясь. — Не смѣй прикасаться!

АРАТЫРЬ.

Не пачкай колодца!

ТИМѢЛИХЪ.

Мрась!

АРАТЫРЬ.

Дрянь!

Грѣшная Дѣва мечется и падаетъ подъ пальцами демоновъ. Аратырь и Тимѣлихъ, наклонившись надъ ней, смотрятъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Готовый поиздѣваться, притронулся къ ней; пыряя пальцемъ.— Больно?

АРАТЫРЬ.

Оставь. Пойдемъ.

Оба отступаютъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства; спускаются въ адъ.

Въ аду разбросано разнаго рода тряпье, среди котораго выдѣляются: маски, кусочки парчи, позументы, кисти отъ гробовъ, нѣсколько штукъ кадилъ, музыкальные инструменты, потертые сюртуки, нѣсколько покойническихъ туфель безъ задниковъ, лиловые покойническіе халаты и проч. рухлядь, вынутая изъ гробовъ.

АРАТЫРЬ.

Окинувъ глазомъ. — Веди.

Тимѣлихъ удаляется налѣво.

Аратырь наклоняется къ тряпью и что-то упорно ищетъ, потомъ, найдя какую-то невообразимую вещь, похожую на хоботъ, нѣсколько разъ примѣряетъ.

СТРАСТНЫЙ БРАТЪ.

Появляется на оградѣ, видъ у него злой.—Сегодня пять недѣль и ровно три дня, какъ я за этими проклятыми стѣнами. Пускай кто хочетъ, я больше не могу. И пусть тамъ на Стояніи убиваютъ себѣ плоть, съ меня довольно и моего стоянія. Плаксиво.—У меня хребетъ жжетъ и въ глазахъ муть. Если я останусь еще хоть день, терпѣніе мое лопнетъ и я согрѣшу——ей-Богу, Заглядываетъ внизъ.—Ареѳа спитъ, въ рукахъ цвѣтокъ. Счастливый! Разсказывалъ какъ-то, будто мучился не меньше, его коснулся преподобный своимъ жезломъ и съ тѣхъ поръ——спитъ. Многозначительно. Тутъ дьяволъ ходитъ, ищетъ кого бы поглотить. Видитъ лежащую у колодца Грѣшную Дѣву.—Господи! какая———Смакуя, вдругъ въ неописуемомъ смятеніи кричитъ.—Женщины!!! Спрыгиваетъ и безъ оглядки пускается улепетывать по дорогѣ изъ монастыря налѣво.

Въ адъ, подгоняемые Тимѣлихомъ, набираются черти: обрюзглый бѣсъ пьянства, бѣсъ обжорства со свинымъ рыломъ, бѣсъ лихвы, бѣсъ блудный, бѣсъ яростный и гнѣвный съ дубинками и друг. по грѣхамъ, затѣмъ наряженные разными животными и звѣрями: кобылка, туръ, волкъ, журавль, козелъ, коза, кобель, конь, лиса, левъ, кабанъ, заяцъ и зловѣщія птицы: воронъ, ястребъ, сова, филинъ. Все это топчется на одномъ мѣстѣ въ ожиданіи дѣла.

АРАТЫРЬ.

Къ которому Тимѣлихъ подвелъ двухъ чертей, наряженныхъ ангелами, въ блестящихъ одеждахъ, оглядывая ихъ.—Это безобразіе, у нихъ виденъ хвостъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Разводя руками.—Что же дѣлать?

АРАТЫРЬ.

Не допуская возраженій. — Пускай пришьютъ его хоть къ шеѣ.

Тимѣлихъ отводитъ ихъ въ сторону.

Адъ начинаетъ гудѣть, какъ рой.

АРАТЫРЬ.

Тише! Къ вернувшемуся Тимѣлиху, за которымъ, какъ солдаты, слѣдуютъ „ангелы". — Ну?

ТИМѢЛИХЪ.

Пришпилилъ ангельской булавкой.

АРАТЫРЬ.

Киваетъ, потомъ откинувшись, обращается къ „ангеламъ".— Пожалуйста, ведите себя молодцами, думайте, что вы любовники-герои и, какъ заправскіе актеры, во-первыхъ, пріятно улыбайтесь и, во-вторыхъ, сильнѣй дышите. Понимаете?

„Ангелы", пріятно улыбаясь, кланяются.

АРАТЫРЬ.

Продолжаетъ. — Говорите отчетливо, не глотайте буквъ, то повышая, то понижая и послаще. Знаете ли вы ваши роли?

„АНГЕЛЫ".

Въ одинъ голосъ, безъ всякаго смысла, заученно текстъ вмѣстѣ съ ремарками.—Иванъ, мы ангелы. Пауза. Дѣлаютъ жестъ. А вонъ идетъ къ тебѣ Главный. Улыбаются. Торжественно. Поди и поклонись ему. Съ веселой миной. Одновременно.

АРАТЫРЬ.

Отлично.

Тимѣлихъ подводитъ Главнаго, видъ у котораго до невозможности глупъ и плюгавъ; вихры, хоть и примоченные квасомъ, торчатъ немилосердно.

АРАТЫРЬ.

Ну, а ты, Женихъ? — Осматриваетъ, поправляетъ корону.— Такъ... ты лучше помолчи.

ВѢСТНИКЪ.

Запыхавшись, къ Аратырю. — Чудаки просятся пустить.

ТИМѢЛИХЪ.

Къ Вѣстнику. — Отбери почуднѣе.

АРАТЫРЬ.

Чудаковъ и озорниковъ не надо. Къ Тимѣлиху — Боюсь, напакостятъ, и такъ довольно...

ТИМѢЛИХЪ.

Какъ знаешь. Дѣлаетъ знакъ Вѣстнику.

Вѣстникъ уходитъ.
Но въ это время уже нѣсколько чудаковъ вломилось, и поднялся въ аду хохотъ.

АРАТЫРЬ.

Не обращая вниманія, къ Тимѣлиху. — Когда онъ выйдетъ изъ ямы, начинай хороводъ и бери его въ самую середку, я натолкну Турицу—она тамъ у колодца—и мы ихъ случимъ.

Тимѣлихъ киваетъ.

АРАТЫРЬ.

Къ бѣсамъ.—Слушайтесь его. Показываетъ на Тимѣлиха.— Начинайте, когда онъ укажетъ, очень не орите и не толкайтесь, шумите тише, помните, вы должны изображать хоръ ангельскій. Теперь прочистите ваши свиныя глотки.

ТИМѢЛИХЪ.

На озвѣрѣвшихъ. — Тише!

АРАТЫРЬ.

Я пойду впередъ.

Тимѣлихъ дѣлаетъ знаки бѣсамъ, чтобы они слѣдовали за нимъ. И вся бѣсная орава, стараясь не оступаться, подымается за Тимѣлихомъ на землю. Аратырь вышелъ первый; вихревымъ движеніемъ онъ открываетъ пещеру: освѣщенная туманнымъ свѣтомъ, стѣна какъ бы таетъ.

ИВАНЪ.

Закопанный въ землѣ по поясъ, передъ нимъ раскрытая книга, по сторонамъ: свѣчка, кувшинъ и просвирка; онъ оторвался отъ Канона, который все время читалъ, мысли его ушли въ другой міръ вспоминаетъ, потомъ почти съ отчаяніемъ.— О, какъ тянутся дни моей жизни,—горе мнѣ, что живу. Они опять явились, всѣ дѣла моей жизни, они кричатъ: ты помнишь ли о насъ? помнишь ли то мѣсто? то время? тотъ часъ? — — Напрасный трудъ—какъ помрачился я, какъ обманывалъ себя, какъ издѣвался надъ собой. Окаянная душа, откуда ты вышла?—Никто не можетъ пособить мнѣ.

Молчаніе. Орава, какъ вкопанная, подъ четырьмя глазами демоновъ.

„АНГЕЛЫ".

По знаку Тимѣлиха подкравшіеся къ пещерѣ, остановились у ея входа, въ одинъ голосъ. — Иванъ, мы—ангелы!

Иванъ вздрогнулъ, заволновался.

„АНГЕЛЫ".

Дѣлая полуоборотъ и по одной линіи вытягивая руки, показываютъ на приближающагося Главнаго; наивно. — А вонъ идетъ къ тебѣ Главный. Снова оборачиваясь къ Ивану. — Поди и поклонись ему.

Главный, котораго Тимѣлихъ вытолкнулъ не совсѣмъ ловко, такъ что тотъ чуть было не огрызнулся, а корона на его головѣ покосилась, подступаетъ къ пещерѣ.

Иванъ, опираясь о землю ладонями, дѣлаетъ усиліе выбраться изъ ямы.

Напряженіе растетъ, оно дошло у бѣсовъ до послѣдней грани, вся орава изогнулась, еще минута, и она самовольно бросится и перевернетъ все вверхъ дномъ. Тимѣлихъ застылъ надъ ней.

Аратырь, все время наблюдавшій за сценой, торжествуетъ побѣду.

„Ангелы", давая дорогу Главному, улыбаются.

Все замерло.

ИВАНЪ.

Лицо котораго вдругъ искажается гнѣвомъ, отчетливо. — Тотъ, Кто свергъ васъ съ небесъ и предалъ на погибель, велитъ вамъ черезъ меня — удалитесь!

„Ангелы", не ахнувъ, тотчасъ проваливаются.

Главный, пошатнулся и—кубаремъ; корона съ головы покатилась по полу.

Смятеніе.

Тимѣлихъ отчаянно махнулъ рукой. Аратырь ринулся вглубь сцены.

Начинается бѣсовское дѣйство. Дьяволы, кружась, запѣваютъ страшнымъ хоромъ. Все топчется, все кружится, все давитъ другъ друга и отъ бѣснующагося хоровода, который вертится съ каждымъ кругомъ все шибче и тѣснѣе, отваливаются кусками черти, они, кувыркаясь, ползутъ къ пещерѣ, облѣпляютъ ее,—творятъ Богъ знаетъ что, и въ монотонномъ топѣ хора изъ топота, тянутся, какъ руки, отдѣльные возгласы:

— Вернись къ намъ!
— Дай отвѣтъ!
— Ты былъ нашъ!
— Вернись къ намъ!

— Мы будемъ съ тобой!
— Ты помнишь?..
— Исполни!
— Вернись къ намъ!

АРАТЫРЬ.

Разсѣкая всѣ голоса. — Огня!!! Онъ пробудилъ Грѣшную Дѣву и потащилъ ее къ самой пещерѣ.

ИВАНЪ.

Корчась. — Ноги мои горятъ, — жилы корчатся, — трещатъ кости,—пламя доходитъ до утробы. О лучше быть кускомъ глины, камнемъ, деревомъ——чѣмъ человѣкомъ.

Изъ хоровода, вдругъ отхлеснутаго въ сторону, будто порывомъ вѣтра.— Смерть!

Смерть, появившаяся внезапно, стоитъ надъ всѣми.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Въ аду тьма, только чуть тлѣется неугасимый геенскій огонь, освѣщая встревоженныя лица Аратыря и Тимѣлиха. Ночь подъ Свѣтло-Христово Воскресеніе.

АРАТЫРЬ.

Ударили къ Страстямъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Давно.

АРАТЫРЬ.

Такъ въ полночь начинаемъ.

ТИМѢЛИХЪ.

До звона.

АРАТЫРЬ.

Молніи есть?

ТИМѢЛИХЪ.

Три штуки осталось.

АРАТЫРЬ.

Достать нельзя?

ТИМѢЛИХЪ.

Невозможно.

АРАТЫРЬ.

Что Змій?

ТИМѢЛИХЪ.

Лютъ. — — Этотъ глупый обычай отпускать изъ ада души на Пасху; при немъ осталось всего навсего трое: Каинъ, Іуда, Каіафа.

АРАТЫРЬ.

Жестокій обычай.

ТИМѢЛИХЪ.

Да, тамъ есть чему поучиться.

АРАТЫРЬ.

Страдалъ на крестѣ — —

ТИМѢЛИХЪ.

Кто страдалъ, тотъ жестокъ.

АРАТЫРЬ.

Спохватившись. – Ты Ивана видѣлъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Утромъ; весь подопрѣлъ и до кости разъѣденъ.

АРАТЫРЬ.

Вода?

ТИМѢЛИХЪ.

Вода и огонь поочередно.

АРАТЫРЬ.

Ничего?

ТИМѢЛИХЪ.

Ничего.

АРАТЫРЬ.

Раздражаясь. – Я тебѣ этого никогда не прощу, свинья.

ТИМѢЛИХЪ.

Самъ свинья.

АРАТЫРЬ.

Упустить такой случай, вѣдь тогда онъ, въ ту ночь, вылѣзалъ...

ТИМѢЛИХЪ.

Да не вылѣзъ.

АРАТЫРЬ.

Подподлецъ, жлива!

Тимѣлихъ ничего не отвѣчаетъ.

АРАТЫРЬ.

И все погибло... Ты этого мерзавца наказалъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Угрюмо. — Послалъ — — —

АРАТЫРЬ.

Захлебываясь.—Ужъ я бъ тебя послалъ — — хорошъ! не осмотрѣть внимательно: вѣдь этотъ болванъ не потрудился закрыть своихъ куриныхъ лапъ. Ну, посуди самъ, какой онъ Женихъ, дуракъ пойметъ, что это поддѣлка, и притомъ у того косолапаго я видѣлъ собственными глазами рога, а вся эта твоя орава, нечего сказать, хороводъ! да въ такой хороводъ послѣдняго кобеля не втянешь.

ТИМѢЛИХЪ.

А ты зачѣмъ себѣ хоботъ привѣсилъ—такихъ не бываетъ.

АРАТЫРЬ.

Врешь, такой былъ у самого Озириса.

ТИМѢЛИХЪ.

Котораго прорвало, разражается бранью. — Самъ-то ты скотина...

АРАТЫРЬ.

Въ неистовствѣ бросается на него.—Тимѣлихъ!!

ТИМѢЛИХЪ.

Отстраняясь.—Довольно.

Молчатъ. Смотрятъ другъ на друга.

ТИМѢЛИХЪ.

Холодно и гордо.—Я ручаюсь. Сегодня кончимъ.

Аратырь молчитъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Я говорилъ со Зміемъ.

Аратырь молчитъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Онъ согласенъ.

Аратырь молчитъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Въ полночь до звона мы выпустимъ Змія сразу и пускай онъ прямо надвинется и поглотитъ.

АРАТЫРЬ.

Сквозь зубы.—Хорошо.

ТИМѢЛИХЪ.

А теперь навѣдаюсь, что дѣлаетъ святой. Выходитъ на землю, проходитъ осторожно къ пещерѣ и пропадаетъ черезъ невидимую щель во-внутрь.

АРАТЫРЬ.

Вслѣдъ ему. — Дьяволъ! Онъ безпокойно ходитъ, потомъ, увидѣвъ брошенную на полъ молнію, беретъ, нюхаетъ и со злостью ломаетъ.

ТИМѢЛИХЪ.

Возвращается.—Онъ не одинъ, у него блаженный!

АРАТЫРЬ.

Овладѣвая собой.—Опять. Что еще надо этому болвану?

ТИМѢЛИХЪ.

Укрѣпляетъ. Разсказываетъ свою повѣсть.

АРАТЫРЬ.

Ну, это ничего. Вспоминаетъ.—За Смертью послалъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Еще съ утра. Она совсѣмъ остервенѣла, такъ и коситъ. Ей тоже завтра отдыхъ.

АРАТЫРЬ.

Она, кажется, на насъ сердита.

ТИМѢЛИХЪ.

Да, за ту ночь.— —Ты погорячился.

АРАТЫРЬ.

Вспыхнувъ.—Оставь.

ВѢСТНИКЪ.

Запыхавшись, къ Аратырю.—Смерть не можетъ.

АРАТЫРЬ И ТИМѢЛИХЪ.

Почему?

ВѢСТНИКЪ.

Ей нѣтъ указа.

АРАТЫРЬ.

Какого ей указа?

ВѢСТНИКЪ.

Ей нѣтъ указа. и притомъ, окончивъ работу, она идетъ въ баню.

АРАТЫРЬ.

Вшивая хрычевка.

ТИМѢЛИХЪ.

Ступай.

Вѣстникъ уходитъ.

АРАТЫРЬ.

Съ безпокойствомъ.—Нашихъ никого?

ТИМѢЛИХЪ.

Всѣ по церквамъ, осталась одна рвань.

АРАТЫРЬ.

Неувѣренный въ Тимѣлихѣ.—Тимѣлихъ,—мы должны, нынче конецъ испытаній.—Насъ двое.

ТИМѢЛИХЪ.

Гордо.—Пора.

Аратырь и Тимѣлихъ скрываются во тьмѣ.

Страсти кончились и за ограду изъ церкви доносится пѣніе ирмосовъ. —

Волною морскою скрывшаго древле гонителя мучителя, подъ землею скрыша спасеннымъ отроцы: но мы яко отроковицы, господеви поемъ, славно бо прославися.

ПРИВРАТНИКЪ.

Дремавшій не скамейкѣ, поднялся.—Вотъ и дождались Пасхи. Привелъ Богъ. Хорошо на Пасхѣ. Ждешь ее, ждешь, измаешься на стояніяхъ, а она и придетъ, красная. Бывало, какъ былъ звонаремъ, подходитъ этотъ часъ, лѣзешь, бывало, на колокольню, а морозъ такъ тебя всего и ѣстъ, а потомъ, какъ грянешь... Послѣдній разбойникъ въ этотъ день, какъ самый первый святой дѣлается, только что Дьяволу скучно, у его у темнаго все чистый понедѣльникъ. И хорошо помереть на Пасхѣ, прямо въ рай.—Пойти приложиться къ Плащеницѣ. Скрывается въ воротахъ.

Пѣніе ирмосовъ продолжается, кончаютъ. —

Не рыдай мене мати, зряще во гробѣ, его же во чревѣ безъ сѣмене зачала еси сына: востану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно яко Богъ, вѣрою и любовію тя величающая.

ГРѢШНАЯ ДѢВА.

Вбѣгаетъ изъ-за ограды, она нарядная, но нарядъ ея оборванъ, останавливается у колодца, съ усиліемъ передыхаетъ, смотритъ вокругъ, она одна. — Что я имъ сдѣлала? — они вытолкали меня изъ церкви, — они вырвали мою пасху и растоптали. Они не дали приложиться къ Плащеницѣ — — Я грѣшная, я послѣдняя, но развѣ я не смѣю? развѣ Ты пришелъ для праведныхъ? — — Ты все знаешь: такія тайныя мысли, которыхъ никто не знаетъ, и зачѣмъ создалъ меня и оставилъ одну здѣсь на землѣ. — — Не знаетъ, куда дѣваться.

АРАТЫРЬ И ТИМѢЛИХЪ.

Мелькнувшіе въ аду, появляются на землѣ и съ разныхъ концовъ. — Пора. — Пора.

Тьма на землѣ сгущается. Жуткое молчаніе. Старые обдрыпанные черти, живущіе за ветхостью въ аду, какъ въ богадѣльнѣ, почуявъ развлеченіе, высыпаютъ мышами изъ угловъ и щелей ада и пробираются тихонько на землю

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Съ удовольствіемъ.—Змій поднялся.

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Теперь ужъ дудки!—тому не сдобровать.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

Живьемъ поглотитъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧОРТЪ.

Зря закопался,—Змія не осилишь.

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Змій поднялся.

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Огонь пышетъ изъ его пасти.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

Что-то будетъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧОРТЪ.

Только бы успѣть до звона.

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Га!—живой рукой сладитъ.

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Звонарь полѣзъ на колокольню.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

Поднимаютъ хоругви.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧОРТЪ.

Зажигаютъ свѣчи.

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Схряпаетъ, успѣетъ.

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Къ третьему —Не засти, за рогами не видно.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

А у тебя дрожитъ хвостъ.

Черти, переминаясь, лѣзутъ другъ на друга и дрожатъ.

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Змій пошелъ.

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Захлебываясь.—Сейчасъ поглотитъ.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

Змій пошелъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧОРТЪ.

Змій побѣдитъ.

ИВАНЪ.

Изъ пещеры.—Боже мой, Боже, для чего Ты оставилъ меня!

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Какъ же, дери глотку!

ВТОРОЙ ЧОРТЪ.

Одинъ такой кричалъ.

ТРЕТІЙ ЧОРТЪ.

Такъ онъ тебя и услышитъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЧОРТЪ.

Посмотримъ, братцы, придетъ ли Богъ спасать его.— Обрываетъ жиденькимъ смѣшкомъ.

ПЕРВЫЙ ЧОРТЪ.

Кричитъ. — Змій побѣдилъ!

ВСѢ ЧЕРТИ.

Подпрыгивая и кружась въ неистовствѣ. — Змій побѣдилъ!

Стѣна въ пещерѣ таетъ и въ туманномъ свѣтѣ видна раскрытая пасть Змія, въ которой вдругъ очутился Иванъ.

Аратырь, нечеловѣчески изогнувшись и хохоча глазами, показываетъ Ивану на Грѣшную Дѣву — Турицу. Тимѣлихъ въ сторонѣ, скрестивъ руки, наблюдаетъ.

ГРѢШНАЯ ДѢВА.

Въ восторгѣ, истово. — Да воскреснетъ Богъ — и расточатся — враги его. — —

И въ мигъ молніей прорѣзается пещера, — глухой громъ и ударъ колокола; за оградой мелькнула свѣча — и хлынулъ свѣтъ. „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ".

АРАТЫРЬ И ТИМѢЛИХЪ.

Скорчась. — Проклятый!

ЗАНАВѢСЪ.

ЭПИЛОГЪ.

Ночь. У дверей пещеры Ангелъ Хранитель со свиткомъ и Ангелъ Смерти съ трезубцемъ

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Я долженъ войти.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Тише. Онъ только что заснулъ.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Тамъ ждутъ.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Помедли. Весь вечеръ онъ молился.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Не могу. Пріотворяетъ дверь въ пещеру и отступаетъ—У него свѣтъ.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Съ тѣхъ поръ, какъ послѣ испытаній на Пасху посѣтилъ его Господь, у него свѣтъ.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Боюсь, скоро Смерть пріѣдетъ. Онъ можетъ испугаться.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Онъ ее однажды видѣлъ.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Она причинитъ ему боль.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Лучше подождать.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Я долженъ. Тамъ за его труды въ награду готовится веселіе на безконечные вѣка.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Его душа не хочетъ разставаться.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Колеблясь. — Меня послали.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Задерживая. — Ты много видѣлъ. Ты помнишь, какъ умиралъ Моисей?

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Тогда я дважды возвращался, не рѣшаясь вынуть душу: пришелъ самъ Богъ, поцѣловалъ его въ уста и поцѣлуемъ принялъ душу. Къ Маріи приходилъ царь Давидъ, игралъ на гусляхъ.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Испуганно. — Она!

Слѣва появляется Смерть на конѣ. Ангелъ Хранитель заслоняетъ входъ въ пещеру.

Смерть остановилась.

АРАТЫРЬ.

Забезпокоился, досталъ свитокъ и желѣзный крюкъ, легко оправился и полѣзъ на землю. Къ Смерти. — Здравствуй, мать!

Смерть не отвѣчаетъ.

АРАТЫРЬ.

Нехотя, по шаблону, къ Ангелу Хранителю. — Онъ нашъ.

Ангелъ Хранитель развертываетъ свитокъ.

АРАТЫРЬ.

Ну что-жъ. Отходитъ.

Смерть слѣзаетъ съ коня и направляется къ пещерѣ.

АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Къ Ангелу Смерти. — Скажи ей.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Къ Смерти.—Стой!

Смерть остановилась.

Ангелъ Смерти раскрылъ дверь пещеры и скрылся въ свѣтѣ, исходящемъ отъ закопаннаго Ивана.

ТИМѢЛИХЪ.

Вернувшійся откуда то въ адъ почти тотчасъ--по появленіи Аратыря на землѣ, высунулся изъ ада; хриплымъ простуженнымъ голосомъ, кивая по направленію къ пещерѣ. — Комедію ломаютъ.

АРАТЫРЬ.

Увидя его, удивленно.—Ты вернулся?

ТИМѢЛИХЪ.

Наши взяли верхъ!

АРАТЫРЬ.

Много говорилъ?

ТИМѢЛИХЪ.

Милліонъ и триста тысячъ вольностей. Воля и равность! Подкашливаетъ.

АРАТЫРЬ.

Охота.

СМЕРТЬ.

Я не могу больше ждать.

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

Изъ пещеры. — Да будетъ.

Смерть входитъ въ пещеру.

Черезъ минуту изъ пещеры выходитъ Ангелъ Смерти, держа въ рукахъ завернутую въ пелену душу. Ангелъ Хранитель, остававшійся въ дверяхъ, слѣдуетъ за нимъ. Оба поднимаются на небо. Тимѣлихъ хотѣлъ было преслѣдовать, но видимо раздумалъ, потянулся, зѣвнулъ и сталъ не спѣша съ важностью сановника спускаться въ адъ.

Аратырь свернулъ изъ свитка трубу, приставилъ къ губамъ, трубитъ.

СМЕРТЬ.

Вышла изъ пещеры, плотно закрыла за собой дверь, сѣла на коня и, обращаясь къ публикѣ, вѣще и свирѣпо. — Остынетъ трупъ, не прикоснутся черви, останется до вѣка онъ нетлѣннымъ, но взятый изъ земли, вернется въ землю: съ каждымъ днемъ онъ будетъ погружаться и съ каждымъ лѣтомъ глубже—обниметъ землю-мать, и волоса на головѣ смѣшаются съ травой. Когда уйдетъ весь въ землю, знайте, настанетъ Страшный Судъ. Уѣзжаетъ.

АРАТЫРЬ.

Дѣлая ей вслѣдъ жестъ, выражающій „все равно", безнадежно. — Не прошибешь. И спускается въ адъ, къ Тимѣлиху.

ТИМѢЛИХЪ.

Все пустяки пустяковскіе!

На колокольнѣ звонъ по усопшему.

ЗАНАВѢСЪ.

Конецъ всему представленію.

Для сочиненія Дѣйства я пользовался Кіево-Печерскимъ Патерикомъ и древними памятниками Прения. Руководствомъ мнѣ были изслѣдованія акад. И. Н. Жданова: „Сочиненія", т. I. Спб. 1904, книга Ѳ. Д. Батюшкова: „Споръ Души съ Тѣломъ". Спб. 1891, Н. Стороженко „Предшественники Шекспира". Спб. 1872, Н. С. Тихонравовъ „Сочиненія", т. 2. М. 1898. Духовный стихъ: „Плачъ Адамовъ", см. А. В. Безсоновъ: „Калики перехожіе". М. 1861—64

Примѣчанія.

Стр. 44 **Вотскія** дѣвушки — вотячки. Вотъ — вотяки.

Стр. 49 **Полѣсъ** — Палэсъ-Муртъ, а также лѣшіе: Кузь-Пине, Искалъ-Пыдо — изъ вотской миѳологіи.

Стр. 94 **Корочунъ** — олицетвореніе навечерія Рождества, древнерусское названіе Солоноворота — 12 декабря, а также Филипповокъ — время отъ 15 ноября по 24 декабря.

Стр. 101 **Святый вечоръ** — колядскій припѣвъ. Колядка — рождественская величальная пѣсня. Въ памяти народной сохранилось мало колядокъ, и теперь рѣдко услышишь. Не одинъ вѣкъ старались изгонять эту „бѣсовскую прелесть". А вотъ и постарались — здравствуйте!

Стр. 185 **Амазонка, Гишпанецъ, Астрологъ** и др. — гадательныя карты, приписываемыя Сведенборгу (1688 — 1772).

Стр. 195 **Пальцы**. Въ основу этой сказки положенъ южно-славянскій миѳъ. См. **И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ**: „Матеріалы для южно-славянской діалектологіи и этнографіи. II. Образцы языка на говорахъ Терскихъ Славянъ въ сѣверовосточной Италіи". Сборникъ Отдѣл. Рус. яз. и Словес. Имп. Акад. Наукъ. Т. LXXVIII, № 2. Спб. 1904.

Стр. 199 Обычай хоронить муху, блоху, комара или таракана — происхожденіе древняго. Похороны совершаются 1 сентября въ Семенинъ день — день Симеона Лѣтопроводца, когда рыба-угрь выходитъ изъ воды утреннею зарею и прогуливается лугомъ на три версты по росѣ. Обычай держится и до сего времени. Теперь хоронятъ „звѣрей" съ цѣлью избавиться отъ нихъ: сложилось повѣрье, будто въ домахъ, гдѣ ихъ водится много, стоитъ только закопать по 1 сентября по одному „звѣрю" и всѣ они выведутся. Истребительная сила погребенія слыветъ вѣрнымъ средствомъ, вѣрнѣе самаго персидскаго порошка, въ который вѣруютъ и наши образованные люди.

Стр, 201 **Колдунъ**. См. И. П. Сахаровъ: „Сказанія русскаго народа". Кн. I. изд. А. С. Суворина. Спб. 1885.

Стр. 228 **Лѣпокъ** — лѣпки — липкіе цвѣты, которые, приставая къ рукамъ или къ одеждѣ, наводятъ сонъ.

Содержаніе.

Разсказы.

I.

стр.

Судъ Божій 7
Жертва 25
Царевна Мымра 43
Занофа 63

II.

Казенная дача 77
Опера 87
По волѣ 94
По этапу 104

III.

Бѣдовая доля 135
Мака 172

IV.

Звѣздочка 193
Пальцы 195
Розовая куколка 196
Таракашки 198
Погребеніе мухи, блохи и комара 199
Колдунъ 201

Бѣсовское дѣйство.

Бѣсовское дѣйство 207
Примѣчанія 253
Содержаніе 254

Алексѣй Ремизовъ.

ЧОРТОВЪ ЛОГЪ. Разсказы. **Полунощное Солнце.** Поэмы. Сборникъ. (1900-1906 г.) Изд. Eos. СПБ. 1908 г. Цѣна 1 р.

РАЗСКАЗЫ. (Разсказы, сказки. **Бѣсовское дѣйство.**) Сборникъ, (1902-1909 г.). Изд. Прогрессъ. СПБ. 1910 г. Ц. 1 р.

ПРУДЪ. Романъ. (1902-1903 г.) Изд. Сиріусъ. СПБ. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

ЧАСЫ. Романъ. (1904 г.). Изд. Eos. СПБ. 1908 г. Цѣна 1 р.

ПОСОЛОНЬ. Сказки. (1900-1906 г.). Съ рис. Н. П. Крымова. Изд. Золотое Руно. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

МОРЩИНКА. Сказка. (1906 г.). Съ рис. М. В. Добужинскаго Изд. Шиповникъ. СПБ. 1907 г. Цѣна 50 к.

ЛИМОНАРЬ. Повѣствованія по апокрифамъ. (1906-1907 г.). Изд. Оры. СПБ. 1907 г. Цѣна 60 к.

ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ. Повѣсть. (1906 г.). Съ рис. К. А. Сомова. СПБ. 1908 г. Напечат. въ 25-ти имен. экз.

КРАТКІЙ КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА и КНИЖНАГО СКЛАДА

„ПРОГРЕССЪ“ М. Г. Стракуна.

С.-Петербургъ, Невскій, 34.

Е. П. Архангельскій *), Ревизоръ движ.

Полное руководство для начальниковъ станцій ихъ помощниковъ и лицъ, ихъ замѣняющихъ, по хозяйственной, **административной и технической части службы движенія на желѣзныхъ дор.** Руководство заключаетъ 720 стр. съ образцами бланокъ, таблицъ и 20 приложеній: Правила технической эксплоатаціи жел. дорогъ, правила о порядкѣ донесеній и др. Спб. Цѣна 3 р. 50 к. съ пер.

В. А. Зеестъ, Нач. службы телеграфа Сѣв. ж. д.

Сигнализація и блокировка ж. дорогъ *). Съ 337 рис. Спб. 2 руб. 50 к. Въ кол. перепл. 3 руб.

Н. Васильевъ и Л. Андреевъ, Инж.

Полезныя пособія: катехизисъ желѣзнод. машиниста *) (Примѣнит. къ руководству А. К. Бемъ и др.) 65 вопросовъ и отвѣтовъ. Пособіе для лицъ, желающихъ держать экзаменъ на право управленія паровозомъ. Спб., 1 руб.

А. К. Бемъ.

Руководство службы паровозн. машиниста *). Изд. 7-ое знач. дополненное и исправлен. С. Ивановымъ и А. Реутскимъ. Съ 357 рис. и 2-мя черт. въ 3-хъ краскахъ и 10-ю отд. табл. чертежей, Спб. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. Въ коленкор. тисн. переплетѣ 3 рубля, съ перес. 3 р. 50 к. Вмѣстѣ съ **„Катехизисомъ желѣзнодорожнаго машиниста“** – 3 руб. безъ переплета.

Ивановъ и Реутскій.

Всасывающіе и невсасывающіе инжекторы. Порча и исправленіе, съ 30 черт. 1 р. 30 к.

Кулисные механизмы Джоя и Гейзингера. Съ 16 табл. 60 к.

Заблудовскій и Таненбаумъ. Инж.-Техн.

Другъ кочегара *). Практическое руководство къ правильному уходу за паровыми котлами. Наставл. для кочегаровъ, механиковъ, практиковъ и слесарей. Пособіе для владѣльц. пар. котл., начинающ. техн. и техн. школъ. Съ 31 рис. Изд. 2-е. 1 руб.

---

*) Обозначенныя книги изданы складомъ, остальныя пріобрѣтены цѣлымъ изданіемъ или въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

Белланже и Шлезингеръ.

Практическое руководство для установки электрическихъ звонковъ, нумераторовъ, телефоновъ и громоотводовъ *). Съ 30-ю рисунками и 31 лист. чертежей. Переводъ съ франц. В. Вегнера. Спб. 60 к.

П. А. Федоровъ, техникъ.

Спутникъ монтера. Руководство къ установкѣ и уходу за паровыми, газовыми и керосин. двигат., съ 161 рис. Спб. 1 р. 25 к. съ перес.

Спутникъ кочегара. Руковод. къ уходу за паровыми котлами съ 15 таб. и 103 рис. Спб. 1 р. съ перес. Вмѣстѣ съ „Спутник. Монтера" высыл. за 2 руб.

Марсель Асколи.

„N" Лучи *). Новый родъ лучей. Съ 24-мя рисунками Спб. 30 к.

М. Толле.

Регулированіе двигателей *). Въ общедоступномъ изложеніи. Расчетъ и конструкція маховиковъ. Перев. Инж. Е. Я. Вайнъ, съ 100 рис. Спб. 1909 г. Ц. 2 р.

Ривошъ, Инж.

Сжатый и жидкій воздухъ. Одобр. учен. комит. М. Н. П. для библ. средн. уч. зав. и безпл. библ. Добываніе и примѣненіе ихъ въ желѣзнодорожномъ, горномъ и воен. дѣлѣ, съ 43 рис. 80 к.

Виньоло.

Архитектурные ордера текстъ и рис. П. Федорова. Спб. 1 р. 50 к.

Маэльсъ.

Бетонъ, его изготовленіе и примѣненіе *). Съ 87 рис. Перев. съ франц. Спб. 2 р. 50 коп.

Программа для испытанія на право производ. строительн. работъ *). Ц. 30 к.

Ледебуръ.

Металлургія желѣза, чуг. и стали. 3 т. 15 р.

Его-же. Механическая технологія металловъ. 10 р.

Его-же. Чугуно-сталелитейное дѣло 2 т. 3 р.

Жераръ.

Электрическая тяга. Спб. 6 р.

Грецъ.

Электричество. 2-е изд. Спб. 3 р. 50 к.

Шмидтъ.

Практическая фотографія. 3-е изд. Спб. 3 р.

Лауэнштейнъ.

Сопротивленіе матеріаловъ. 1 р. 50 к.

Бахъ. Детали машинъ. Ц. 10 р.

Бизе. Сопротивленіе матеріаловъ. С.-Петерб. Ц. 1 р.

Алексѣевъ и Петровъ, подъ ред. Кубасова. Паровые котлы. 4 р.

Бѣлелюбскій и Богуславскій.

Мостъ черезъ Обь отверстіемъ 372,50. 2 р.

Р. Брукъ.

Практика службы желѣзнодорожнаго машиниста *). Практика отопленія и питанія паровознаго котла. Съ 20 рис. Спб. 50 коп.

Ѳ. Валуевъ.

Практическое руководство строительнаго искусства *). Книга для изученія строит. дѣла, особенно желѣзнод. Изд. 2-е. 1 р. 50 к.

С. П. Стримбанъ.

Руководство къ разбивкѣ закругленій. М. 1 р.

А. К. Бемъ.

Расчетъ, разбивка и укладка стрѣлокъ и пересѣченій. Учебн. Ком. Мин. П. С. рекомендовано для библіотекъ какъ пособіе и для наградъ учен. Т. Жел. Училищъ. Спб. 5 р.

Рельсовый путь. Справочн. книга по желѣзнод. дѣлу *). Съ 16 таб. черт. 60 к.

А. Павловскій.

Участокъ тяги русск. жел. дорогъ. Съ излож. обязанностей агентовъ и обязательн. постановленій по уходу за пар. котл. и внутренн. порядк. въ мастерскихъ. 1 р. 50 к.

П. П. Топиро.

Спутникъ желѣзнодорожнаго кондуктора *) съ приложен. 140 вопросовъ для провѣрки знанія службы. Спб. 25 к.

В. Яцына, Инж.

Таблицы для скорой и точной разбивки кривыхъ. Въ клеенчат. перепл. 2 р.

Анри.

Наивыгоднѣйшее распредѣленіе земляныхъ массъ *) теорія и примѣры. Перев. съ франц. инж. Близняка, и Апостолова. Спб. 1909 г. 1 р.

Таблицы для исчисл. земл. работъ. Сиб. ж. д. 2 р.

Общій Уставъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Дополненный по продолженію 1893 г. и поздн. узакон. съ разъясн. и рѣшен. сен. и мин. цирк. Изд. 2-е. Спб. 1 р.

К. Хедеръ.

Насосы и Компрессоры *). Практ. руководство къ проектир. построенію, изслѣдованію и улучшенію насосовъ, 2 т., болѣе 900 рис. въ текстѣ съ примѣрами, табл. и съ 2 атлас. черт. Спб. Цѣна за каждый томъ 3 р.

А. Слаби, Проф.

Работы по безпроволочной телеграфіи. Со мног. рис. Пер. подъ ред. проф. Электрот. Инст. А. С. Попова. Спб. 1 р.

тоже ч. II съ біографіей и портретомъ проф. А. С. Попова. Спб. 1909 г. 1 руб.

Бриксъ, А.

Рѣзаніе металловъ. Спб. 1 р.

С. Ф. Фонъ-Гайсбергъ, Гертинъ и **Михальке.**

Электрическое освѣщеніе и электродвигатели*). Практич. руководство для устройства и ухода за освѣщ. и электродвиг. въ домахъ, фабрикахъ. Пер. съ нѣм. Спб. 60 к.,—въ перепл. 75 к.

Валмслей. Ткацкое и бумагопрядильное производство 3 р.

Филипсъ. Техно-химическій анализъ. 1 р.

Филипповъ, Д.
О примѣненіи машинъ съ внутр. сгораніемъ для движенія судовъ. 1 р. 50 к.

Геккель.
Естественная исторія міротворенія. Съ рис. СПБ., 1908 г. 2 р.

Чудиновъ.
Словарь толковый и орѳографическій. 2 т. 6 р.

Евгеній Соловьевъ (Андреевичъ)
Монографія о Толстомъ. Крит. произв. Спб. 1 р.
Рабочіе люди и Новыя идеи *). Съ портретомъ автора. Спб. 80 к.

Овсянико-Куликовскій, Проф.
Л. Н. Толстой. Спб. 1908 г. 60 к.
Литературный распадъ. ч. I Ц. 1 р. 50 к., ч. II. 1 р. 50 к.

Чуковскій.
Леонидъ Андреевъ, большой и маленькій. 80 к.

Рылѣевъ,
Пѣвецъ борьбы и свободы. Критич. очеркъ. Г. Карасика. Спб., 15 к.

С. Ѳ. Платоновъ, Проф.
Лекціи по русской исторіи. 6-е изд. Спб. 3 р. 50 к.

К. Никитинъ.
Сборникъ сочиненій по русскому языку *). Темы, планы и разработанныя сочиненія литерат., истор. и отвлечен. характера, задав. въ среднеучебн. завед. и на конкурсныхъ экзамен. Спб. 2 части по 1 р.

Ф. Василевскій.
Руководство къ составленію ученическихъ сочиненій *). Допущ. Учен. Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. въ ученич. библіот. Изд. 7-е. Спб. Цѣна за 2 вып. 1 р. 25 к.

Е. Рошалъ.
Планы и краткіе обзоры темъ. Спб. 1908 г. Ч. I—1 р. 25 к. Ч. II—1 р. Ч. III, IV, V, VI, VII, вып. 1 и 2 по ч. VIII по 1 р. 25 к.

Полевой.
Сборникъ разработан. темъ. Спб. Ч. I—1 р. 35 к. Ч. II—1 р. 25 к. Ч. III—1 р. Ч. IV—1 р.

Григорьевъ.
Сотрудникъ гимназиста *). Сборникъ сочиненій и плановъ. Изд. 2-е. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. Ч. II—1 р.

Эрастовъ.
Искусство чтенія. Курсъ логическаго и выразит. чтенія. 1 р.

Карасевъ.
Ревизоръ, Старосвѣтск. помѣщики и др. произв. Н. В. Гоголя. Разборъ произв. для учащихся. Спб. 1910 г. Ц. 60 к.

Карасевъ.
Мертвыя души. Н. В. Гоголя. Изложеніе и разборъ для учащихся. Спб. 1910 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н.
Ив. С. Тургеневъ. Біографія и разборъ сочинен. для учащихся. Спб. 1910 г. Ц. 50 к.

Виноградовъ, Н.
Полныя новѣйшія правила и программы для экзамена на вольноопр. 1-го и 2-го разряда. Поступленія въ юнкерск. и военн. училища и на 1-й классный чинъ воен. вѣдом. Спб. 1910 г. Ц. 70 к.

Виноградовъ, Н.
Полныя программы и правила для испытанія на домашняго учителя, учительницы и на 1-й класси. чинъ гражданскаго вѣд. Спб. 1910 г. Ц. 70 к.

Пауль Генсель.
Основныя проблеммы этики *). Семь лекцій 1905 г. 40 к.

Алексѣевъ.
Торговая корреспонденція. 300 образц. торговыхъ писемъ и др. 1 р.

Евг. Сандофъ.
Сила и какъ сдѣлаться сильнымъ *). Полное руководство гимнастики, атлетики и борьбы съ 100 рисунками и 40 новѣйш. портрет. борцовъ. Изд. 2-е. 1 р.

М. Соловьевъ.
Какъ быть борцомъ и атлетомъ *). Самоучитель французской борьбы, тренировка съ гантелями и тяж. гирями. Съ 153 рис. въ текстѣ. Спб. 1908 г. 1 р.

Гарманъ и Ганкокъ.
Джю-Джицу. Методъ японской атлетики съ 22 рис. Спб. 1908 г. 75 к.

І. П. Миллеръ.
Моя система *). 15 минутъ ежедневной гимнастики. Спб. 1909 г. 75 к. Таблица къ книгѣ „Моя Система" наклеенная на кард., 20 к.

І. П. Миллеръ.
Новѣйшая гигіена *). Гигіенич. совѣты съ 26 рис. 1909 г. 1 р.

Проф. Гарриссонъ.
Развитіе силы и нарощеніе мышцъ *). Руководство къ раціональной гимнастикѣ съ 55-ю рис. Изд. 2-е. Спб. 1909 г. 1 р.

Л. Виль. Борьба и борцы. Правила борьбы, съ рис. борьбы и порт. 1 р. 25 к.

А. Михайловъ.
Практическое руковод. къ изученію фотографіи для начинающихъ. Изд. 3-е, дополн. Спб. 30 к.

Спутникъ Наборщика и корректора *). Составилъ Р. Спб. 20 к.

Л. Курбергъ.
Альбомъ монограммъ 1300 художествено-исполн. моногр. 2 р.

Гупиль.
Руководство къ живописи масляными красками. Перев. П. Маркова. 1 р

Шполь.
Рисованіе безъ клѣтокъ для школъ и самообученія 1 р.

Мѣры, вѣсъ и монеты, русскія и метрическіе. Новое положеніе. Сравнительныя табл. 30 к.

М. Котурьенко. Капит.

Спутникъ молодого солдата пѣхоты *). Рекомендовано Главнымъ Штабомъ за № 180. 1905 г. Новый Учебникъ Программа для молодыхъ солдатъ пѣхоты по недѣлямъ. Изд. 5-е. Спб. 1909 г. 25 к.

М. Котурьенко *), капит.

Герои мирнаго времени. 30 к. Русскій солдатъ на полѣ брани. 30 к.

Иллюстрированная лѣтопись войны съ Японіей. 84 отд.

Иллюстрированн. больш. форм. вып. вм. 10 р. за 6 р. съ перес.

Курсъ нач. рисованія. Изданіе Императ. О-ва Поощренія Худож. Состав. Акад. Сабанѣевымъ въ 5 тетр. Спб. 1 р.

Самая смѣшная книга. Худ. сбор. грав. на дер. Спб. 1 р. 50 к.

Подарокъ хозяйкѣ. Настольная книга. (Кухня и совѣты). 50 к. за 10 к.

Березка. Разсказъ для дѣтей младш. возрс. съ рис. Отпечатанъ крупнымъ шрифтомъ. 80 к. за 20 к.

Заикина, Л.

Хиромантія или Тайны руки. Полное руководство къ опредѣленію типа, характера и наклонностей человѣка. СПБ. 1909 г. Ц. 1 р.

Рѣшеніе задачъ сборника Евтушевскаго *). Ч. I., 30 к.

Справочный словарь для правописанія *). Сост. по Гроту, Далю, Макарову и др. подъ ред. В. Кименталь. Спб. 15 к.

Фругъ *).

Встрѣчи и впечатлѣнія. 1 р. Сказки и эскизы. 1 р. Обѣ вмѣстѣ съ роскош. пер. 2 р.

Н. Корецкій.

Дивертисементъ. Художеств. сборникъ. СПБ. Ц. 1 р. 50 к.

„Книга неудержимаго смѣха" *). Дивертисементъ книга 2-я. Изд. 3-е. пополн. текстомъ и рис. Художественный Сборникъ (иллюстриров. портретами авторовъ) избранныхъ ком., сатиристич. и юмористич. сценъ и разсказовъ. 1 р.

Молль Д-ръ. Половая жизнь ребенка, подъ ред. Д-ра Бегровина. СПБ. 1909 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сигизмундъ Либровичъ. Петръ I-й и женщины. Спб. 1 р.

Форель.

Половой вопросъ 2 т. 1909 г. 2 р. 50 к. и 2 т. ц. 2 руб. 1909 г.

Вокальные вечера. Сборникъ хоровъ для смѣшан. хоровъ: дисканта., альта, тенора и баса, съ аккомпан. фисгармоніи и фортеп. В. Волковскаго, вып. 2-й. 2 р. 50 к.

Янъ Клечинскій. Проф.

Какъ надо исполнять Шопена. 3 лекціи съ нотами. Изд. 2-е. Спб. 50 к.

Сакетти.

Музыкальная хрестоматія. Спб. 3 р.

Риттихъ.

Славянскій міръ. Этног., историческ. и географич. сборникъ. 4 р.

М. Фарадей.

Исторія свѣчки. Популярн. излож. съ 56 рис. 75 к.

Пиковъ.

Самый легкій способъ выучиться играть въ винтъ. Изд. 2-е. Спб. 75 к.

Викторъ Кименталь.

Самоучитель безошибочно писать по-русски въ 2-хъ ч. За обѣ вмѣстѣ 1 р. 50 к.

Спутникъ практической жизни, иллюстрированный массой рисунковъ (болѣе 500) сборникъ всевозможныхъ практич. свѣдѣній и полезныхъ совѣтовъ для городской и деревенской жизни. 2200 стр. Сост. и ред. Бродерсена. Спб. вм. 4-хъ руб. 2 руб. перес. въ роскошн. перепл. 3 руб.

Артуръ Шницлеръ.

Графиня Мицци или семейный съѣздъ. Спб. 40 к.

Франкъ Видекиндъ.

Весенніе побѣги. (пробужденіе весны) 60 к. Музыка перев. О. Норвежскаго. 75 к.

Германъ Зудерманъ.

Розы пер. О. Н. Чюкиной. 50 к.

Гастонъ Леру.

Тайна желтой комнаты. Уголовн. романъ. 1 р.

Марсель Прево.

Сладострастникъ. 40 к.

Н. О. Боди.

Дѣвичьи годы одного мужчины. 55 к.

Л. Фейербахъ.

О Дуализмѣ и Безсмертіи. 50 к.

Жанъ Гравъ.

Будущее общество. Спб. 1 р.

Дѣткамъ-малолѣткамъ. Альбомъ раскрашенныхъ картинъ, наклеен. на холстѣ. Спб. 1 р.

К. Абрамовичъ.

Практич. руководство для составленія дѣловыхъ бумагъ *). Образцы и формы домашнихъ нотаріальныхъ крѣпостныхъ актовъ, договоровъ, контракт., обязательствъ, прошеній и жалобъ на постанов. сословн., администт. и судебн. учрежд. съ разъясн. порядка и срока подачи жалобъ. Образцы и формы бумагъ въ Лѣсоохранит. комит. по залогу имуществъ въ кред. учр. Изд. 2-е доп. Спб. 1909 1 р. 25 к.

Новый уставъ о векселяхъ *) со всѣми разъясненіями и рѣшен. Прав. Сената съ прилож. образцовъ и формъ судопроизводств. бумагъ, для веденія дѣлъ по вексельнымъ взысканіямъ у земск. начальн. и во всѣхъ судебн. установлен. съ прил. списка нотар. Спб. 1 р. 20 к.

Полное руководство и справочная книга: *) I. Уставъ о гербовомъ сборѣ со всѣми разъясненіями въ алфавитномъ порядкѣ. II. Уставъ о гербовомъ сборѣ съ рѣшеніями Правит. Сената, инструкціями и циркулярами Мин. Финанс. въ системат. поряд. съ доп. 1908 г. Спб. 4-е. 2 р.

Крестьянское право *) по рѣшен. Правит. Сената Алфавит. указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ по Первому, Второму Гражд. и Уголовному Кассац. Деп. и по Общему Собранію по крест. дѣламъ 1 р. 50 к.

Уставъ о паспортахъ *) со всѣми измѣнен. дополн. и разъяснен. по рѣш. Прав. Сената и цирк. Мин. со включен. **Правилъ о правѣ жительства евреевъ.** 1 р.

Уставъ о гербовомъ сборѣ *) съ рѣшен. Правительст. Сената инструкц. и циркулярами М-ва Фин. Съ допол. 1908 г. Изд. 4-е. 1 р.

Новое уголовное уложеніе *). Съ приложеніемъ подробнаго предметнаго алфавитнаго указателя. Изд. 2-е. Спб. 50 к.

Новый уставъ о векселяхъ *) 20 к.

Новый таможенный тарифъ *) и договоръ между Россіей и Германіей. Спб., 50 к.

Алфавитный перечень *) бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ отъ него утвержд. Минист. Финансовъ 9-го Іюля. Спб. 1903 г. 60 к.

Штурцваге.

Сводъ законовъ гражданскихъ. Съ разъясненіями. СПБ. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

Уставъ Росс. Желѣзныхъ Дорогъ. Съ разъясненіями СПБ. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

А. И. Тилинскій.

Фасады и детали *), каменныхъ и деревянныхъ построекъ. Пособія для скомпановки фасадовъ въ разныхъ стиляхъ. II-е изящ. изд. Спб. 1908 г. 1 р. 50 к.

Проекты и подробныя смѣты дачъ *) въ 750 и 2500 руб. Спб. 1 р.

Стиль Модернъ. Проекты зданій, фасады и детали. 2 р. 50 к.

Условія *), **договоры и цѣны** на производство строительныхъ работъ. Спб. 1908 г. Ц. 1 р.

Полная архитектура, для архитекторовъ, техниковъ, студентовъ, подрядч. и т. д. Руководство для проектированія гражданск. построекъ. 216 листовъ разнообразныхъ готовыхъ плановъ и деталей каменныхъ и деревянныхъ домовъ, фабричныхъ и заводскихъ зданій, училищъ, больницъ, земскихъ и городскихъ учрежд. церквей, монастырей и др. зданій для спеціальныхъ цѣлей. Спб. 14 руб. Настоящ. книга больш. формата (10 × 6 вершк.). вѣсъ 11 фунт.

В. Стори.

Дачная архитектура *) 12 проектовъ дешевыхъ дачъ съ смѣтами. Спб. 1908 г. 1 р. 50 к.

В. Карповичъ.

Мотивы деревянной архитектуры *). Сборникъ проектовъ дачъ, домовъ, церквей, преимущ. премирован. на конкурсѣ Выс. Худ. Уч. Импер. Акад. Худож. Спб. 3 р.

Нов. повторительные курсы по исторіи. Сост. по учебн. Иванова, Карѣева и др. Подъ ред. учит. гимн. и учит. института Виноградова:

Повтор. Курсъ древней исторіи. СПБ. 1910 г. Ц. 25 к.
" " средней " СПБ. 1910 г. Ц. 25 к.
" " новой " СПБ. 1910 г. Ц. 25 к.
" " русской " СПБ. 1910 г. Ц. 30 к.

Конспекты по географіи печатаются.

Книгоиздательство „ПРОГРЕССЪ“—Спб., Невскій 34.

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

РАЗСКАЗЫ.

Томъ I и II.

Изданіе 3-ье.

СПБ. 1909 г.

Цѣна каждаго тома по 1 рублю.

Уставъ о паспортахъ *) со всѣми измѣнен. дополн. и разъяснен. по рѣш. Прав. Сената и цирк. Мин. со включен. **Правилъ о правѣ жительства евреевъ.** 1 р.

Уставъ о гербовомъ сборѣ *) съ рѣшен. Правительст. Сената инструкц. и циркулярами М-ва Фин. Съ допол. 1908 г. Изд. 4-е. 1 р.

Новое уголовное уложеніе *). Съ приложеніемъ подробнаго предметнаго алфавитнаго указателя. Изд. 2-е. Спб. 50 к.

Новый уставъ о векселяхъ *) 20 к.

Новый таможенный тарифъ *) и договоръ между Россіей и Германіей. Спб., 50 к.

Алфавитный перечень *) бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ отъ него утвержд. Минист. Финансовъ 9-го Іюля. Спб. 1903 г. 60 к.

Штурцваге.

Сводъ законовъ гражданскихъ. Съ разъясненіями. СПБ. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

Уставъ Росс. Желѣзныхъ Дорогъ. Съ разъясненіями СПБ. Ц. въ перепл. 2 р. 50 к.

А. И. Тилинскій.

Фасады и детали *). каменныхъ и деревянныхъ построекъ. Пособія для скомпановки фасадовъ въ разныхъ стиляхъ. II-е изящ. изд. Спб. 1908 г. 1 р. 50 к.

Проекты и подробныя смѣты дачъ *) въ 750 и 2500 руб. Спб. 1 р.

Стиль Модернъ. Проекты зданій, фасады и детали. 2 р. 50 к.

Условія *), **договоры и цѣны** на производство строительныхъ работъ. Спб. 1908 г. Ц. 1 р.

Полная архитектура, для архитекторовъ, техниковъ, студентовъ, подрядч. и т. д. Руководство для проектированія гражданск. построекъ. 216 листовъ разнообразныхъ готовыхъ плановъ и деталей каменныхъ и деревянныхъ домовъ, фабричныхъ и заводскихъ зданій, училищъ, больницъ, земскихъ и городскихъ учрежд. церквей, монастырей и др. зданій для спеціальныхъ цѣлей. Спб. 14 руб. Настоящ. книга больш. формата (10 × 6 вершк.). вѣсъ 11 фунт.

В. Стори.

Дачная архитектура *) 12 проектовъ дешевыхъ дачъ съ смѣтами. Спб. 1908 г. 1 р. 50 к.

В. Карповичъ.

Мотивы деревянной архитектуры *). Сборникъ проектовъ дачъ, домовъ, церквей, преимущ. премирован. на конкурсѣ Выс. Худ. Уч. Импер. Акад. Худож. Спб. 3 р.

Нов. повторительные курсы по исторіи. Сост. по учебн. Иванова, Карѣева и др. Подъ ред. учит. гимн. и учит. института Виноградова:

Повтор. Курсъ древней исторіи. СПБ. 1910 г. Ц. 25 к.
" " средней " СПБ. 1910 г. Ц. 25 к.
" " новой " СПБ. 1910 г. Ц. 25 к.
" " русской " СПБ. 1910 г. Ц. 30 к.

Конспекты по географіи печатаются.

Книгоиздательство „ПРОГРЕССЪ“—Спб., Невскій 34.

М. АРЦЫБАШЕВЪ.

РАЗСКАЗЫ.

Томъ I и II.

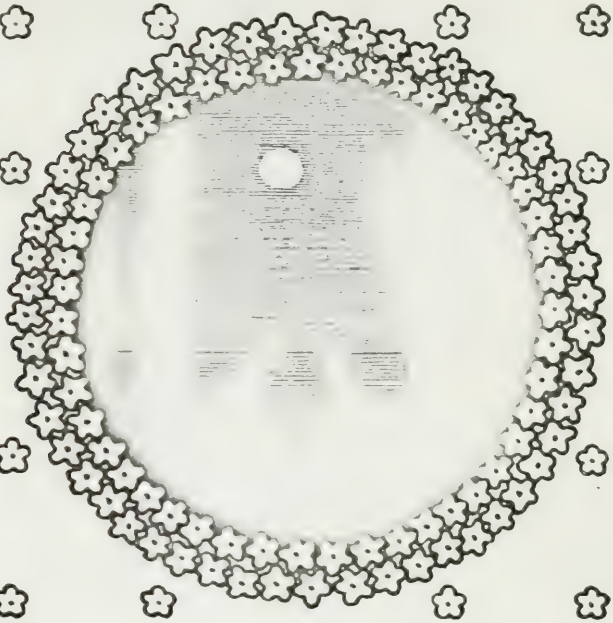
Изданіе 3-ье.

СПБ. 1909 г.

Цѣна каждаго тома по 1 рублю.

Книгоиздательство „ПРОГРЕССЪ“ — Спб., Невскій 34.

АНАТОЛІЙ КАМЕНСКІЙ



СТУДЕНЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИЗД-ВО „ПРОГРЕССЪ“ НЕВСКІЙ 34/5.

СПБ 1909

Тип. Потребинскій.

СПБ. 1909 г. Цѣна 50 коп.

Книгоиздательство „ПРОГРЕССЪ“—Спб., Невскій 34.

Содержаніе.

Павелъ и Зоя. Повѣсть въ стихахъ. *Потемкина.*—Любовь, вѣра и надежда. *Леонида Андреева.* Ночь. *М. Арцыбашева.*—Изъ путешествій графа Пастухова. *Сергѣя Ауслендера.*---Лавры. *А. Куприна.* Листопадъ. *Вл. Лонскаго.*—Гость. *Ник. Олигера.*—Изъ книги „Къ морю-океану“. *Алексѣя Ремизова.*—Изъ „Связки писемъ“. *Анны Саксаганской.*—Товарищъ Полетаевъ. Разсказъ *Г. Яблочкова* и стихотворенія: *Л. Андрусона, В. Башкина, А. С. Грина, Н. Гумилева, Я. Година, Алекс. Рославленева, Дм. Цензора* и *И. Рукавишникова.*

Спб. 1909 г. **Цѣна 1 р. 25 к.**

Книгоиздательство „ПРОГРЕССЪ“ — Спб., Невскій 34.

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ

О

Леонидѣ Андреевѣ, Валеріи Брюсовѣ, Ѳедорѣ Сологубѣ, А. Купринѣ, М. Арцыбашевѣ. О критикѣ, о Дмитріи Писаревѣ, Евгеніи Соловьевѣ, В. Буренинѣ, Антонѣ Крайнемъ и другихъ.

СПБ. 1910 г.

Цѣна 1 рубль.

Книгоиздательство „ПРОГРЕССЪ“—Спб., Невскій, 34

М. АРЦЫБАШЕВЪ

ЭТЮДЫ

СПБ. 1910 г.

Цѣна 1 руб.

А. КУПРИНЪ

СОЧИНЕНІЯ

Т. VII

Меджидъ. Яма.

П. ТРОЯНСКІЙ.

КНИГОИЗД. „ПРОГРЕССЪ“

1910

СПБ.

Цѣна 60 коп.

Книгоиздательство „ПРОГРЕССЪ“—Спб., Невскій, 34.

АНАТОЛІЙ КАМЕНСКІЙ

ЛЮДИ

РОМАНЪ

С-ПЕТЕРБУРГЪ

1910

Цѣна 1 рубль.

Книгоиздательство „ПРОГРЕССЪ“—Спб., Невскій 34.

А. Купринъ.

СОЧИНЕНІЯ.

Т. VI.

СПБ. 1909 годъ. Цѣна 1 руб.

П. Пильскій.

РАЗСКАЗЫ.

Изданіе 2-е.

СПБ. 1910 г. Цѣна 1 руб.

Ал. Ремизовъ. РАЗСКАЗЫ. Спб. Ц. 1 р.

Бельше. ГЕККЕЛЬ, его жизнь и сочиненія. Ц. 40 к.

ГАТА-ЮГА. Система физическаго развитія. Индійская мудрость о здоровомъ человѣкѣ.

Сост. японецъ Іогъ-Рамарака по индійск. источн. Съ рисун. Перев. съ 5 американск. изданія **Николая Ѳедорова-Дальняго** подъ ред. Д-ра **Бентовина.**

ГЛАВНАЯ КОНТОРА

Календаря и записной книжки „ПОЛЬЗА“.

На 1910 годъ календарь **„Польза“** (23 г. изданія), печат. въ 3-хъ видахъ съ 1/3 стр. чистой бумаги для записей на кажд. день, съ 1/2 стр. и съ одной стр. въ клеенчат. коленк. и кож. переп. **Цѣны,** смотря по сорту, отъ 20 к. до 1 руб. Продавцамъ значительная скидка. **Имѣется прейсъ-курантъ.**

Тип. Ф. Байсберга и П. Гершунина, СПБ. Екатерининскій кан., № 71—6.

LRBMy 28

- d'Annunzio
- Hamsun
- Kuprin
- van Lerberghe
- Wilde
- Psychiatrie

BINDING SECT. OCT 20 1966

PG
3470
R4A15
1910a

Remizov, Aleksei Mikhaĭlovich
Rasskazy

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 12 19 04 06 006 7